

МИТИН ЖУРНАЛ

ББК 84.7 Фр

ЖАН(НА) ДЕ БЕРГ
ЖЕНСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ

Перевод Татьяны Источниковой

В оформлении обложки использована
фотография Хельмута Ньютона «Кладбище Пэр Лашез» (1977)

ISBN 5-98144-053-8

© Catherine Robbe-Grillet, 1956, 1985, 2001

© Татьяна Источникова, 2005

© Митин Журнал, 2005

Корректор: Ольга Кобрина
Обложка: В. Горбунова
Руководство изданием: Д. Боченков
Макетирование: Е. Антонова

МИТИН ЖУРНАЛ
а/я 24048, Тверь, 170024, Россия. e-mail:
www.mitin.com

Жан(на) де Берг

**ЖЕНСКИЕ
ЦЕРЕМОНИИ**

Жан де Берг

ОБРАЗ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОМАНУ «ОБРАЗ»

Кто такой Жан де Берг? Настала и моя очередь попытаться разгадать эту загадку. Наименее вероятной представляется мне версия, согласно которой он – автор этой небольшой книги. Ее стиль больше похож на женский.

Однако именно мужчины зачастую приобщают своих возлюбленных к удовольствиям кнута и цепей, подвергают их мучениям и унижениям... Но они не знают, что творят.

Они, эти наивные создания, думают таким образом утолить свою гордыню, свою жажду могущества, или даже осуществить свои права, данные неким изначальным превосходством. Чтобы еще увеличить это недоразумение, наши интеллектуалы тут же возражают им, уверяя, что женщина свободна и равна в правах с мужчиной, что она больше не хочет, чтобы ею распоряжались...

Вот в чем загвоздка!

Любовник, если он обладает некоторой тонкостью чувств, очень быстро замечает это несоответствие: он – повелитель, это правда, но только в том случае, если его партнерша сама этого хочет! Никогда отношения господина и раба не иллюстрировали с такой яркостью диалектические противоречия! Никогда сообщничество жертвы и палача не было столь необходимо! Даже закованная в цепи, стоящая на коленях, умоляющая, – в конечном счете именно женщина повелевает.

И она прекрасно это сознает. Ее могущество растет пропорционально ее униженности. Одним только взглядом она может все уничтожить и обратить в прах.

Однажды достигнув договоренности, ценой подобной двусмысленности можно продолжать игру. Но ее значение изменится: всемогущий раб, распростертый у ног жреца, сам становится богом. Мужчина – всего лишь

служитель божества, слабый и трепещущий от осознания своей вины. Его рука служит лишь тому, чтобы совершить священный ритуал. Если он утратит благоволение божества, все рухнет!

Этим объясняются описанные в книге обряды, застывшие ритуальные позы, церковная обстановка, отношение к предметам фетишизма как к священным реликвиям. Описанные во всех подробностях фотографии – не что иное, как религиозные изображения, заново отражающие этапы крестного пути.

Эта любовная история, как всякая другая, разворачивается между двумя персонажами. Но женский персонаж начинает раздваиваться: на ту, которая отдается, и ту, которая повелевает. Не в этом ли проявляется двойственность нашего странного пола, который отдается другому, но осознает лишь себя?

Да, наивны те мужчины, которые требуют, чтобы ими восхищались, в то время как по сути почти ничего собой не представляют. Женщина, как и они, восхищается лишь распростертым телом, то ласкаемым, то избиваемым, открытым для любых проявлений бесстыдства, но это тело – ее собственное. Мужчина же сохраняет свою целостность: он – тот верующий, который тщетно стремится слиться со своим божеством.

Женщина, напротив, одновременно восхищается собой со стороны, как верующая, и является предметом чужого восхищения и насилия. Ее снова и снова приносят в жертву, она снова и снова возрождается, и главное ее удовольствие заключается в том, чтобы посредством этой тонкой игры отражений созерцать свой собственный образ.

П. Р.

ВЕЧЕР У N.

Тем летом я снова встретил Клэр – это произошло на дружеской вечеринке у N. на бульваре Монпарнас. Увидев ее, я больше всего поразился тому, как мало она изменилась, словно я простился с ней только вчера, тогда как мы не виделись года два или три, если не больше.

Она безо всякого удивления протянула мне руку и сказала просто: «Добрый вечер» – таким тоном, как если бы мы расстались накануне. Я ответил: «Добрый вечер, Клэр», – полагаю, тем же или почти тем же тоном.

Потом я увидел и других приглашенных и также пожал им руки. В большинстве своем это были люди, которых я привык встречать каждую неделю то здесь, то там, все в той или иной степени писатели и почитатели искусств. Со многими из них у меня были общие интересы и текущие дела, о которых мы довольно долго беседовали небольшими группками по мере появления и ухода новых гостей.

Всего собралось около тридцати человек, разошедшихся затем по трем смежным комнатам, выходящим окнами на бульвар. Кажется, был июнь или конец мая. Одно из окон было распахнуто настежь.

Когда я увидел Клэр, она стояла одна на балконе напротив открытой двери, прислонившись спиной к перилам. Она пристально смотрела вглубь комнаты, но не на меня. Я оглянулся, чтобы узнать, что она так внимательно изучает. Это оказалась группа из трех человек, стоявших недалеко от балконных дверей – двое молодых людей лет тридцати, которых я не знал, и очень молодая женщина или девушка, тоже мне незнакомая.

Я снова посмотрел в сторону балкона и на сей раз встретился взглядом с Клэр, спокойно смотревшей на меня. Она улыбнулась мне одной из тех улыбок, которые принято называть загадочными; а может быть, такое впечатление возникло у меня просто из-за того, что ее лицо наполовину оставалось в тени.

Она стояла, опираясь расставленными руками о край перил, к которым прижималась спиной. Она была очень красива. Все это признавали. И сегодня вечером я еще раз убедился, что это правда.

Я приблизился к двери, но не стал выходить на балкон. Клэр оставалась неподвижной. Я наблюдал за людьми, появлявшимися на бульваре позади ее силуэта и медленно проходившими вдоль ярко освещенных витрин в мягком вечернем сумраке. Я сказал по этому поводу что-то незначительное. Она рассеянно кивнула.

Я взглянул ей в лицо и увидел, что она снова смотрит в ту же сторону на что-то за моей спиной. Я не решился оглянуться, чтобы посмотреть, разглядывает ли она тех же самых людей, но подумал, что скорее всего так и есть, потому что на ее лице было то же самое выражение, как в тот момент, когда я ее заметил; точнее, вообще никакого выражения не было.

Я сделал несколько шагов по длинному балкону, который тянулся вдоль всей стены, и оказался перед еще одной стеклянной дверью, оказавшейся запертой. Я машинально заглянул внутрь сквозь неплотно задвинутые тюлевые занавески.

Как раз напротив стояла хозяйка. Она сказала мне что-то, чего я не понял, не расслышав ее слов и не догадавшись о них по движению губ. Мадам N. повернула ручку и приоткрыла одну из створок двери, чтобы повторить свою фразу. Тюлевая занавеска мешала открыть дверь полностью, но я все же сумел проскользнуть внутрь и

немного поболтать с хозяйкой. Она в шутку спросила, не прячусь ли я.

Не успев сразу придумать более подходящей темы для разговора, я спросил ее о юной девушке в белом платье, на которую указал взглядом. Но мадам N. ничего толком о ней не знала или не хотела рассказывать. Она лишь ответила, что это подруга Клэр, пришедшая вместе с ней, и что из нее невозможно вытянуть ни слова.

Действительно, девушка едва отвечала двум молодым людям, говорившим с ней. Более того, она избегала смотреть им в лицо и почти все время стояла, опустив голову.

Впрочем, она была мила, хорошо сложена, насколько можно было об этом судить, с хорошеньким личиком. Ее даже можно было назвать весьма соблазнительной. Несмотря на крайнюю молодость, от всего ее существа исходил тот «зов плоти», который скорее позволял счесть ее «молодой женщиной», чем дать более двусмысленное определение «девушки». Все же в простом легком белом платье она казалась совсем ребенком.

Мадам N. покинула меня, вернувшись к своим обязанностям хозяйки. Наблюдая издали за юной девушкой, которая по-прежнему стояла, потупившись, я снова заметил, что Клэр не отрывает от нее глаз. С того места, где я находился, я не видел Клэр, но сразу же почувствовал, что она по-прежнему стоит на балконе, прислонившись спиной к перилам и держась за них расставленными руками. Я снова представил себе выражение ее лица, сосредоточенное и равнодушное одновременно, словно она наблюдала, как разворачивается действие, поставленное по ее сценарию и поэтому не вызывающее у нее ни малейшего удивления.

Как я уже сказал, Клэр была очень красива, без сомнения, гораздо красивее своей юной подруги в белом платье. Однако в отличие от последней она никогда не

вызывала во мне настоящего чувственного волнения. Вначале это меня удивляло, но потом я сказал себе, что именно эта слишком явная красота, это исключительное совершенство не позволяют мне смотреть на нее как на возможную жертву. Должен был существовать хоть какой-то изъян, чтобы я смог ощутить лихорадочное волнение от предвкушения победы.

Я приблизился к открытой двери тем же манером, что и раньше, но на сей раз умышленно, и повернулся к балкону. Клэр там не было.

Я сделал в том же направлении еще несколько шагов, чтобы посмотреть по сторонам, но балкон был пуст. Опасаясь, как бы кто-нибудь не заметил моего маневра, я сделал вид, что решил подышать свежим воздухом. Я облокотился о перила и стал рассеянно наблюдать за прохожими, медленно идущими по бульвару вдоль ярко освещенных витрин, в теплом сумраке ночи.

Позже, сидя возле широкого дивана, в центре группы, с жаром спорившей о последней литературной фальсификации, я получил возможность внимательнее рассмотреть девушку в белом платье.

Чем дольше мой взгляд задерживался на ней – на чертах ее лица, линиях тела, – тем более грациозной, нежной и скромной она мне казалась. Манерами она походила на застенчивую балерину – некоторая доля неловкости лишь подчеркивала ее очарование. Сейчас она протягивала поднос с прохладительными напитками каким-то мужчинам, которым явно было интереснее изучать ее, чем угощаться. Ее платье было приталенным, с очень широкой юбкой. Сборчатое декольте полностью открывало ее плечи – округлые и слегка позолоченные загаром.

– А вы, Жан де Берг, предпочитаете уклоняться от споров?

Это была сама Н., пытавшаяся втянуть меня в разговор. Развернувшись, чтобы оказаться к ней лицом, я вдруг заметил Клэр, которая спокойно меня рассматривала. Она стояла рядом с пустым креслом, прислонившись спиной к стене, на некотором расстоянии от остальных, и курила. Она вскользь улыбнулась мне той же загадочной улыбкой, что и в первый раз.

Позже, когда я уже собирался прощаться с хозяевами, Клэр вдруг решительно направилась ко мне.

– Я ухожу, – сказала она. – Если хотите, мы могли бы выпить что-нибудь в кафе, чтобы отдохнуть от здешней суеты.

Казалось, она оказывает мне милость, о которой я долго умолял. Я ответил не сразу, не зная, как лучше спросить, составит ли нам компанию ее юная подруга или нет. Но Клэр почти сразу же добавила:

– Я познакомлю вас с Энн. Вы увидите, она очень мила.

Она особенно выделила слово «мила» – так, что это даже показалось мне странным. Я взглянул ей в лицо и вопросительно поднял брови:

– Энн?

– Да, вон та малышка. – Она бесцеремонно указала пальцем на девушку, которая сидела на стуле отдельно от остальных, в нескольких шагах от нас, и рассматривала свои руки, сложенные на коленях.

Я спросил небрежным тоном, словно это меня ничуть не занимало:

– Кто она?

– Начинаящая фотомодель, – ответила Клэр с некоторой снисходительностью. (Кажется, я забыл упомянуть, что она более или менее профессионально занималась художественной фотографией.)

– А еще?

– А еще она – моя собственность, – просто сказала Клэр.

В том углу бара, где мы расположились, больше никого не было. Клэр сразу же, едва посоветовавшись со мной и вообще не обращаясь к маленькой Энн, заказала для всех минеральной воды. Официант быстро принес заказ. Клэр извлекла американскую сигарету из пачки, которую я выложил на стол, и сама зажгла ее. Потом взглянула на подругу и наклонилась к ней, чтобы поправить прядь ее тонких белокурых волос с золотистым отливом.

– Ну скажите, разве она не очаровательна?

Клэр произнесла это с некоторым вызовом. Я ответил: «Да, весьма» – но обычным вежливым тоном.

– Да, она очень мила, – повторила Клэр. – И даже более того, как вы вскоре убедитесь.

Я взглянул на девушку. Она сидела не шелохнувшись, неотрывно глядя на свой бокал с минеральной водой, со дна которого поднимались маленькие пузырьки.

– Можете ее потрогать, если хотите, – сказала Клэр.

Я искоса взглянул на нее. Я подумал, что, возможно, она слегка пьяна. Но, кажется, она была такой, как обычно; легкая доля цинизма всегда была ей свойственна.

– Вот увидите, это очень приятно.

Меня вновь слегка удивило это будущее время: «Увидите». Я взглянул на округлое гладкое плечико, казавшееся смуглым рядом с белой тканью. Моя правая рука уже лежала на спинке дивана, и мне оставалось лишь слегка ее передвинуть, чтобы коснуться кончиками пальцев золотистой кожи.

Молодая женщина едва заметно вздрогнула и на мгновение подняла на меня взгляд.

– Очень приятно, – согласился я, обращаясь к Энн.

Клэр тут же подхватила:

– Глаза у нее тоже красивые. Ну-ка, посмотри на господина, пусть он их увидит. – Одновременно она мягко приподняла девушке подбородок, коснувшись его сжатым кулаком.

Несколько мгновений маленькая Энн смотрела на меня, потом, зардевшись, вновь потупилась. В самом деле, у нее были большие, очень красивые зеленые глаза, обрамленные длинными изогнутыми ресницами.

Теперь Клэр гладила ее лицо, продолжая говорить вполголоса, словно самой себе:

– И рот тоже красивый... губы красивые, такие мягкие... и такие умелые... и зубы... прекрасные беленькие зубки... Покажи-ка их нам.

И она пальцами открыла рот девушки.

– Так и оставайся, – приказала она.

Маленькая Энн осталась послушно сидеть, как ей велели, полуоткрыв рот, так что были видны два ряда блестящих, ровных зубов. Но смотрела она в сторону Клэр. Ее приоткрытые губы слегка дрожали. Мне показалось, что она сейчас заплачет. Я отвернулся и выпил несколько глотков воды.

– Как-нибудь, – сказала Клэр, – я покажу вам ее фотографии, которые я сделала.

В это мгновение мне показалось, будто я слышу, как молодая женщина протестует или, во всяком случае, жалуется. Она до сих пор не вымолвила ни единого слова после того невнятного «месье» в самом начале, которое сопровождалось грациозным полуреверансом, когда Клэр нас познакомила. Мне показалось, будто теперь она пробормотала: «Ах, нет» или что-то в этом роде – это заставило меня подумать, что фотографии, о которых шла речь, неприличные.

Но Клэр вдруг объявила, что хочет немедленно уйти.

Когда мы все поднялись из-за стола, Клэр снова спросила: «Итак, она вам понравилась?» – как будто я был потенциальным покупателем. Одновременно она подтолкнула девушку ко мне, надавив ей рукой на затылок. Потом ни с того ни с сего добавила:

– Она не носит бюстгальтера. Я нахожу забавным заставлять ее ходить в таком виде.

На сей раз молодая женщина покраснела гораздо сильнее. Я был уверен, что Клэр сейчас сообщит еще какую-нибудь пикантную подробность – например, об отсутствии у своей подруги другого предмета нижнего белья.

Но вопреки моим ожиданиям, она ничего не добавила и дальше уже говорила только о каких-то незначительных вещах – по крайней мере, в тот вечер.

РОЗЫ В БАГАТЕЛЬ

Клэр назначила мне свидание на следующий день: мы должны были встретиться и провести вторую половину дня в садах Багатель. Клэр пообещала показать мне розарий, которого я еще не видел.

Теперь я знал уже достаточно, и мне не было необходимости спрашивать, будем ли мы вдвоем или вместе с ее юной подругой.

Кстати сказать, во время наших предыдущих встреч Клэр ни разу не изъявляла желания показать мне сады или фотографии. До сих пор она никогда не предлагала мне увидаться за пределами того общества, в котором мы с ней время от времени встречались и проводили вместе по несколько часов. Я, со своей стороны, также не пытался установить с ней более тесные отношения. Я уже говорил, что меня мало привлекала ее слишком совершенная, слишком правильная красота. К тому же не припомню, чтобы она хоть как-то поощряла мои робкие попытки ухаживания в самом начале – скорее наоборот.

Даже теперь, когда я снова размышлял об этом, ожидая ее на террасе кафе «Руайаль», я не мог припомнить, чтобы она вела себя иначе с кем-то другим. Она отличалась раскованностью манер, самоуверенностью, дерзостью, ничуть не страшилась скандалов. Однако она моментально обескураживала чересчур нежных воздыхателей, впрочем, как и тех, кто делал ей более откровенные предложения – такое тоже случалось.

Как-то раз я присутствовал при наказании одного такого воздыхателя. Мне показалось, что в той ледяной жестокости, с которой она его уничтожила, проявилась своего рода ненависть. Тогда все мы были потрясены этой сценой, поскольку речь шла о красивом молодом человеке, который обладал и умом, и чувственностью, и, судя по слухам, был ее любовником.

Но тут я увидел маленькую Энн, приближавшуюся ко мне. На ней было то же платье, что и накануне. Чтобы пройти между посетителями, не побеспокоив их, она лавировала между ними с очаровательной грацией танцовщицы, поднимая руки, покачивая бедрами и совершая полуобороты среди кресел и столов. Оказавшись рядом со мной, она сдержанно и слегка церемонно поздоровалась, подобно маленькой пансионерке монастырской школы. Ее голос тоже звучал, как у примерной ученицы:

– Она здесь, месье. Она ждет вас в автомобиле.

Эта фраза слегка удивила меня – не только потому, что имя Клэр в ней не называлось, но и из-за чрезмерного почтения, вложенного в слово «месье».

Я встал, чтобы следовать за ней. Автомобиль Клэр был припаркован чуть дальше, на рю де Ренн. Пока мы шли, я успел задать девушке два-три незначительных вопроса; но она, как ребенок, отвечала только: «Да, месье», «Нет, месье» и «Не знаю, месье».

У Клэр оказался абсолютно новый черный автомобиль, мощностью в пятнадцать лошадиных сил. Энн распахнула передо мной дверцу, и я поздоровался с Клэр, сидевшей за рулем. Она ответила мне только легким кивком. Я пропустил девушку вперед и сел рядом с ней на переднее сидение, где как раз хватало места для троих.

Машина тут же тронулась. Клэр вела спокойно и уверенно и, несмотря на плотное движение, быстро выехала на менее оживленные улицы.

Погода стояла прекрасная. Женщины молчали, глядя прямо перед собой. Энн сидела выпрямившись, плотно сдвинув бедра и сложив руки на коленях.

Я сидел чуть боком, чтобы не занимать слишком много места. Левую руку я вытянул вдоль спинки кресла позади Энн, отчего мои пальцы слегка коснулись плеча Клэр. Однако та сразу же инстинктивно отстранилась, и я поспешно убрал руку.

Я сидел, повернувшись к своей соседке, и уловил аромат ее духов. Он был достаточно ненавязчивым, и его можно было ощутить, лишь оказавшись вплотную к ней. Однако он показался мне сильным, очень терпким, пьянящим – такой принято называть чувственным. Это явно были духи не для молоденькой девушки.

Не обращаясь ни к кому напрямую, я сказал, что погода замечательная. Ответа не было. Мы продолжали ехать в молчании. Впрочем, у меня тоже не было особого желания разговаривать.

Мы оставили автомобиль у входа в парк, и Клэр повела нас к розарию.

Когда мы оказались там, Клэр, вместо того чтобы водить нас от цветка к цветку, показала три или четыре сорта, самые восхитительные – она точно знала, где они находятся. Это были похожие цветы: большие, но не слишком пышные, с изогнутыми лепестками, отстоявшими друг от друга, по бокам, и с полусомкнутыми в сердцевине.

Самой прекрасной из всех – опять же по мнению Клэр – была роза нежно-телесного оттенка, который ближе к сердцевине становился более темным. Чуть приоткрытые лепестки образовывали глубокий сумрачный колодец. Их цвет был розовато-бежевым.

Мы еще некоторое время смотрели на розы; потом Клэр быстро оглянулась по сторонам. В этом отдаленном углу парка мы были одни. Ближайшие посетители прохаживались метрах в двадцати и не смотрели в нашу сторону, поскольку их внимание было привлечено более роскошными кустами роз.

Вновь повернувшись к двум своим спутницам, я обнаружил, что Клэр теперь смотрит не на розу телесного цвета, а на подругу, а та стоит неподвижно, как обычно потупив глаза, в двух шагах от розового куста, на краю

аллеи. Пройдя чуть назад, я оказался рядом с Клэр. Я перевел взгляд с девушки в белом платье на розу и обратно.

Рядом со мной послышался голос Клэр:

– Подойди поближе.

Это было произнесено приказным тоном, спокойным, но не терпящим возражений, ожидающим полного подчинения. Однако сам голос Клэр, как мне показалось, слегка изменился: стал более низким и страстным по сравнению с тем, каким был, когда она показывала нам парк и сравнивала достоинства разных сортов роз.

Маленькая Энн не спрашивала никаких объяснений о том, что от нее потребуется. Слегка поколебавшись, она подняла на нас глаза. Мы стояли, частично загораживая от нее более оживленные аллеи парка.

Клэр повторила:

– Ну, давай же! Быстрее!

Ее маленькие ножки нерешительно ступили на клумбу, и узкие туфельки на высоких каблуках почти полностью погрузились в мягкую землю. До сих пор я не замечал, какие тонкие у нее щиколотки. Остальная часть ноги, которую можно было заметить, также была восхитительна.

– Теперь поласкай ее, – сказала Клэр.

Энн протянула правую руку к полуоткрытой сердцевинке цветка. Она осторожно провела кончиками пальцев по сомкнутым краям средних лепестков, лишь слегка касаясь их розоватой нежной плоти. Она несколько раз подряд медленно обвела углубление в центре чашечки, потом осторожно раздвинула края лепестков и снова сомкнула их.

Повторив это два-три раза и слегка расширив таким образом отверстие между лепестками, Энн погрузила в него средний палец, который почти полностью исчез в углублении. Затем она снова вынула его, очень медленно... и тут же снова вонзила до самого дна.

– У нее красивые руки, вы не находите? – спросила Клэр.

Я согласился. Рука у девушки действительно была очень красива – белая, тонкая, легкая, а ее движения – изящными и точными.

Теперь Клэр снова говорила тем вызывающим, жестким тоном, как вчера вечером в кафе. Со слегка презрительной гримасой она указала на девушку, которая продолжала прилежно гладить лепестки розы:

– Она это любит. Это ее возбуждает. Если хотите, можете проверить. Какой-нибудь пустяк – и она уже вся мокрая. Не правда ли, малышка?

Ответа не последовало.

– Хватит! – резко произнесла Клэр. – Сорви ее и дай сюда!

Энн отдернула руку, но осталась стоять, опустив руки и не двигаясь.

Я повернулся, чтобы увидеть перекресток, где наша боковая аллея отходила от центральной. Никто не приближался с той стороны, никто не обращал на нас внимания. Клэр повторила уже более резко:

– Ну, чего ты ждешь?

– Я не смею, – ответила девушка. – Это запрещено.

Ее слова были едва слышны – настолько неуверенно она их произносила. Клэр обернулась ко мне с ироничной улыбкой, словно призывая в свидетели непроходимой глупости своей воспитанницы:

– Разумеется, запрещено... Как и ходить по клумбам... и трогать цветы! Это написано при входе в парк.

Потом она добавила чуть мягче, словно желая подбодрить девушку:

– Ты хорошо знаешь – все, что мне нравится, запрещено.

Энн протянула руку к твердому стеблю цветка, но почти сразу же отдернула руку.

– Я не знаю, как это сделать... – еле слышно выдохнула она. – И потом, здесь шипы...

– Ну значит, ты уколешься, – отвечала Клэр.

Девушка снова протянула руку к цветку, сжала стебель большим и указательным пальцами и резко надломила. Затем отскочила назад и поспешила к Клэр, словно ища у нее убежища, сжимая свою добычу в пальцах.

Роза, сорванная со стебля, казалась еще красивее. Ее форма была совершенной, а нежные лепестки напоминали мякоть сочного плода, в которую хотелось впитаться зубами.

На сей раз Клэр снизошла до легкой похвалы:

– Хорошо. Как видишь, это было совсем нетрудно... Но ты все равно будешь наказана, потому что слишком долго колебалась.

Девушка не возражала; она опустила глаза и покраснела. Она была очаровательна в своей покорности.

Я спросил:

– Что вы намерены с ней сделать?

– Пока не знаю... Но не беспокойтесь: я накажу ее в вашем присутствии.

Маленькая Энн подняла глаза и замотала головкой. Ее взгляд был полон ужаса и, без сомнения, взывал к милосердию. Но вдруг выражение ее лица изменилось, и она прошептала:

– Кто-то идет.

– Что ж, пойдем дальше, – ответила Клэр и указала на противоположный конец аллеи.

Девушка, которую мы все это время загоразивали от взглядов прохожих, быстро повернулась, и мы с Клэр встали у нее по бокам.

Мы двинулись дальше, вплотную друг к другу, неторопливым шагом. Энн шла посередине, прижимая розу к груди. Поскольку аллея перед нами была пуста, никто не мог уличить девушку в воровстве.

Когда мы проходили мимо куста, с которого Энн сорвала розу, Клэр спросила ее:

– Видишь свои следы?

В самом деле, на мягкой земле отчетливо виднелись отпечатки женских туфель на высоких каблуках.

Мы продолжали прогулку, немного ускорив шаг.

Вскоре мы оказались возле довольно густой живой изгороди. Здесь было совершенно безлюдно. Поскольку клумб с цветами вокруг не было, вряд ли кто-то мог нас беспокоить.

Перед нами стояли два садовых кресла, прислоненные спинками к плотной стене зелени, – железные, но, судя по форме, удобные. Клэр села и указала мне на второе:

– Садитесь, Жан. – И, поскольку я медлил, добавила: – Малышке придется постоять. Ей нужно спрятать то, что она украла.

Я сел рядом с Клэр. Энн осталась перед нами, элегантная и стройная в своем белоснежном платье, на котором играли солнечные лучи. Сорванный цветок она по-прежнему прижимала обеими руками к груди. Глаза были опущены.

Мы с Клэр долго смотрели на нее.

Покрой юбки подчеркивал ее бедра и тонкую талию. Было заметно, что под корсажем с широким декольте «корабликом» лифчика на ней нет. Или мне показалось? Клэр повторила:

– Нужно спрятать эту розу.

Конечно, роза гораздо лучше смотрелась бы на груди девушки. Энн могла бы приколоть ее к платью и сделать вид, что пришла сюда уже с ней. Вряд ли запрещалось приходить в парк с цветком на одежде... Я указал на густые заросли туи слева от нас:

– Энн могла бы бросить ее туда – никто ее там не найдет.

– Да, вероятно, – ответила Клэр, словно размышляя о чем-то. – Но было бы жаль терять такой красивый цветок. Не правда ли, малышка?

– Да... нет... я не знаю, – пробормотала девушка.

После недолгого молчания Клэр, внимательно наблюдавшая за подругой, сообщила:

– Все очень просто: ты спрячешь ее на себе.

Поскольку Энн, казалось, не поняла, что имеется в виду – ни карманов на платье, ни сумочки у нее не было, – Клэр пояснила:

– Под платьем. – И вслед за этим: – Ну-ка, посмотрим. Подойди сюда!

Маленькая Энн приблизилась.

– Подними юбку, – велела Клэр.

Одновременно она отобрала розу. Энн наклонилась и, взявшись за край платья, приподняла его до колен. Клэр рассмеялась.

– Да нет, глупышка, я тебе велела поднять его полностью!

Энн снова покраснела и искоса взглянула на меня большими зелеными глазами.

Потом она посмотрела по сторонам. Должно быть, это убедило ее в относительной безопасности нашей позиции: даже если бы кто-то внезапно появился, он не увидел бы, чем мы собираемся заняться. Тогда она выпрямилась, продолжая придерживать край юбки, так что открылись ее ноги выше колен, округлых и гладких, на которых были едва заметны тонкие туго натянутые чулки.

– Быстрее! – приказала Клэр.

Энн, словно ее ударили кнутом, одним рывком подняла юбку выше бедер. Эта широкая юбка в складку отлично подходила для подобных действий: ее без труда можно было задрать хоть до самой шеи. Бедра Энн были округлыми и крепкими, красивой лепки. Над скромной кружевной окантовкой чулок шелковистая кожа сияла белизной. Вдоль бедер тянулись узкие черные подвязки.

– Выше! – нетерпеливо сказала Клэр.

Маленькая Энн бросила на меня отчаянный взгляд, который на этот раз встретился с моим. Никогда еще ее

глаза не были так прекрасны – глубокие, темные, наполненные ужасом и растерянностью.

Ее губы слегка приоткрылись. Грудь заметно приподнималась от учатившегося дыхания. Руки, все еще сжимавшие складки юбки и поднятые выше талии, были достаточно широко расставлены, чтобы можно было наслаждаться очаровательным зрелищем.

Как я и подумал накануне, на ней не было ни панталон, ни даже трусиков-бикини – только черный кружевной пояс для чулок. Под изящной линией живота, вдоль которой тянулась узкая оборка, виднелись короткие золотистые завитки волос. Сам холмик Венеры был слегка выступающим, мягким и припухлым, маленьким, но очень приятным на вид.

Я снова попытался встретиться с Энн взглядом, но теперь глаза ее были закрыты. Она была похожа на кроткого агнца, покорно ждущего заклятия.

– Ну, что скажете? – спросила меня Клэр.

Я ответил, что мне все это кажется очень привлекательным. Узор, вышитый вдоль кромки чулок, тоже был красив: виноградные лозы, переплетенные с крохотными розочками.

Клэр протянула левую руку, в которой по-прежнему держала розу, к завиткам волос на лобке Энн и провела по ним краями лепестков. Затем указала мне на тонкий красновато-зеленый стебель сантиметров десяти в длину.

– Вот что мы сделаем: просунем его под пояс, вот сюда, чуть-чуть сбоку, прямо возле паха. Шипы его удержат.

– Нет, – сказал я. – Шипы могут оцарапать кожу, а цветок упадет, когда она начнет двигаться.

– Все будет в порядке, вот увидите, – ответила Клэр.

Она быстро осмотрела стебель, на котором был лишь один толстый шип, в самом низу, а остальные – тонкие. Клэр стала отщипывать их кончиками ногтей, говоря:

– Видишь, какая я добрая: убираю шипы, чтобы ты не поранилась.

Потом неожиданно повернулась ко мне и добавила:

– Ах да, я и забыла: ее ведь нужно наказать...

Ее тон внезапно сделался повелительным и в то же время более мягким, когда она обратилась к подруге:

– Раздвинь ноги и не двигайся. Сейчас я сделаю тебе больно. Подойди ко мне.

Маленькая Энн подчинилась приказу, умоляюще шепча:

– Нет... нет... не делайте этого... прошу вас...

Клэр ухватила розу за кончик стебля, лепестками вниз, и вонзила острый шип в самую нежную плоть – на внутренней поверхности бедра, возле самого лобка. Пока жертва повторяла: «Нет... пожалуйста... не делайте этого...» – Клэр вдавила шип еще глубже.

Энн жалобно простонала и прикусила нижнюю губу, чтобы не закричать слишком громко.

Клэр помедлила еще несколько секунд, переводя взгляд с лица девушки на обреченную быть наказанной плоть, а потом резким движением потянула стебель вниз. На нежной коже появилась глубокая царапина. Энн закричала во весь голос и отступила на шаг. Но не убежала, а осталась стоять перед нами, вся дрожа – лобок выставлен напоказ, глаза расширены, рот полуоткрыт. Клэр, откинувшись на спинку кресла, смотрела на свою жертву, и я не мог понять, что отражается в ее глазах – ненависть или страсть.

Женщины долго смотрели друг на друга, не двигаясь и не произнося ни слова. Затем Энн, которая так и не опускала платье, сделала шаг к своей госпоже и приняла ту же позу, в которой стояла недавно.

На обнаженном бедре виднелась ярко-алая капля крови. Клэр, черты лица которой понемногу смягчились, чуть подалась вперед, не вставая с кресла, и поцеловала руки девушки, одну за другой.

Затем она оттянула пальцем одну из подвязок Энн, возле левого бедра, другой рукой просунула стебель розы под черную ткань и провела им вдоль бедра вверх, где прикрепила к поясу таким образом, что из-под легких складок юбки выглядывал только цветок. Чтобы он удержался на поясе, ей понадобилось всего лишь повернуть стебель шипом наружу и воткнуть в полоску кружев.

Клэр снова откинулась на спинку кресла, чтобы рассмотреть свою работу на расстоянии. Она кивнула и прищурилась, как знаток искусства, оценивающий живописное полотно.

– Красиво, не правда ли? – обратилась она ко мне с легкой гримаской.

Теперь роза свисала головкой вниз из-под слегка изогнутой линии кружевного пояса на левом бедре, касаясь одновременно и черной ткани, и белокурых завитков на лобке, наполовину закрывая их. Один из лепестков доходил даже до основания бедра. Еще ниже, справа, между нижним острием треугольника, где оставался лишь один тонкий завиток, и черной полоской подвязки, застыла капелька крови, казалось, вот-вот готовая скатиться по жемчужно-белой коже.

Я ответил, что результат удачный, хотя и слишком перегруженный символикой в лучших сюрреалистических и романтических традициях.

Клэр улыбнулась. Ее лицо теперь выражало полное умиротворение. словно собираясь подправить какую-то деталь, она склонилась к своему творению. Однако вместо этого принялась ласкать розу, как делала до этого Энн – раздвигая лепестки и погружая палец в сердцевинку.

Затем она остановилась. Теперь казалось, что это всего лишь игра. Потом она немного поласкала короткие белокурые завитки.

– Как жаль, – заметила она, – что мы не захватили с собой фотоаппарат: получился бы хороший цветной снимок.

Она наклонилась еще ниже и нежно слизнула красную каплю, уже готовую скатиться и испачкать чулок.

Недалеко от нас, с дорожки, проходившей между зарослями туи, слышались голоса. Клэр подняла голову и посмотрела на подругу невинными глазами, полными нежности. Женщины обменялись долгой улыбкой.

Погода была прекрасная. Золотистые волосы маленькой Энн блестели на солнце. Умиротворенным голосом, которого я никогда прежде не слышал, Клэр произнесла:

– Можешь опустить платье.

ЧАЕПИТИЕ И ТО, ЧТО ПОСЛЕДОВАЛО ЗА НИМ

Мы отправились выпить чаю в павильоне парка. Клэр была радостна и болтала как ребенок. Даже Энн говорила охотно и доверчиво. Теперь я убедился, что она нисколько не глупа.

Впрочем, мы говорили лишь о пустяках: садоводстве, искусстве, литературе. Клэр потребовала от меня рассказать последние подробности недавней литературной фальсификации – она слышала, как я накануне вечером говорил об этом в гостях. Обе женщины очень позабылись.

Однако мало-помалу эта легкость исчезла. В разговоре все чаще повисали паузы. На лице Клэр снова появилось замкнутое выражение, как и в начале нашей прогулки. Ее черты, правильные и отстраненно-застывшие, наводили на мысль о поверженной богине. Я увидел, что она вновь целиком поглощена своей юной подругой, своей ученицей, своей жертвой, своим зеркалом. И Энн тоже возвращалась к своей привычной роли предмета вожделения.

Мы допили чай. Когда Энн расправляла складки платья, Клэр внезапно спросила ее:

– Роза все еще на месте?

Энн утвердительно кивнула.

– Когда ты садишься, – продолжала Клэр, – лепестки попадают между бедер и сминаются?

Энн снова кивнула.

– Тогда раздвинь пошире ноги, чтобы цветок свисал свободно и не мялся... Слышишь?

Энн, торс которой по-прежнему оставался неподвижным, а глаза не отрывались от пустой чашки, молча исполнила приказ и снова расправила складки юбки на животе и коленях. Клэр продолжала:

– Сейчас ты чувствуешь лепестки между бедер?

Энн кивнула.

– Тебе приятно?

На сей раз девушка покраснела.

– Ну так что? Ты не можешь ответить?

– Да... приятно, – откликнулась Энн.

Но ее шепот был едва слышен. Клэр пригрозила, что заставит ее, если она не будет отвечать более разборчиво, выставить напоказ и свои груди. И, повернувшись ко мне, добавила:

– Это очень легко будет сделать, потому что ее сборчатое декольте держится всего лишь на резинке... а под ним ничего нет...

Сопровождая свои слова жестом, Клэр протянула руку к груди подруги и оттянула вырез платья на несколько сантиметров вниз, обнажая округлое плечо, складку подмышки и половину груди. Но стягивать его дальше, так, чтобы обнажился и сосок, не стала. Однако можно было заметить более нежную, светлую и интимную плоть, мягко округленную, которая, казалось, взывала к новым мучениям. Выше виднелся след от резинки – розоватая линия неравномерных отпечатков на коже.

– На нас смотрят, – сказал я. – Не стоит заходить дальше. Досадно.

– Тогда уйдем отсюда! – с раздражением в голосе ответила Клэр.

Мы все трое одновременно поднялись. Энн, поправив корсаж, подошла к Клэр и что-то прошептала ей на ухо. На лице Клэр появилась злорадная усмешка – очевидно, оттого, что у нее возникла новая возможность для издевательств – и она воскликнула:

– Нет, ты не будешь сейчас это делать. Я не собираюсь тебя ждать! Не нужно было пить столько чая!

Энн последовала за нами, опустив голову. Я без труда догадался, что она хотела пойти в туалет, но не получила разрешения.

Но я пока не знал, куда Клэр собирается идти. Она неторопливо провела нас по парку, заставляя восхищаться то цветником, то искусно подстриженным кустом, то красиво окаймленной аллеей.

Наконец мы оказались в менее ухоженной части парка, где не было ни клумб, ни цветочных арок. Высокие деревья усыпали густым слоем опавших листьев редкую пожухлую траву. Полузаброшенное место никого не привлекало, особенно в этот час, когда солнце уже начинало клониться к закату и тени деревьев удлинились. Я понял, что Клэр искала тихое местечко, как можно более удаленное от обычных прогулочных маршрутов.

Она действительно вскоре остановилась и указала нам на бурый ковер из опавших листьев и веток под огромным буком с раскидистой кроной. Нижние ветки почти касались травы, но возле самого ствола оставалось свободное пространство, куда можно было пройти, лишь согнувшись в три погибели.

– Вот прекрасное место, – сказала Клэр, – не правда ли?

Она провела нас под дерево. Здесь можно было стоять в полный рост в окружении довольно густых веток.

– Смотря для чего, – ответил я.

– Для этой девочки, разумеется: она ведь искала туалет!

Энн слабо запротестовала:

– Да нет же... уверяю вас... мне не нужно... – И она попыталась вывести нас к аллее.

– В таком случае, – сказала Клэр, – позволь узнать, зачем же ты недавно солгала? Ну? Я-то уж думала, ты хочешь устроить нам маленькое представление.

– Нет... уверяю вас... я ошиблась...

Клэр велела девушке приблизиться и, уперев кулак ей под подбородок, заставила поднять глаза.

– Давай же, глупышка, не ломайся. Ты ведь знаешь, что это бесполезно. – И затем, более суровым тоном,

спокойным, но не терпящим возражений: – Сейчас же это сделай, не то получишь пощечину!

Энн тут же согнула колени, аккуратно расправила вокруг себя платье и присела на корточки перед Клэр. Та протянула правую руку, чтобы погладить ее зардевшееся личико. Потом заставила подругу запрокинуть голову, надавив на нее рукой; теперь ее прикосновения к щекам, векам и губам были более долгими. Вновь смягчившимся тоном она сказала:

– Встань на колени: такая поза более красива.

Девушка встала на колени и обеими руками собрала широкие складки юбки перед собой, чтобы они не касались бедер. Сзади из-под платья выступали каблуки ее туфель.

– Ну что ж, – сказала Клэр с улыбкой, в которой промелькнуло легкое отвращение, – девочке нужно сделать пи-пи?

Кончиками пальцев она разжала зубы Энн и принялась пощипывать ее губы.

– Раздвинь ноги пошире!

Энн раздвинула колени еще больше, и ее туфельки вовсе исчезли под складками платья.

– Вот так, хорошо. Наклонись чуть вперед.

Клэр наклонилась и опустила голову. Под белокурыми локонами, падавшими ей на лицо, пальцы Клэр продолжали играть с ее полукрытыми губами.

– Вот так ты очень мила, – сказала она. Но в следующий миг, потеряв терпение, резко воскликнула: – Ну так ты будешь писать, сучка?

И тут же, поскольку ничего не произошло, Клэр схватила Энн за волосы, резко запрокинула ей голову, а другой рукой вlepила пощечину со всего размаха – один раз, другой...

В этот момент я услышал журчание долго сдерживаемой струйки, которая резко ударилась о сухие листья, устилавшие траву.

НЕВЕРНЫЙ ШАГ

Больше недели я не видел ни Клэр, ни ее подругу.

На восьмой день я случайно повстречал маленькую Энн в книжной лавке на Монмартре. Она была одна. Она сделала вид, будто не замечает меня, что, по правде говоря, нисколько меня не удивило.

Я вспомнил последнюю картину, оставшуюся у меня в памяти с того дня в Багатель. Роза, должно быть, отцепилась от пояса, когда девушка стояла на коленях под раскидистым буком – когда она поднялась, пряча лицо в ладонях, я увидел, как розово-бежевый цветок остался лежать на земле среди пожухлых листьев. Он как раз попал под струю: на лепестках остались сверкающие капельки. Бурая листва вокруг была мокрой, отчего казалась еще более темной и блестящей.

Большая капля медленно скатилась по изогнутому розовому лепестку и упала на слегка увядший лист, гладкий и почти плоский, и превратилась в крошечное зеркальце, исчезнувшее через несколько секунд.

Сейчас девушка разговаривала с продавцом. Меня удивил решительный и уверенный тон, которым она к нему обращалась. Она спрашивала редкую книгу, продававшуюся из-под полы, но говорила настойчиво, очевидно зная, что она есть в магазине.

Продавец быстро прекратил разыгрывать неведение и достал книгу с тайной полки под прилавком. Энн заплатила, не торгуясь.

Я преградил ей путь в дверях, и ей невольно пришлось взглянуть мне в лицо. Я спросил:

– Вы меня не узнаете?

Она холодно на меня взглянула:

– Отчего же, узнаю, конечно. Но не так, как вы думаете.

Я сразу понял, что сегодня все будет происходить совершенно по-другому. Поэтому я заверил Энн, что ни о чем особенном не думаю, и вышел за ней на улицу.

– Чего вы от меня хотите? – сухо спросила она.

– Ничего... Немного поговорить с вами.

– У меня нет желания ни с кем разговаривать, и к тому же я тороплюсь. Я должна отнести эту книгу как можно быстрее. – Она показала мне маленький сверток из коричневой бумаги, в которую завернул книгу продавец.

– Кому? – спросил я. – Клэр?

Взгляд ее зеленых глаз стало еще более враждебным: такого их блеска я никогда прежде не видел.

– Я несу ее кому хочу. Вас это не касается.

Я решил завершить эту сцену, иронично улыбнувшись и попрощавшись с ней.

Хотя она и без того уже ушла.

Эта встреча оставила меня крайне неудовлетворенным.

Я отлично понимал, что сам по себе не имею никакой власти над этой девушкой, но мне казалось вполне естественным сохранять некоторые привилегии даже в отсутствие Клэр, поскольку они были предоставлены мне с такой щедростью, когда я о них даже не просил.

Позже, размышляя над этим, я спросил себя, был ли установлен между нами договор по этому поводу. Приходилось признать, что нет.

Я осознал свою ошибку. Я усмехнулся собственной глупости, поскольку недавнее поведение маленькой Энн сейчас представлялось мне совершенно естественным, и причина его была столь очевидна, что, скорее, мне должно было показаться неподобающим нечто противоположное.

В целом ситуация была не такой, как мне представлялось.

Я был раздражен и разочарован. Я решил больше не думать ни об этих двух женщинах, ни обо всей этой дурацкой истории.

Я подождал еще три дня. Но на четвертый не выдержал и позвонил Клэр.

Я был уверен, что она ждала моего звонка, хотя по ее голосу на другом конце провода этого нельзя было сказать. Самым что ни на есть светским тоном она спросила, что у меня нового и как я себя чувствую «с тех пор, как мы в последний раз виделись». Я ответил, что у меня все в порядке. Потом осведомился о ее самочувствии, и заодно – ее подруги.

– О какой подруге вы говорите?

– Об Энн, конечно! Вы смеетесь надо мной?

– Энн! Ах, ну да. Я и забыла! Если вы хотите увидеть Энн, так бы и сказали. Я одолжу ее вам, мой дорогой, с этим никаких проблем. Можете располагать ею в свое удовольствие! Когда мне ее прислать?

Эти слова были произнесены с излишней резкостью, показавшейся мне подозрительной. Я сделал вид, что воспринял ее слова как шутку и увел разговор от этой щекотливой темы, не решившись условиться о новой встрече.

Положив трубку, я задумался об этой дурацкой вспышке. Я безумно хотел маленькую Энн, это было очевидно. Но я боялся оказаться наедине с холодно-равнодушной незнакомкой, которую встретил в книжном магазине, с которой рисковал не достичь своей цели – так мало надежды оставляла ее манера держаться. С таким же успехом я мог бы добиваться Клэр!

Или, быть может, решение, которое я принял, чтобы избрать более легкий выход, все же могло доставить мне удовольствие, пусть и более редкое? И именно эта надежда, возникшая неосознанно, и продиктовала мой выбор?

Все же я договорился о свидании именно с Клэр – в ее доме на улице Жакоб, чтобы посмотреть фотографии, которые она обещала мне показать еще в первый день нашей встречи.

Я вновь подумал о девушке в белом платье, стоявшей на коленях под деревом, о журчании струйки, невидимой под складками юбки, по сухим листьям и о розе с изогнутыми лепестками, на которых дрожали сверкающие жемчужинки.

ФОТОГРАФИИ

Фотографии я узнал с первого взгляда: такие предлагают чувственным посетителям в том самом книжном магазине, где я встретил Энн.

Однако у меня не сложилось впечатление, что девушки там знали – во всяком случае, продавец, который ее обслуживал, явно был с ней незнаком.

Снимки, которые показала мне Клэр в тот вечер, были больше по формату и гораздо лучше по качеству, чем те фотографии, которые я мельком просматривал в альбомах, продающихся на Монмартре. Они не слишком меня впечатляли – позы моделей были вполне заурядными, не представлявшими особого интереса.

Но те, на которые я смотрел сейчас, предстали передо мной в совершенно ином свете. Не только потому, что я сразу узнал Энн, послужившую для них моделью. Я обратил внимание, что они были очень четкими, в отличие от скверных отпечатков, которые я видел раньше, не передававших подобного ощущения очевидной реальности, более подлинной и даже более ощутимой, чем реальность самой природы.

Быть может, такое впечатление создавалось благодаря освещению или, скорее, резкому контрасту между черным и белым, который делал контуры изображения еще более отчетливыми.

Но несмотря на эту разницу, я был уверен, что негативы для тех и других снимков использовались одни и те же. Должно быть, Клэр испытывала удовольствие работоторговца, позволяя первому встречному купить открытку с унижительным изображением своей подруги. Очевидно, удовлетворения такого рода она с самого начала искала в моем присутствии.

Используемые в подобных целях, фотографии приобрели в моих глазах, так же как и в глазах Клэр, еще

большую ценность. С технической точки зрения я также не смог удержаться от того, чтобы не выразить Клэр своего восхищения.

Мы сидели на расстоянии вытянутой руки друг от друга в небольших, но удобных креслах, за низким столиком, под напольной лампой, которую можно было наклонять под разными углами и которая, очевидно, использовалась как прожектор во время съемок.

Я впервые был у Клэр на улице Жакоб. Комфортная современная обстановка комнаты, в которой мы находились (как и всей квартиры, насколько я мог судить) вызывала приятное удивление после темной неудобной лестницы и общего запущенного вида всего дома.

Чтобы увеличить обособленность от внешнего мира, столь непохожего на внутренний, тяжелые шторы на окнах были задернуты, хотя день еще не кончился. Даже если окна не выходили в тесный дворик, как часто бывает в старых домах, свет, проникающий сквозь них, казался, должно быть, унылым – одновременно более слабым и менее интимным, чем правильное искусственное освещение.

Клэр передавала мне фотографии одну за другой, тщательно рассматривая каждую из них, пока я был занят предыдущей. Они были вставлены в плотные картонные рамки. Формат их был как у бланков для деловых писем. Прохладная поверхность была защищена прозрачной бумагой, которую приходилось поднимать, чтобы рассмотреть снимок.

На первом маленькая Энн была только в черной комбинации и чулках с поясом, похожем на тот, которым я уже восхищался в саду Багатель. Правда, у этих чулок не было вышитой окантовки.

Девушка стоит у колонны в той же позе, которую заставляла ее принять Клэр, чтобы спрятать под юбкой

украденную розу. Только теперь она без тифель, а вместо платья – лишь короткая комбинация, легкую ткань которой она приподнимает обеими руками, выставляя напоказ полураздвинутые бедра и треугольник волос на лобке. Одна ее нога выпрямлена, другая чуть согнута в колене, так что подошва касается земли только наполовину.

Вверху комбинация украшена кружевной окантовкой, но ее плохо видно из-за складок, получившихся из-за того, что правая бретелька не надета, а левая соскользнула с плеча. Таким образом, комбинация сидит чуть косо, оставляя полностью обнаженной одну грудь и частично – другую. Груды великолепной формы, не слишком большие, достаточно широко расставленные, с коричневым ореолом вокруг выступающих, но не вытянутых сосков. Руки округлые, с изящными очертаниями.

Лицо под густыми белокурыми локонами получилось особенно удачно: смиренный взгляд, полуоткрытые губы, очаровательно-наивное и в то же время покорное выражение. Голова чуть склонена набок, в сторону обнаженной груди и слегка согнутой ноги.

Освещение, хотя и резко контрастное, придает контурам мягкость и в то же время отчетливость. Свет падает сквозь узкое готическое окно, забранное грубыми стальными прутьями. Видна только его часть – на заднем плане, у самого края фотографии. Колонна, возвышающаяся на переднем плане – каменная, так же как и облицовка окна. Она почти такой же толщины, что и бедра стоящей рядом с ней девушки. Сбоку, у другого края снимка, виднеется изголовье железной кровати. Пол выложен широкими черными и белыми плитами и похож на шахматную доску.

Вторая фотография сделана более крупным планом, и на ней кровать видна полностью – железная односпальная кровать, выкрашенная черной краской. Простыни в

полном беспорядке. Узор из металлических прутьев в изножье и в изголовье выглядит старомодно: они изогнуты и закручены в спирали и соединены между собой кольцами, более светлыми – скорее всего, позолоченными.

Девушка, изображенная на ней, одета почти так же, если не считать отсутствия чулок с поясом. Она лежит среди смятых простыней на животе, но слегка повернувшись на бок, так, что одно бедро немного выше другого. Лицом она уткнулась в подушку, по которой в беспорядке рассыпаны ее локоны. Полусогнутая правая рука огибает голову, левая протянута к стене. С той стороны, где бретелька комбинации спущена с плеча, ниже подмышечной впадинки видна грудь.

Сама комбинация снова задрана – на этот раз, понятно, сзади. Шелковая ткань расположена с продуманной небрежностью на поясе и вдоль бедер, словно изысканная оправка вокруг драгоценности – великолепных округлых ягодиц, полных и чуть раздвинутых, что выглядит очень соблазнительно. Их упругость подчеркивается очаровательными ямочками, появившимися из-за асимметричной позы. Слегка раздвинутые бедра образуют темную расселину. Левое колено выставлено вперед и утопает в складках простыни, а подошва касается вытянутой правой ноги.

Фотография сделана сверху, таким образом, чтобы показать ягодицы в наиболее выгодном ракурсе.

На следующей фотографии девушка полностью обнажена, ее руки скованы за спиной, она стоит на коленях на черно-белом плиточном полу. Этот снимок тоже сделан сверху и показывает ее в профиль. На нем не видно ничего другого, кроме обнаженной девушки, стоящей на коленях, и кнута.

Голова девушки низко опущена. Волосы падают на лицо, закрывая его и делая заметной линию затылка и

шеи, сильно изогнутую. Ниже плеча виднеется выступающий кончик груди. Бедрa сжаты и, поскольку торс наклонен вперед, ягодицы слегка выпячены, готовые подвергнуться наказанию.

Цепь, такая же, как на запястьях, сковывает и лодыжки. Кнут лежит на полу, возле маленьких ступней, повернутых так, что видны подошвы.

Это плетеный кожаный хлыст, похожий на те, с помощью которых дрессируют собак. Тонкий и мягкий, он утолщается и становится жестким, почти негнущимся, у основания, которое одновременно служит и рукоятью. Он образует на полу букву S – оба его конца изгибаются в противоположные стороны.

Снова нагая девушка, стоящая на коленях, но на сей раз прикованная цепью к кровати. Ее видно со спины. Щиколотки крепко связаны, но поскольку одна ступня лежит поверх другой, колени широко расставлены.

Руки тоже расставлены и подняты чуть выше головы – ладони почти ровень с белокурыми локонами. Локти слегка согнуты – правый немного сильнее, чем левый. Запястья с помощью тех же металлических цепочек прикованы к изогнутой верхней перекладине, венчающей железное изголовье кровати.

Торс и бедра совершенно прямые, но все тело слегка изогнуто вбок – вероятно, из-за усталости, вызванной такой позой, – отчего одно бедро кажется немного выпирающим. Голова наклонена к правому плечу и почти касается его.

Ягодицы исполосованы отчетливыми следами хлыста, которые с двух сторон пересекают разделяющую их бороздку. Следы выделяются сильнее или слабее в зависимости от силы ударов.

Изображение маленькой Энн, прикованной к кровати, стоящей на коленях в такой неудобной позе,

становилось еще более трогательным из-за этих жестоких отметин, свидетельствующих о понесенном ею наказании. Позади нее черные железные завитки образовывали изящный узор, напоминающий арабески.

Обнаженная девушка привязана к колонне толстыми веревками. Она стоит лицом к зрителю, раздвинув ноги и подняв руки. На глазах – черная повязка. Рот ее открыт в крике или просто искажен жестокой болью.

Щиколотки крепко прижаты к подножию колонны справа и слева, на большом расстоянии друг от друга. Поэтому ноги довольно широко раздвинуты, а колени чуть согнуты. Руки вытянуты вверх и заломлены назад, так что видны только до локтей. Запястья, очевидно, связаны с другой стороны колонны.

Веревки глубоко врезались в тело. Одна проходит под правой подмышкой и поднимается с другой стороны к шее, полностью охватывая таким образом плечо. Другие обвивают руки и лодыжки, охватывают ноги под и над коленями, так что те оказываются плотно прижатыми к колонне и одновременно широко расставленными.

На измученном теле, чьи судорожные движения ясно указывают на попытки освободиться, – две глубокие раны, из которых обильно струится кровь.

Одна из них тянется от кончика груди к подмышке, свободной от пут. Кровь сбегает вдоль всего бока множеством узких и широких струек, которые расходятся, чтобы потом снова соединиться, образуя сложный переплетенный узор на бедре и большей части живота. Они доходят даже до пупка и волос на лобке, куда стекает густая струйка вдоль паха.

Вторая рана – на другом боку, гораздо ниже первой. Она начинается в паху, сразу над лобком, пересекает низ живота и продолжается на внутренней стороне бедра. По ней кровь стекает густыми струями, покрывающими ее

почти полностью, вплоть до веревки, стягивающей ногу над коленом. Здесь кровь ненадолго собиралась, после чего стекала прямо на белый квадрат плиточного пола, где образовывала небольшую лужицу.

Эта фотография, ужасающая и притягивающая одновременно, несмотря на преувеличенный романтизм, – могла быть только подделкой. Обе раны и струящаяся кровь были, без всякого сомнения, нарисованы красной краской на восхитительном теле маленькой Энн. Но сделано это было настолько профессионально, что обмануться ничего не стоило, тем более что судорожная поза жертвы также могла ввести в заблуждение.

Возможно, слишком большая искусность, с которой были прорисованы расходящиеся струйки крови, а также их обилие уже сами по себе указывали на то, что фотография была ретуширована. Но, во всяком случае, гармоничные линии тела отнюдь не были размыты благодаря этому рисунку – напротив, оттененные им, они выглядели более четкими.

Последняя фотография была результатом аналогичной мизансцены. Измученное тело девушки безжизненно распростерлось на черно-белом плиточном полу. На ней снова ничего не было, кроме повязки на глазах.

Она лежала на правом боку, чуть повернувшись, так что лицо смотрело вверх и одновременно в объектив. Правая рука была вытянута вдоль тела, левая – закинута за голову, так что на виду оказывались пушистая подмышка и грудь.

Ноги были согнуты, правая – слегка, левая – гораздо сильнее, отчего колено выдавалось далеко вперед. Снимок был сделан так, что свет в основном падал на внутреннюю поверхность правого бедра, ягодицы и нежные складки плоти у подножия холма Венеры.

Кровь, струившаяся из расселины между ними, потоками стекала по бедру с двух сторон на плитки пола, заставляя подумать о том, что девушку пронзили насквозь, чтобы убить, – или о чем-то подобном.

Кровь вытекала также из полуоткрытого рта и густой струйкой пересекала щеку, перед тем как стечь на пол. Несмотря на это, лицо выглядело умиротворенным, почти счастливым. Можно было даже подумать, что губы вот-вот улыбнутся.

Я отметил, что эта фотография была сделана не в один день с остальными – по крайней мере, не со всеми. Краска, запятнавшая грудь, могла быть смыта после предшествующей съемки; но в этот раз на теле не было заметно и следов кнута, а они не могли исчезнуть так быстро... Хотя, может быть, снимки были сделаны в другой последовательности? Или эти очаровательные полосы на ягодицах тоже были просто нарисованы?

Я уже собирался спросить об этом Клэр, но, повернувшись к ней, увидел, что она держит в руках еще одну фотографию, вынутую из папки, – хотя мне казалось, что серия закончена.

Она протянула мне снимок. И я сразу же понял, что он не такой, как другие. Прежде всего, заметно отличалась печать, но дело было не только в этом. В кадре был лишь один женский торс, тогда как на остальных снимках – все тело целиком. Кроме того, обстановка представляла собой не мрачную готическую комнату, а гостиную, в которой мы сейчас находились.

Откинувшись на спинку одного из маленьких кресел, женщина в задранной до пояса ночной рубашке ласкала себе промежность.

Из-за широких свободных складок можно было отчетливо различить только обнаженные части тела: руки, низ живота, внутреннюю поверхность бедер. Ноги ниже колен, также как голова и плечи, не попали в объектив.

В зияющей расселине между бедер указательный и средний пальцы левой руки оттягивают одну из половых губ, в то время как большой палец и мизинец правой делают то же самое с другой. Безымянный палец правой руки согнут; указательный палец прикасается к явно напряженному кончику клитора; ниже средний палец почти целиком входит в сильно растянутое отверстие. В резком освещении поверхность слизистой оболочки поблескивает от выделившейся секрции.

Однако меня заставили насторожиться ногти на руках, покрытые темным лаком. Я помнил, что ногти маленькой Энн не были покрашены. Кроме того, сама поза, изгибы рук, жесты показали мне не такими свободными и изящными, да и завитки на лобке были темнее. Мне захотелось спросить у Клэр, не знаком ли я с моделью, служившей ей на этот раз, и я, подняв глаза, взглянул на нее.

Лицо Клэр изменилось: оно стало не таким застывшим, на щеках появился легкий румянец. Она явно была взволнована. Внезапно она показалась мне гораздо более желанной, чем обычно. На ней были черный свитер и облегающие брюки. Откинувшись на спинку кресла, как женщина с фотографии, она слегка поглаживала себя между бедер. Лак на ее ухоженных ногтях был темно-красным.

Внезапно я понял, что она дала мне свою собственную фотографию. Вероятно, она сделала ее с помощью автоспуска. Ночная рубашка в широких складках и отсутствие лица на фотографии были продуманы заранее: это позволяло присоединить свою фотографию к остальным без того, чтобы кому-то пришла в голову мысль о замене натурщицы.

Я положил фотографию на низкий столик, не отрывая глаз от Клэр и не решаясь приблизиться к ней...

Но Клэр тут же взяла себя в руки. Резко встав с кресла, она развернулась и снова предстала передо мной

такой же, как всегда: твердой, суровой, безупречной в своей красоте.

Она не произнесла ни слова. Только смотрела на меня и ждала, что я скажу.

Указывая на столик, я спросил:

– А на последней фотографии все та же маленькая Энн?

– А кто же еще? – сухо ответила она, отбив у меня охоту к дальнейшим расспросам.

ПРИМЕРКА

По окончании сеанса Клэр объявила мне, что отныне маленькая Энн будет предоставлена в мое распоряжение, стоит мне захотеть, и что я смогу развлекаться с ней как пожелаю. Если я сочту, что девушка недостаточно предупредительна или не исполняет в точности мои требования, она будет наказана по всей строгости.

Такое соглашение, принятое в баре на Сен-Сюльпис, в присутствии той, о ком шла речь, устраивало меня как нельзя лучше.

Я даже не испытывал желания тотчас же воспользоваться своими привилегиями. В последующие дни мы довольствовались тем, что обедали вместе, все втроем, в местных ресторанах, где попадались укромные уголки, обеспечивающие относительное уединение – там я время от времени наслаждался наиболее невинными из своих прав. Клэр критическим взглядом наблюдала за успехами своей воспитанницы в искусстве показывать себя идеальной рабыней.

Порой любопытный официант или кто-то из клиентов замечал немую сцену или улавливал обрывки странных фраз... Такие пикантные ситуации, в сочетании с замешательством маленькой Энн, еще сильнее распалили нашу страсть.

Если эти маневры возбуждали меня сверх меры, к моим услугам был автомобиль, припаркованный на какой-нибудь пустынной улочке, где я заставлял молодую женщину целовать и ласкать меня.

В один из этих дней, после полудня, ее госпожа предоставила Энн в полное мое распоряжение: нужно было поехать в центр и купить там нижнее белье, которое мне предстояло выбрать для Энн самому.

Клэр любила узкие кружевные пояски и чулки с вышитой каймой. Что касается лифчиков, она признавала лишь очень открытые модели, которые поддерживали грудь снизу, но не скрывали ее целиком, так что соски почти выглядывали наружу. Поскольку Энн не должна была носить ни комбинаций, ни трусиков, ни чего-либо в этом роде, мы ограничились лишь этими тремя принадлежностями.

Я сразу же подумал, что удовольствие будет заключаться уже в самой примерке. Но лишь увидев за стеклом витрины приветливое лицо молодой женщины, хозяйки магазина, находящегося на Фобур-Сен-Оноре, я понял всю пикантность подобной церемонии. Мне достаточно было вспомнить рассказ Клэр о том, что сегодня утром маленькая Энн была жестоко высечена (впрочем, в наказание лишь за какой-то пустяк), чтобы представить себе ее стыд при виде удивления девушек-служащих, вызванных за советами во время примерки.

Клэр, теперь полностью доверявшая мне, больше ничего не сказала. Если она предпочла не ехать с нами, то должно быть, затем, чтобы не осложнять ситуацию: пара всегда менее подозрительна и, соответственно, может держаться с большей уверенностью. Единственное, что нам было нужно, – приятная продавщица: молоденькая и хорошенькая, из тех, что часто встречаются в дорогих кварталах, и не слишком легко впадающая в смущение. Однако ей не следовало быть слишком навязчивой – она должна была оставаться лишь свидетельницей, сдержанной и тактичной.

Та, которая нас встретила, казалась подходящей. Магазин был достаточно дорогим, спокойным, располагал множеством привлекательных моделей. Молодой девушке, ожидавшей покупателей с другой стороны витрины, в которой были развешаны розовые комбинации, было лет двадцать пять – тридцать; она была брюнеткой,

хорошо сложенной. Видя, как я на нее смотрю, она адресовала мне легкую подбадривающую улыбку: всегда лучше подбодрить мужчину, собирающегося покупать женское нижнее белье. Мы вошли.

Хорошенькая продавщица обратилась к моей спутнице, чтобы узнать, чего мы хотим; однако ответил я, указав на белый нейлоновый пояс для чулок, висевший в центре витрины. Маленькая Энн, как обычно, молчала, опустив глаза.

Так что именно мне показали поясок, к которому тут же добавилось и множество других, похожего образца. Я высказал свое мнение, сравнив некоторые детали различных моделей и обратив особое внимание на те, которые счел наиболее привлекательными для Энн. Потом уточнил, что спереди и сзади должны быть широкие разрезы. Продавщица понимающе улыбалась, потом заговорила о качестве моделей.

Наша беседа была приятной и естественной. Продавщица, казалось, не слишком удивлена молчанием и робкой поведкой моей спутницы.

– Вот этот, – сказал я, – как будто самый симпатичный. Но он чуть широковат: боюсь, он закрывает низ живота.

Женщина взглянула на меня. Затем бросила быстрый взгляд на Энн и снова повернулась ко мне.

Я улыбнулся ей; она ответила тем же.

– Это не слишком удобно, не правда ли? – добавил я.

– Он совершенно не стесняет движений, месье.

– Нет, я не об этом. Он создает препятствие для взгляда... да и для руки...

На этот раз ее улыбка выглядела уже не такой профессиональной. Она даже слегка покраснела. Я повернулся к Энн:

– Тебе лучше его примерить.

Энн отвечала:

– Хорошо, если вы так хотите, – но совсем тихо, так что я не был уверен, слышала ли ее продавщица.

Я сказал, что заодно нам нужно будет примерить и подходящий лифчик, и описал примерную модель. Продавщица без долгих раздумий показала мне наиболее неприличные из них.

Покончив с выбором, я под тем предлогом, что хочу показать ей пояс с кружевными оборками, который сейчас надет на Энн, спокойно поднял платье последней до самого верха бедер.

– Вот такой, видите?

Хорошенькая продавщица взглянула на меня все же с некоторым удивлением, потом перевела взгляд на гладкую, округлую плоть, которую я ей продемонстрировал.

– Да, я вижу, – только и ответила она.

Я попросил маленькую Энн самой подержать платье, пока я показывал продавщице нашитые кружевные оборки, для чего оттянул эластичный пояс обеими руками.

– Подними подол чуть выше, – добавил я, обращаясь к Энн, – и подойди ближе к свету.

Она тут же повиновалась. Таким образом, продавщица, слегка наклонившаяся, чтобы получше рассмотреть пояс, получила возможность убедиться, что на ее клиентке нет нижнего белья. Должно быть, она почувствовала и терпкий аромат духов, которыми Клэр заставила Энн надушить белокурые волосы на лобке.

Пока маленькая Энн раздевалась в примерочной кабинке, чтобы надеть пояс и лифчик, я разговаривал с продавщицей то о дождях, то о хорошей погоде. Она без всякого смущения говорила со мной об этих пустяках; но на ее лице оставались удивление и любопытство. Я видел, что мы вполне могли бы зайти еще дальше.

Я повернулся в сторону примерочной.

– Ну что, ты готова?

Ответа не последовало.

Я продолжал отечески-доброжелательным тоном:

– Ну-ка посмотрим... – и направился к задернутой портъере. Приподняв ее, я оказался рядом с Энн.

Вся в белом, она была прелестна. На ней были надеты только новые пояс и лифчик. И тот и другой были очаровательны в своей непристойности. Я привлек девушку к себе, чтобы поцеловать.

Через несколько минут я решил позвать хозяйку магазина. Я высунул голову из-за портъеры и позвал:

– Вы не могли бы заглянуть сюда на минутку?

Она подошла и с улыбкой взглянула мне прямо в глаза.

Примерочная кабинка была достаточно просторной для троих. Энн стояла чуть в глубине, лицом к нам. Продавщица встала рядом со мной. Энн расставила руки, чтобы мы лучше ее увидели. Инстинктивно она чуть приоткрыла рот и раздвинула колени. Я поднял одну ее руку, взяв за запястье, и велел слегка повернуться вправо и влево.

– Видите, – сказал я продавщице, – обе вещи действительно очень хороши, но я думаю, что пояс надо бы сунуть.

Молодая брюнетка подошла и просунула палец между полоской нейлона и бедром Энн. Я почувствовал, что она начинает по-настоящему возбуждаться от такого необычного зрелища.

– Повернись, – скомандовал я маленькой Энн, выпуская ее руку.

Она спрятала лицо в ладонях и повернулась. Округлые ягодицы, полностью обнаженные, были покрыты длинными красноватыми полосами, которые кое-где пересекались и отчетливо выделялись на нежной коже. Поскольку с момента наказания прошло уже несколько часов, краснота почти исчезла: остались только шрамы от плети, глубоко врезавшиеся в плоть.

Я посмотрел на хорошенькую продавщицу, но она не осмеливалась поднять на меня глаза, потрясенная внезапно представшим ей зрелищем и словно бы тронутая его очарованием. Ее рука, уже протянувшаяся, чтобы поправить застёжку, остановилась на полпути, замерев между нею и той святыней, которой она теперь не решалась коснуться.

Если присмотреться, красноватые линии оказывались не совсем одинаковыми: кожаная плоть прочертила ряды густо расположенных штрихов, соответствовавших узору плетения, и в этих местах вмятинки на коже были глубже. Должно быть, Клэр наносила удары изо всех сил. Некоторые следы все еще заметно выдавались, образуя рельеф. Я не мог удержаться и осторожно провел по ним кончиками пальцев, чтобы лучше убедиться в этом, а также дать маленькой Энн почувствовать ее унижительное положение и заодно утешить за перенесенные страдания...

– Ничего страшного, – сказал я продавщице, – не обращайтесь внимания. Ее просто слегка посекали за то, что она была недостаточно вежлива, только и всего.

Мы встретились с нашей подругой в пять часов вечера в очень respectable чайном салоне, где было лишь несколько пожилых дам, беседующих вполголоса.

Клэр, ожидавшая нас, выбрала наиболее удобно расположенный столик. Радость, которую я испытал, увидев ее, удивила меня самого. Я вдруг понял, что без нее этот день был бы неполным, или даже просто никчемным.

Я сказал ей только то, что она красива, но и это уже было много.

Она молча смотрела на меня. Казалось, она понимает что-то, очень далекое. Потом она улыбнулась мне чуть заговорщически, с неожиданной теплотой. Но тут же потребовала показать ей наши покупки.

Я протянул ей бумажный пакет, который маленькая Энн положила на стол. Клэр вынула содержимое и тоном знатока оценила выбранные модели по достоинству.

Как обычно, она использовала при этом наиболее грубые и унижительные выражения, отчего ее воспитанница всякий раз краснела до ушей. Я, со своей стороны, восхищался утонченностью этой пытки: только женщина способна находить уязвимые места представительниц своего пола и играть на них с такой изощренной жестокостью. Воздействие, которое ее слова производили на меня, помогало мне предвидеть, чего от нее можно ожидать в дальнейшем.

Затем Клэр попросила меня рассказать, как мы делали покупки. Я вкратце рассказал о наиболее пикантных подробностях примерки и о том сильном впечатлении, которое мы произвели на юную продавщицу.

– А девочка была послушной? – спросила Клэр.

Я ответил неопределенной гримасой, поскольку мне вдруг захотелось, чтобы Энн подвергли новым мучениям.

Тогда Клэр обратилась к подруге:

– Ты ведь довольна, не так ли? Теперь все узнали, что ты маленькая потаскушка. – И добавила уже более резко: – Ну, отвечай!

– Да... Я довольна...

– Довольна чем?

– Тем, что... что показала... что меня высекли...

Она говорила едва слышным шепотом. Повторяла ли она эти слова машинально или в самом деле так думала?

– Тебе нравится плетть? – продолжала ее мучительница.

Нежные губы выдохнули: «Да».

– Встань, – приказала Клэр.

Она сидела напротив меня.

Маленькая Энн, сидевшая между нами, слева от меня, встала из-за стола и повернулась спиной к стене. Клэр продолжала:

– Обопрись руками о стол и наклонись... Раздвинь ноги... Согни колени...

Девушка исполнила приказание.

Воспользовавшись тем, что никто не мог ее увидеть, Клэр просунула сзади руку под платье Энн. И тут же сообщила мне о результате:

– Она уже промокла, потаскушка! Потребовалось всего лишь пообещать ей плетку... Хотите убедиться?

Я тоже просунул руку под платье Энн и наткнулся на тонкие пальцы Клэр, двигавшиеся туда-сюда вдоль влажной расселины...

И снова встретил дружелюбно-заговорщический взгляд Клэр, готовой на любые, самые рискованные развлечения.

Юный официант подошел к нам принять заказ. Мне пришлось убраться в сторону.

Клэр, напротив, придвинула свое кресло к стене, приняв таким образом более естественную позу, не прекращая своего изощренного мучения. Маленькая Энн, охваченная паникой, попыталась выпрямиться. Но она не осмеливалась полностью освободиться от ласк подружки. Так и продолжала стоять у стола, отчаянно вцепившись в него руками, с глупым видом уставившись на растерянного официанта.

Я постарался как можно дольше объяснять все детали нашего заказа. Впрочем, молодой человек, казалось, меня не слышал – он не мог оторвать глаз от хорошенькой девушки с обезумевшим лицом, широко распахнутыми глазами и приоткрытым ртом, которая корчилась под действием какой-то невидимой силы в двух шагах от него.

Когда я наконец сказал: «Пока все», он поспешил уйти в полном смятении. Клэр спокойно спросила:

– Ну что, малышка, тебе хорошо?

– Отпустите меня, прошу вас, – еле слышно выдохнула Энн.

Но Клэр продолжала:

– Что тебе больше нравится: когда я тебя ласкаю или когда делаю больно? – И потом, обращаясь ко мне: – Так значит, Жан, вы говорите, сегодня она была недостаточно послушна?

Я подтвердил, что девушка в самом деле заслуживает наказания. Клэр не стала требовать пояснений. Без сомнения, она знала, что это неправда.

– Что ж, – сказала она, – сейчас кто-то заплачется.

Личико Энн жалобно сморщилось. Теперь рука хозяйки, орудовавшая под платьем, причиняла ей боль.

Когда через несколько минут подошел официант с подносом, Клэр все же убрала руку.

– Но так легко тебе не отделаться, – сказала она. – Когда вы сможете прийти к нам, Жан?

– Завтра вечером, – ответил я. – После обеда.

– Очень хорошо. Тогда отложим это до завтра. Ты можешь сесть.

Энн рухнула в кресло.

Официант – уже не тот молодой человек, который подходил раньше – расставлял на столе чашки и блюдца и раскладывал приборы, не обращая внимания на происходящее.

Клэр понюхала свои пальцы, затем поднесла их к носу подруги.

– Понюхай, – сказала она, – как ты хорошо пахнешь.

Девушка снова покраснела.

– Оближи!

Энн открыла рот и вытянула губы, чтобы осторожно облизать кончики пальцев, пропитанные ее собственным ароматом.

ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА

Клэр убрала фотографии в папку. Она казалась недовольной. Я не знал, как вернуть ее к той короткой, немой сцене, которая разыгралась над изображением ее тела (я окончательно убедился в том, что это именно она). Состояние, в которое ее на мгновение повергла мысль о том, что какой-то мужчина увидел ее открытой, возбужденной, в непристойной позе, казалось, говорило о новых возможностях, о которых нельзя было даже заподозрить при виде ее обычной манеры держаться.

Однако, когда она со своей обычной снисходительной вежливостью спросила, что я думаю о ее способностях палача, я снова ощутил, что совершенно не способен преследовать ее или даже просто лелеять надежду сломить ее сопротивление.

Маленькой Энн было вполне достаточно, чтобы удовлетворить ее потребность в унижении. Это была жертва, которую Клэр отдавала на съедение другим вместо себя.

Я ответил, что ее способности палача не уступают таланту фотографа, и тем самым сделал ей весьма лестный комплимент.

– Благодарю вас, – сказала она, сопровождая свои слова полуироничной улыбкой и легким кивком.

Однако никакой легкости и беззаботности не ощущалось. Клэр, быстро придя в себя после необъяснимой слабости, уже встала в защитную стойку и готова была укусьить. У меня появилось впечатление, что сейчас она только и ищет возможности показать свою силу или бесчувственность. Она сказала;

– А мою модель вы не похвалите?

Я предпочел упомянуть в ответе только маленькую Энн и заверил Клэр, что она, безусловно, имеет в своем распоряжении прелестнейшую из жертв.

– Вы встретились с ней на днях, не правда ли? – поинтересовалась Клэр.

– Да, на Монмартре. Но тогда она вовсе не была прелестной!

– Вот как?.. И что же?

Я на мгновение задумался, пытаюсь понять, что именно знает Клэр о нашей встрече.

– Она была не расположена вступать в беседу, – уклончиво ответил я.

– Она была с вами недостаточно почтительна?

– Я не думал, что она обязана такой быть.

Я улыбнулся: такая идея меня позабавила.

– Будет, если я захочу, – сказала Клэр.

Впрочем, именно так я и сам с недавних пор понимал ситуацию. Оставалась только одна проблема: догадаться, чего именно хочет Клэр. Очевидно, многого, лишь бы всё происходило в ее присутствии.

Что до меня, то сейчас мною сильнее всего двигало любопытство.

Но когда маленькая Энн вошла в студию, повинувшись зову подруги, в котором звучала угроза и одновременно обещание, я заметил, что во мне пробуждаются и другие чувства.

Мы с Клэр снова сели в два маленьких упругих кресла, повернутых к середине ковра. Низенький столик, больше не нужный, был отодвинут в угол.

Энн пришлось предстать перед нами, как обычно: уронив руки вдоль тела и потупившись. На ней была блузка и юбка в складку; она не надела туфель и стояла в одних чулках. Ее вызвали, чтобы разобраться с тем, что произошло в книжном магазине, и подвергнуть наказанию, если она этого заслужила.

Разумеется, речь шла не о том, чтобы узнать, виновата Энн или нет, но о том, чтобы найти повод помучить ее вволю под видом наказания. Клэр, кроме того, говорила

с такой жестокостью, которая не предвещала жертве ничего хорошего.

Понадобилась всего лишь пара минут, чтобы изобличить Энн в серьезном проступке. Было решено немедленно наказать ее, причем ей даже не дали произнести ни слова в свое оправдание.

– Раздевайся! – приказала Клэр.

Маленькая Энн хорошо выучила свою роль, поскольку ничего уточнять не потребовалось. Она опустилась на колени перед хозяйкой, на ворсистый ковер, и стала постепенно снимать с себя одежды. Судя по всему, она исполняла привычный церемониал.

Поскольку было очень жарко, одежды на Энн оказалось немного. Она начала с юбки – расстегнула крючок и молнию сбоку и стянула ее через голову. Трусиков на ней сегодня опять не было. Пояс для чулок был из светло-голубого шелка с узкой кружевной оборкой. Потом Энн расстегнула короткую блузку и оставила ее полураспахнутой. Из-под тонкой ткани виднелась грудь.

Затем она расстегнула пряжки, удерживающие чулки, и скатала их один за другим, поочередно приподнимая колени. Расстегнула поясок за спиной и положила его вместе с юбкой и чулками рядом с собой на ковер.

Освободившись наконец от блузки – единственного, что на ней еще оставалось – Энн закрыла лицо руками.

Так она и осталась стоять – на коленях, раздвинув бедра, выпрямив спину, полностью открытая нашим взглядам.

Тело у нее было нежное и пухленькое, еще хрупкое, но изобилующее округлостями и ямочками – самое восхитительное, которое я когда-либо видел. Кожа, очень гладкая, была ровного кремового оттенка, чуть более светлого на животе и грудях, кончики которых были чуть подкрашены розовым. Хотя я смотрел на девушку спереди, мне вспомнилась фотография, на которой она была видна со спины: прикованная к железной кровати

в похожей позе, со следами плети на ягодицах. Воспоминание о фотографиях, где были изображены ее мучения, придало еще большую прелесть той искушающей позе, в которой она сейчас находилась.

Клэр, казалось, была готова к любым крайностям. Но пока она ограничилась лишь несколькими замечаниями о красоте этого нежного тела, о совершенстве форм, очаровательной манере держаться, похвалила упругость груди, выпуклость лобка, нежную плоть, подвластную ее капризам, тонкую кожу, которую ей доставляло такое удовольствие терзать.

Но голос ее при этих похвальбах не смягчился – напротив, он становился все более хриплым и жестоким, по мере того как она говорила о предстоящих пытках. Что до меня, то самые изощренные пытки представлялись мне совершенно естественными при воспоминании о тех, что были столь удачно запечатлены на фотографиях, которыми я недавно восхищался.

Клэр перемежала свою речь откровенными и непристойными словами, оскорблениями, унижительными интимными описаниями. Но вдруг, в самом разгаре страсти, она замолчала...

После довольно долгой паузы она произнесла уже более спокойным тоном:

– Вставай, маленькая шлюшка! Пойди принести плеть!

Энн поднялась, по-прежнему закрывая рукой глаза. Потом повернулась и пошла по ковру к двери. Она двигалась с детской грацией, что немного не сочеталось с ее наготой. Ее округлые ягодицы, пока еще невредимые, покачивались при каждом шаге, обещая нам удовлетворение самых жестоких желаний.

Она быстро вернулась. Одна ее ладонь по-прежнему закрывала верхнюю часть лица. В другой руке она держала кожаную плеть. Энн опустилась на колени и протянула ее Клэр. Эта была та самая плеть, которую я уже видел на

одной из фотографий. Клэр взяла ее за жесткий конец и приказала жертве встать боком рядом с ее креслом, чтобы оказаться лицом ко мне. Не дожидаясь других приказаний, девушка снова опустилась на колени и подняла руки, но на сей раз над головой, давая нам возможность увидеть во время экзекуции ее хорошенькое испуганное личико и прелестный полуоткрытый рот.

Однако Клэр, вместо того чтобы хлестать ее, казалось, смягчилась. Она говорила уже тише. Несмотря на ужасающие подробности мучений, звучавшие в ее фразах, можно было подумать, что она произносит слова любви.

Энн находилась на расстоянии вытянутой руки от нее. Клэр наклонилась вперед и, вытянув левую руку, несколько раз провела кончиками пальцев по груди Энн. Маленькие розовые соски девушки напряглись. Клэр принялась играть с ними, чтобы сделать совсем твердыми; потом она скользнула пальцами вдоль подмышечной впадинки, ближайшей к ней.

Затем ее рука вернулась к груди, потом спустилась вниз и принялась ласкать внутреннюю поверхность бедер. Голос Клэр стал слащавым, словно она разговаривала с ребенком:

– Она такая хорошенькая в таком виде, эта малышка... Она очень любит, когда ее ставят на колени, чтобы выпороть... Это ее возбуждает... Держу пари, она уже вся мокрая...

Рука Клэр бесцеремонно поднялась к промежности девушки. Кончиками пальцев она несколько раз провела вдоль расселины. Другой рукой, сжимавшей плеть, она одновременно ласкала ягодицы Энн.

Вдруг указательный палец левой руки вонзился между половых губ Энн, под завитками лобковых волос, и одним резким движением проник в горячую глубь. Маленькая Энн полностью закрыла глаза и приоткрыла рот еще чуть шире.

Клэр бросила на меня победный взгляд. В самом деле, легкость проникновения свидетельствовала о том, что девушка возбуждена и готова к любви.

– Видите, – сказала мне Клэр, – как она натренирована: когда ее собираются бить, она уже готова кончить! Все дело в дрессировке, совсем как с собаками! Достаточно было почаще ласкать ее в этой позе; и вот она уже ждет не дождется удовольствия... Не так ли, маленькая потаскушка?

И тут же, не убирая левой руки из промежности Энн, Клэр правой рукой изо всех сил хлестнула ее плетью по ягодицам. Ловкость, с которой она маневрировала плетью, свидетельствовала о долгих упражнениях.

Энн сильно вздрогнула, инстинктивным движением слегка опустив руки. Но затем тут же снова подняла их. Клэр хлестнула ее еще раз.

– Смотри на Жана, – приказала она девушке. – Это по его требованию я тебя наказываю.

Энн подняла веки и даже широко раскрыла глаза, чтобы лучше сопротивляться боли. Рот она тоже старалась держать открытым.

Чтобы хлестать нежную плоть, полностью отданную на ее милость, сильнее и удобнее, Клэр убрала левую руку из промежности девушки. Удары, теперь более точные, регулярно обрушивались на ягодицы. Теперь Энн слегка постанывала – при каждом хлопке плети из ее горла вырывалось слабое «Ах», похожее одновременно на стон боли и наслаждения.

Клэр продолжала хлестать ее, учащая удары. Вскрики жертвы звучали в одном ритме с ними: «Ах...ах...ах...ах...» Затем, не в силах больше выдержать, Энн опустила руку на пол и наполовину присела, опустившись ягодицами на пятки.

Клэр остановилась. Энн, охваченная страхом, выпрямилась, вернувшись в прежнюю позу, и снова подняла руки над головой.

– Лучше было бы ее связать, – сказал я.

– Пожалуйста, если хотите, – ответила Клэр.

Энн чуть слышно заплакала. Слезинки собирались в уголках глаз и скатывались по розовым щекам. Время от времени по ее телу пробегала дрожь. Потом она начала шмыгать носом, стараясь делать это как можно тише.

Стоя на коленях на ворсистом ковре, очень прямая, с раздвинутыми бедрами и поднятыми над головой руками, она даже не осмеливалась вытирать слезы, и они медленно струились по щекам.

Мы долгое время, не двигаясь с мест, рассматривали ее.

Затем Энн снова пришлось встать и принести цепи из блестящего металла. Ее ягодицы, ставшие ярко-розовыми от ударов, выглядели теперь еще более соблазнительно.

Когда она вернулась в студию, Клэр, которая уже поднялась с кресла, резко толкнула ее на пол, заставив снова встать на колени – под тем предлогом, что она выполнила поручение недостаточно быстро. Затем одной рукой стиснула запястья своей жертвы у нее за спиной, а другой отхлестала ее по щекам.

Девушка зарыдала еще сильнее. Не обращая на это ни малейшего внимания, Клэр, хлестнув ее кнутом, заставила ползти ко мне на коленях от одного края ковра до другого. Здесь она обвила цепями щиколотки и запястья Энн.

Цепи состояли из прочных звеньев хромированной стали. С одного конца было кольцо шире прочих, а с другой – автоматически защелкивающийся крючок. Достаточно было просунуть крючок в кольцо, так, чтобы цепь охватила ту или иную часть тела, а потом обмотать конец петли несколько раз вокруг нее, чтобы закрепить: крюк соединялся с тем звеном цепи, которое оказывалось ближайшим к нему.

Это была быстрая и удобная система. Через несколько секунд обе руки девушки оказались прикованными за запястья к моему креслу, подлокотники которого, как будто

специально для этой цели, были отделены от сиденья. Щиколотки же были скованы вместе, так что одна ступня лежала поверх другой, в очаровательной позиции, которая мешала сдвинуть бедра – как прежде на одной из фотографий. Кроме того, Энн пришлось наклониться вперед, ко мне, так что ее грудь оказалась между моих колен, а белокурая головка опустилась на мои ладони.

Я нежно погладил ее щеки, мокрые от слез, потом мои пальцы скользнули по ее шее, груди, плечам, вдоль рук... Потом я попросил Клэр возобновить наказание. Однако новые удары, обрушившиеся на истерзанные ягодички, вызывали у Энн лишь слабую дрожь.

Казалось, что сейчас Клэр удовлетворена уже одним тем, что видит свою подругу такой униженной и обессиленной. Она хлестала Энн уже не так сильно, расслабленно, почти нежно...

Я обхватил ладонями мягкую шейку Энн, заставив ее поднять ко мне лицо, склонился над ней и поцеловал в губы. Они мягко поддались под моими. Я на мгновение поднял голову и сказал, сдавливая ее горло чуть сильнее:

– Ну-ка поцелуй меня как следует, маленькая шлюшка!

И снова наклонился к ней. Ее покорные губы и маленький язычок мягко задвигались под моими поцелуями, между тем как удары кожаной плети стали чуть более резкими.

Когда я, надавив рукой на покорный затылок Энн, наклонил ее голову к своим бедрам, то заметил, что Клэр придвинула поближе к нам пуф и теперь сидит на его краешке, подогнув под себя одну ногу. Плеть она отложила в сторону. Ее правая рука осторожно ласкала округлые половинки ярко-розовых ягодичек Энн, великолепный вид на которые открывался мне сверху.

Затем ее опытная рука приблизилась сзади к промежности Энн и снова погрузилась в расселину. Я услышал, как Клэр шепчет: «Она вся мокрая, эта малышка...» – И потом: – «Прямо целое озеро!» Без труда найдя отверстие,

она погрузила в него большой палец до самого основания, затем вынула и снова вонзила. Энн начала постанывать.

Стоны становились более протяжными и хриплыми по мере того, как Клэр продолжала свои ласки, двигая рукой взад-вперед между бедер подруги.

Со своего места я не мог в точности наблюдать за движением пальцев Клэр, но все усиливающиеся крики Энн свидетельствовали о том, что действия привели к успешному результату.

Я, со своей стороны, довольствовался лишь тем, что ласкал влажные губы Энн и кончики ее груди, наблюдая за ритмичными колыханиями ее прелестных ягодичек.

Но вскоре мне пришло в голову, что Клэр не настолько несведуща, чтобы не понимать, на какие непристойности она обрекает свою подругу, предлагая ее мне в такой позе. Я вынул член и поднес его к склоненному лицу пленницы.

Сначала та невольно отпрянула, но потом, смирившись, услужливо и покорно округлила губы. Несомненно, ее использовали для этого и раньше. Я положил руку ей на затылок, чтобы легкими толчками направлять движения ее головы вверх-вниз.

Когда я почувствовал, что скоро эта шлюшонка получит плод своих стараний, я крикнул Клэр:

– А теперь хлестни ее получше!

Клэр, которая опиралась одним коленом о пуф, откинувшись назад, вновь принялась жестоко хлестать девушку, обрушивая плетью на наиболее уязвимые места – внутреннюю поверхность бедер и промежность, что вызывало у несчастной восхитительные конвульсивные подергивания.

Чтобы они мне не мешали, я крепко обхватил ладонями белокурую головку, так что теперь она могла двигаться лишь взад-вперед – именно это мне и требовалось, чтобы довершить наслаждение.

В ВАННОЙ КОМНАТЕ

Вечером следующего дня, явившись к Клэр на улицу Жакоб, я увидел ее в излюбленном домашнем наряде: облегающих черных брюках и тонком черном свитере.

Ее прием показался мне довольно холодным – хотя, впрочем, не более чем обычно. Только находясь вдали от нее, я представлял ее себе менее неприступной. Мы сели в кресла. Я не стал спрашивать, где маленькая Энн.

Мы обменялись какими-то незначительными фразами.

– Становится все теплее, – заметил я. – Можно подумать, что сейчас самая середина августа.

Клэр взглянула на меня со своим загадочным, слегка надменным видом, так хорошо мне знакомым. Затем ей в голову внезапно пришла какая-то идея, и она, улыбнувшись мне дружелюбной, хотя и ироничной улыбкой, ответила:

– Мне жаль, мой дорогой друг, что нам приходится оставаться одетыми. Но у нас такие роли... вы же понимаете... это необходимо.

Это «у нас» звучало хорошим предзнаменованием.

– Верно, – ответил я, – действительно необходимо... Особенно для вас, не так ли?

– Да, возможно, особенно для меня, – легко согласилась Клэр.

В этих словах проскользнуло легкое сожаление. Одновременно ее взгляд затуманился и стал уже не таким жестким. Мне снова показалось, что я чувствую, как в ней пробуждаются другие искушения.

Такой она была красивее, гораздо красивее... Я рискнул сделать ей намек:

– А в этом costume вам никогда не было жарко?

В лице Клэр ничего не изменилось; но мало-помалу его черты стали жестче. Затем в уголках глаз появились

морщинки, а губы сложились в удивленно-презрительную гримаску:

– Нет, никогда, – ответила она.

Потом встала с кресла и добавила:

– Девочка, должно быть, уже готова. Следуйте за мной. К ней снова вернулась прежняя уверенность.

Дверь, которую она отворила без стука, вела в помещение, где я еще никогда не был. Это оказалась ванная комната.

Ее большие размеры и роскошная обстановка, столь непривычная в старых меблированных домах, явно указывали на недавнее переоборудование, устроенное, скорее всего, самой Клэр. Должно быть, она пожертвовала ради этого одной из жилых комнат.

Я был поражен, увидев, кроме сантехники из бледно-голубого фарфора, обычный диван в углу. Ванна стояла перпендикулярно ему сбоку, у дальней стены. Она была широкая, тоже голубая, облицованная, как и стены, белой квадратной плиткой.

Маленькая Энн стояла в ванне, лицом к двери, и намыливалась обеими руками.

Она тут же инстинктивно прижала ладони с растопыренными пальцами к груди и низу живота, чтобы хоть как-то прикрыть их. Но достаточно было лишь одного взгляда ее хозяйки, чтобы она тотчас же отказалась от этого стыдливого жеста. Она опустила маленькие руки одну за другой, неохотно и боязливо, и осталась стоять, вытянув их вдоль тела и опустив голову.

Ее бело-розовая кожа блестела от мыльной пены, которая местами собиралась в густые белые ручейки. Нежные округлости ее тела так настойчиво призывали коснуться их, что можно было заранее ощутить эту влажную липкую упругость плоти, постоянно выскальзывающей из рук.

Клэр указала мне на диван, где я вытянулся, опираясь на локоть. Сама она уселась боком на край ванны и бросила своей подруге, все еще стоявшей неподвижно:

– Ну, продолжай же!

Девушка снова принялась намыливаться. Но Клэр, которой показалось, что она делает это уже не так старательно, принялась командовать, указывая, какие места нужно потереть и какие позы при этом принимать (как бы для того, чтобы легче до них дотянуться), а также регулируя протяженность и быстроту малейшего прикосновения.

Все тело было намылено, включая самые потайные уголки. Повернуться лицом или спиной, наклониться или выпрямиться, поднять ногу или широко раздвинуть бедра, закинуть руки за голову, потереть шею и грудь или расселину между ягодиц, – все эти распоряжения Энн пришлось выполнить. Клэр, разумеется, получала удовольствие, заставляя ее повторять самые интимные и непристойные движения.

Два-три раза она даже помогла Энн ловкими пальцами, под предлогом наглядного пояснения своих требований. Она выполняла эту работу со всей серьезностью и тщательностью, что отчасти скрывало ее нарастающее возбуждение. Однако я без труда заметил, что она говорит и обращается со своей воспитанницей все более грубо.

А бедная девочка исправно демонстрировала покорность, даже когда ей подолгу приходилось стоять в неудобной позе, терпеть грубое вторжение пальцев Клэр или раскрываться самым живописным образом.

Когда она наконец опустила в воду, Клэр, засучив рукава, наклонилась над ванной, чтобы самой вымыть остатки мыльной пены из самых сокровенных уголков. Она делала это нарочито медленно, растягивая удовольствие. Тело ее подруги, погруженное в воду, отвечало на

малейшие прикосновения, поворачивалось в разные стороны, вытягиваясь и сжимаясь, раскрываясь и закрываясь с гибкой уступчивостью.

Я тоже подался к ванне, не вставая с дивана. Голова Энн оказалась совсем близко от меня. Ее хозяйка, покончив со своим занятием, обхватила девушку за шею и сильно сдавила ее, сделав вид, что собирается окунуть Энн с головой в воду.

Клэр улыбалась; но в зеленых глазах Энн промелькнул отблеск неподдельного страха.

Однако она повиновалась приказу закрыть глаза и убрать руки за спину, чтобы лучше изобразить беззащитную жертву... И Клэр осторожно продолжала опускать ее голову под воду...

Энн подчинялась безо всякого сопротивления.

Только в этот момент я обратил внимание на руки Клэр. Они были очень красивы, как я уже говорил; но тем не менее я не ожидал, что они окажутся настолько изящны.

Но Клэр быстро заметила, что я смотрю на нее, а не на ее жертву. Она тоже пристально посмотрела на меня, заставив опустить глаза.

Я улыбнулся ей... Потом сказал, что у нее очень красивые руки.

Она разжала пальцы и выпрямилась. Как легко было предугадать, ее замешательство привело лишь к тому, что она стала еще более жестока к маленькой Энн.

– Поднимайся! – приказала она.

Как только девушка встала, Клэр резко раздвинула ей ноги и приказала снова убрать руки за спину.

– Не двигайся!

Вода потоками струилась по изящному телу и волосам, мокрые пряди которых наполовину закрывали лицо и шею.

Клэр спросила меня, с такой интонацией, словно бросала вызов:

- Хотите увидеть маленький фонтанчик?
- Почему бы нет? – ответил я.
- Тогда смотрите!

Она крепко вцепилась в мокрые завитки лобковых волос Энн и, раздвинув складки половых губ, погрузила пальцы внутрь. Из-за резкости этого движения она, должно быть, причинила девушке боль – Энн вздрогнула всем телом. Клэр приказала ей стоять смирно, пригрозив, что иначе будет больнее, потом сказала:

- Покажи мне фонтанчик.

Ее угрожающий тон совершенно не сочетался с этим детским выражением.

Девушка не заставила просить себя дважды. Она слегка согнула колени и немного наклонилась вперед. Потом закрыла глаза. Ее руки сильнее сжались за спиной. Бесцветная жидкость брызнула между пальцев Клэр и начала стекать в воду, журча, словно ручеек.

Клэр еще какое-то время играла с ее половыми губками, потом – с самой струйкой, лоя ее ладонью или заставляя стекать вдоль бедра Энн.

Признаюсь, я был весьма удивлен тем удовольствием, которое мне доставила эта сцена, бесхитростная и волшебная невинность которой принесла и мне удовлетворение.

ГОТИЧЕСКАЯ ЗАЛА

Клэр долго мыла под прохладным душем измученное тело подруги, теперь действуя с нежностью и предупредительностью, а потом помогла Энн выйти из ванны. Затем принялась вытирать ее, ласкать и гладить.

Она пригладила и расчесала волосы Энн на лобке, затем обрызгала их духами из пульверизатора, так же как груди, подмышки, шею и бороздку между ягодицами.

Пока маленький электрический фен сушил локоны Энн, Клэр подкрасила ярко-розовой помадой губы и соски девушки.

Казалось, ее переполняет нежность и она готова повсякому украшать, холить и лелеять подругу. Она не боялась ни становиться на колени перед Энн на бледно-голубой резиновый коврик, ни целовать по любому поводу свои излюбленные места на ее теле.

Продельвая все это, словно мать, горничная или ребенок, играющий с куклой, она вслух комментировала для меня свои действия и даже спрашивала моего совета по поводу выбора духов или оттенка помады.

Наконец она натянула на маленькую Энн чулки с вышитой каймой, пояс и лифчик, купленные мною накануне. Потом заставила созданное ею самой произведение искусства повернуться перед ней, чтобы осмотреть в последний раз. Потом подтолкнула Энн к дивану.

– Иди поцелуй господина, который тебя любит.

Энн подошла и прильнула ко мне, почти улегшись рядом со мной на диване. Она долго целовала меня в губы со всей терпеливостью и нежностью, которые, как я теперь знал, свойственны ей от природы. Я обхватил ее за талию и еще крепче прижал к себе.

Затем моя рука скользнула вверх по ее позвоночнику, до самого затылка, где и остановилась, чтобы управлять

касаниями наших губ, их силой и длительностью – так, чтобы мне самому уже не приходилось поворачивать голову. Энн почти незаметно стала двигать бедрами, и легкое покачивание ее тела передалось и мне.

В этот момент мне захотелось увидеть Клэр. Я отодвинул белокурую головку Энн, и девушка уткнулась лицом мне в плечо.

Взгляд Клэр переходил с подрагивающих ягодиц Энн на мою руку, сжимавшую ее затылок. Потом она взглянула мне в глаза. Маленькая Энн в это время целовала меня в шею.

Я заметил, что ее хозяйка с трудом терпит наши объятия, в которых, как она внезапно поняла, ей нет места. Я продлевал ее испытание еще какое-то время...

Не отрывая глаз от Клэр, я продолжал до тех пор, пока ее раздражение не достигло предела. Она стояла возле дивана, буквально в двух шагах от нас, не решаясь разделить нас или же к нам присоединиться.

Когда я наконец освободился, отстранив от себя Энн, Клэр велела ей встать и сама села рядом со мной.

– Ну что, маленькая шлюшка, на кого ты хотела произвести впечатление? Жан пришел только затем, чтобы увидеть, как тебя накажут. Ты будешь целовать его, если он захочет, после того как мы тебя хорошенько помучаем.

– Ну так чего же мы ждем? – спокойно спросил я.

В соответствии с ритуалом жертва должна была опуститься на колени перед палачами, чтобы прежде выслушать подробности тех пыток, которым ее собираются подвергнуть.

Итак, ее привяжут к одной из колонн в комнате пыток. Отстегают плетью бедра и низ живота. Затем в наиболее чувствительные места ее тела воткнут тонкие раскаленные иглы. И наконец, исполосуют ей грудь до крови.

Стараясь, чтобы ее голос звучал естественно, Клэр спросила меня, доводилось ли мне уже использовать подобные иглы, мучая женщин.

– Вот увидите, это очень забавно, – сказала она. – Следов от них почти не остается; сами уколы не представляются никакой опасности, если прокалить острие на огне. А самое главное, они очень болезненны – правда, малышка? – их можно сколько угодно втыкать в одно и то же место, и боль при этом не ослабевает...

Готическая зала выглядела точно так же, как на фотографиях: железная кровать, черно-белый плиточный пол, две каменные колонны, поддерживающие свод очень высокого потолка, узкое зарешеченное окно в глубокой нише, почти закрытое красными бархатными гардинами. Слабый рассеянный свет падал от настенных светильников и трех напольных ламп, которые можно было поворачивать под любым углом – сейчас они были направлены вверх. Весь интерьер, строгий и в то же время интимный, чем-то напоминал церковь. Однако эта странная комната вовсе не казалась необычной в столь странной квартире.

Здесь же стояли почти вплотную друг к другу два кожаных кресла, в которые сели мы с Клэр.

Клэр захотелось пить. Само собой, маленькую Энн послали за прохладительными напитками. На ней был ее привычный наряд: чулки с вышитой каймой (туфель она не надела), пояс и лифчик из белого нейлона, игривый фасон которого оставлял большую часть груди обнаженной.

Пока мы пили, девушка, которой пришлось встать на колени, чтобы подать нам напитки, продолжала оставаться в этой позе, в ожидании наших дальнейших капризов.

Эту вынужденную позу мне уже довелось оценить: бедра раздвинуты, спина прямая, руки подняты, губы полуоткрыты. Зеленые глаза блеснули лихорадочным, почти

неестественным блеском, который заставлял вспомнить об истязании первых христианских мучеников.

Мы, все трое, знали, что пытки, которые должны будут состояться сегодня вечером, – не просто игра воображения. Мысль о том, что скоро они заставят эту нежную и покорную девушку корчиться от боли, наделяла ее плотью, и без того восхитительную, необыкновенной притягательностью. Я велел ей приблизиться и слегка провел кончиками пальцев по округлостям и ямочкам, которые мы готовились истязать в свое удовольствие, пока не надоест.

Промежность Энн была по-прежнему влажной – скорее всего, после наших поцелуев в ванной; разве что ее унижительной позы и бесстыдства, которого от нее требовали, или ожидания пытки было достаточно, как утверждала Клэр, чтобы ее возбудить.

Мне захотелось распалить ее еще сильнее более определенными прикосновениями. Потом я подумал, что было бы приятно какое-то время посмотреть, как она будет проделывать это сама.

– Что если вначале мы заставим ее ласкать себя? – спросил я Клэр.

Естественно, та согласилась. Но вначале ей захотелось завязать девушке глаза. По ее приказу Энн встала и отправилась за повязкой, а также за плетью, которую тоже велено было принести. Они лежали в углу комнаты на низком столике. Протянув их хозяйке, Энн приняла прежнюю позу.

Клэр показала мне оба предмета. Плеть была не та, что раньше: не несколько сплетенных ремешков, а всего один, более тонкий и, судя по всему, бьющий сильнее.

– Маленькая шлюшка сделала хороший выбор, – сказала Клэр. – Она сама купила ее сегодня утром.

Черной бархатной лентой, в которую была вшита резинка, она завязала Энн глаза – такая деталь очаровательным образом дополнила ее костюм.

По-прежнему стоя на коленях в свете направленной на нее лампы, Энн была принуждена себя ласкать: сначала груди и соски, подкрашенные розовым, выглядывающие из-за кромки лифчика; потом промежность под кружевной аркой белого нейлонового пояса. Она просунула туда обе руки и широко растянула в стороны половые губы, стараясь не загораживать нам зрелище пальцами.

Мы с Клэр все это время спокойно потягивали из бокалов оранжад.

Потом, словно сговорившись, одновременно посмотрели друг на друга. Я подумал о последней из увиденных мною фотографий – о той, моделью для которой была не Энн и которая представляла собой аналогичное зрелище.

Я понял, что Клэр подумала о том же самом... и о том, что я тоже об этом думаю... Ее лицо было в тени; но я все же смог различить на нем легкое волнение.

Энн сквозь свою плотную повязку не видела ничего. Я бесшумно встал и, склонившись над креслом моей соседки, повернувшей ко мне удивленное лицо, поцеловал ее, сначала едва касаясь губами ее губ, потом надавив на них сильнее, так, что они стали подаваться...

– Оставьте меня! – неожиданно воскликнула Клэр, вскакивая с кресла.

Чтобы дать выход своим эмоциям, появление которых вовсе не входило в ее планы, Клэр склонилась над коленопреклоненной девушкой. Схватив плеть, она начала хлестать Энн по бедрам, нанося удары спереди и не оставляя той никакой возможности сопротивляться.

Одновременно она приговаривала: «Ласкай себя, шлюха!» Но обжигающая боль, напротив, заставила девушку остановиться. Клэр ударила снова:

– Давай же, ласкай!

Девушка, обезумевшая от страха, тут же повиновалась.

– Вот так-то лучше! – сказала Клэр, и плеть с сухим щелчком хлестнула по бедру Энн.

В конце концов, охваченная нетерпением, Клэр толкнула Энн на пол и сама принялась страстно ласкать ее.

Девушка лежала на спине, приподняв согнутые колени. Ее руки вытянулись на полу над головой, ладонями вниз. Клэр склонялась над своей добычей, упираясь коленом в пол.

Прошло совсем немного времени, и Энн начала стонать. Вскоре она полностью потеряла самообладание и теперь кричала уже непрерывно. Казалось, эти крики исходят из самой глубины горла. Ее рот был широко открыт, черты лица искажены до неузнаваемости.

– Взгляните, – прошептала Клэр, – как она хороша, когда кончает, эта проблядушка...

И вот я увидел, как девушка ритмично раскачивается, резко поворачивает голову из стороны в сторону и судорожно стискивает пальцы. Наконец она вытянула ноги, одним рывком повернулась на бок, скорчилась и неподвижно застыла на черно-белом полу...

Клэр, стоя над ней, слегка подтолкнула ее кончиком туфли и отодвинула в сторону, словно неодушевленный предмет.

Тем не менее Клэр была еще не полностью удовлетворена. Она сорвала с девушки лифчик, пояс и чулки, оставив лишь черную повязку на глазах.

Ударом плети она заставила Энн снова встать на колени перед моим креслом. Затем велела ей возобновить прежнее занятие, но на сей раз добавила к зрелищу тонкую приправу стыда и наслаждения:

– Заодно будешь драть свою маленькую жопку!

Энн послушно завела руку за спину и просунула ее между ягодиц. Должно быть, это место у нее было очень чувствительным, потому что она почти тут же возбуждалась пуще прежнего.

Однако на этот раз, вместо того чтобы позволить ей довести дело до конца, Клэр набросилась на нее и, подтащив к одной из колонн, прижала спиной к холодному камню. В мгновение ока девушка оказалась привязанной к колонне за широко расставленные руки и ноги, словно распятая. Запястья и щиколотки Клэр связала позади колонны.

Я направил в ту сторону свет лампы и приблизился. Связанные руки и ноги Энн были прикреплены к двум парам диаметрально противоположных колец с помощью плоских кожаных браслетов, из тех, что продаются во многих парижских магазинах, торгующих безделушками, и знакомы большинству молодых женщин, которых любят мужья. Верхние кольца были расположены на порядочной высоте (чуть меньше двух метров), чтобы максимально растянуть тело, но не повредить.

Клэр возобновила свои грубые ласки, проникая в жертву с таким ожесточением, что уже нельзя было понять, кричит та от боли или от наслаждения.

Но все сомнения рассеялись, когда Клэр снова начала порку, хлеща Энн по широко раздвинутым бедрам и низу живота. Нарастающая жестокость этих точно рассчитанных ударов, искусность, с которой они наносились, и мерная повторяемость заставляли Энн дергаться во все стороны, несмотря на тугие путы. Ее тело было настолько прекрасно в таком виде, что мое восхищение росло, по мере того как длилось наказание.

Выбившись из сил, Клэр решила дать себе передышку, во время которой принесла кляп, чтобы на крики ее пленницы не сбежался весь квартал.

Затем она поместила рядом с собой маленькую спиртовку, для удобства стоявшую на железной подставке. Потом зажгла фитиль и положила орудия пытки на специальные кронштейны, удерживающие их над огнем.

Я в восхищении смотрел на длинные металлические иглы с острыми кончиками и крошечными деревянными

рукоятками, за которые их можно было держать, не обжигаясь. Когда они раскалились докрасна, Клэр приступила к изощренной пытке одной груди, затем другой; после этого она перешла к внутренней поверхности бедер возле самой промежности – там, куда не доставали удары плети.

Она проделывала это медленно, тщательно отмеряя дозы пытки: начинала с легких покалываний, затем надавливала сильнее, и, наконец, вонзала острие на миллиметр в плоть.

Отчаянные корчи Энн слегка мешали Клэр делать свою работу. Но хриплые страдальческие стоны девушки, которые достигали наших ушей, несмотря на кляп, сторицей вознаграждали ее за старания.

Слезы Энн обильно стекали из-под черной повязки и струились по щекам. Ее дыхание становилось все более и более прерывистым. Когда Клэр снова принялась за ее грудь, терзая округлости возле подмышек и вокруг розовых сосков, я подумал, что девушка переломает себе руки и ноги – с такой силой она рванула кольца, удерживающие их.

Тогда я взял плеть, чтобы собственноручно исполнить завершающий этап обещанной экзекуции – отхлестать груди Энн. Я взглянул на девушку, полностью отданную мне на милость, – она уже не могла пошевелиться и тщетно надеялась на пощаду.

И я с наслаждением, изо всех сил, отхлестал ее...

Остановился я лишь тогда, когда нежную кожу прорезал тонкий кровотокающий след.

– Развяжите ее, – попросил я Клэр. – Снимите с нее наручники и повязку... выньте кляп. Положите ее на кровать.

Клэр взглянула на меня, потом принялась осторожно развязывать веревки, не говоря ни слова. Прежде чем

предоставить подругу в мое распоряжение, она прижала ее к груди и запечатлела долгие поцелуи на ее губах и веках. Наконец положила ее на жертвенный алтарь.

Маленькая Энн не шевелилась. Она лежала на правом боку, отвернувшись к стене и подогнув колени. Плечи и ягодицы ее были натерты о колонну во время наказания. Я вытянулся рядом с ней и обнял ее сзади, так, что мое тело повторило форму ее собственного.

Потом я изнасиловал Энн, не обращая внимания на ее крики, проникнув в нее, полумертвую, сквозь самое узкое отверстие.

ВСЕ РАЗЪЯСНЯЕТСЯ

Этой ночью мне приснился сон. Я снова вошел в готическую залу, но сейчас она была просторнее и выше и напоминала церковь из моего детства.

К каждой колонне привязана обнаженная девушка. Одна стоит ко мне лицом, другая – спиной. Я приближаюсь и понимаю, что обе мертвы. Но тела еще теплые. Их наиболее привлекательные места пронзены многочисленными трехгранными стилетами.

Вокруг каждой раны проступает немного крови. Осторожно прикоснувшись пальцем к одной из ран, я понимаю, что кровь только недавно начала сворачиваться.

Я облизываю палец. Кровь приятна на вкус: чуть сладковатая, как фруктовый сок.

В этот момент я замечаю возле стрельчатого окна еще одну женщину – ее фигура четко выделяется на фоне сверкающего витража. Она в роскошном одеянии, ниспадающем широкими складками, словно мадонна эпохи Возрождения. Она сидит на троне и простирает перед собой руки приветственным жестом, полным величия. У нее лицо Клэр. Она нежно улыбается мне отстраненной, загадочной улыбкой.

Пока я иду к ней, мне кажется, что она становится все дальше и дальше.

Я проснулся, улыбаясь про себя этому сну, полному ни о чем не говорящих аллегорий. Тем не менее, я подумал, что, возможно, мне стоит ожидать визита Клэр, хотя накануне она ни словом об этом не обмолвилась.

Когда, немного позже, в дверь позвонили, я сразу же понял, кто это. Я набросил халат поверх пижамы, в которую снова облачился после душа, и пошел открывать.

Клэр была бледной и немного осунувшейся. Ее красота сейчас была красотой дикого зверя, угодившего в капкан.

– Доброе утро, – сказал я. – Как поживает ваша подруга?

На сей раз она не спросила, о какой подруге идет речь.

Оказалось, что с Энн все в порядке. Она все еще спала, утомившись после вчерашнего. Клэр с материнской заботой излечила ее раны, и через несколько дней никаких следов от них не останется. Разве что сохранится тонкий блестящий шрам на груди, в том месте, где кожа оказалась рассечена.

– Было бы жаль...

– Да нет, – сказала она, – это будет выглядеть очень мило.

Голос ее звучал мягко, на лице отражалась растерянность. Она не решалась прямо посмотреть на меня. Мы все еще стояли в прихожей. Я не совсем понимал, чего она хочет.

– А сами вы как себя чувствуете? – спросил я.

Клэр пристально посмотрела на меня широко раскрытыми глазами; потом отвела их и тихо прошептала:

– Я пришла.

– Хорошо, – ответил я. – Следуйте за мной.

Когда мы оказались в спальне, я сел в кресло и взглянул на Клэр, стоявшую передо мной в плиссированной юбке и белой блузке.

– Раздевайся! – скомандовал я.

Клэр замешкалась лишь на мгновение. Опустившись передо мной на колени на коврик из овечьей шкуры, она начала снимать одежду, один предмет за другим, следуя ритуалу. Нижнее белье у нее было такое же, как и у ее натурщицы. Трусики она тоже не надела.

Раздевшись догола, она раздвинула колени и подняла руки над головой.

Я долго смотрел на нее, стоявшую в такой позе.

– Посмотри на меня!

Она снова подняла на меня глаза.

– Тебе нравится стоять на коленях?

Она кивнула и прошептала:

– Я принадлежу вам... Можете делать со мной все, что хотите...

– Хорошо, – ответил я. – Ложись на кровать.

Она легла на спину поверх сбившихся простыней.

– Раздвинь ноги!.. Руки за спину!.. Открой рот!..

Не говоря ни слова, она повиновалась.

Я встал, сбросил халат и лег, наполовину придавив ее. Потом просунул руку ей под голову, чтобы удержать ее в неподвижности.

– Тебя когда-нибудь били?

Она слабо качнула головой в знак отрицания, и ее глаза наполнились тревогой.

– Что ж, тогда я буду первым.

Я влепил ей пощечину – по правой щеке, затем по левой, раз, другой... Я долго смотрел на нее, потом сказал, что она красива.

Моя рука скользнула к ее животу. Было заметно, что она возбуждена.

Я принялся целовать и ласкать ее.

Потом приподнялся на локте и снова отхлестал ее по щекам, уже сильнее, раз пять или шесть.

– Скажи: «Я вас люблю», – велел я.

Она повторила: «Я вас люблю» и добавила, что она моя раба и я могу забить ее до смерти, если захочу.

Я стал ласкать ее груди, потом перешел к промежности – здесь я задержался дольше, и мои ласки были более настойчивыми. Потом заставил ее облизать мои пальцы.

Снова приблизив губы к ее губам, я велел ей поцеловать меня. Она исполнила это со всей старательностью, умением и услужливостью. Я лишь принимал ее поцелуи, не отвечая на них.

Ее губы были мягкими и влажными, всецело предназначенными для того, чтобы доставлять мне удовольствие. Я укусил ее губу до крови. От боли и удивления Клэр резко дернула головой, но тут же почувствовала свою вину и снова повернулась лицом ко мне.

В наказание за это я снова отхлестал ее по щекам и заставил просить прощения.

Она сказала: «Простите меня», и я снова сжал ее нижнюю губу зубами. Я чередовал укусы и поцелуи до тех пор, пока в глазах у Клэр не появились слезы.

Потом моя рука проникла между ее бедер. Клэр сама раздвинула их пошире, не дожидаясь приказаний.

Когда я вторгся в нее по-настоящему, она громко застонала, стала называть меня по имени и беспрерывно повторяла, что любит меня...

Жанна де Берг

**ЖЕНСКИЕ
ЦЕРЕМОНИИ**

ОТКРЫТИЕ

Началось это обычно: собралась компания в заведении для мужчин, в Нью-Йорке... В эту компанию за два дня до того один гомосексуалист ввел юную американку, знакомую моих друзей. Атмосфера заведения настолько ее поразила, что она, зная о моем интересе к подобным пикантным вещам, захотела побывать там еще раз вместе со мной.

Заведение располагалось в квартале, хорошо известном нью-йоркским (как, впрочем, и другим) гомосексуалистам, где находится множество заведений такого рода – среди доков и складов, тянующихся вдоль Гудзона, неподалеку от Десятой авеню.

Моя подруга велела таксисту остановиться у большой железной двери без всякой вывески, ничем не отличающейся от других, которые то и дело появлялись справа и слева. Она сказала: «Это здесь». Я последовала за ней. Она нажала кнопку звонка, и я стала ждать, что в глазке сейчас появится инквизиторский глаз, который будет долго и пристально изучать нас, прежде чем нам позволено будет войти в чуть приоткрывшуюся дверь – как принято почти везде. Но ничего подобного не произошло. Дверь тут же с грохотом отъехала в сторону, открыв внутренности огромного лифта, грязного и дребезжащего. Лифтер – стильный негр с множеством косичек – улыбаясь, сделал приглашающий жест. На втором этаже лифт распахнулся прямо в зал, немыслимо огромный. Представление об интимности, которое для меня всегда связывалось с маленькими ночными кафе, здесь совершенно исчезло. Бывший склад был сохранен в первозданном виде – прямоугольное помещение без всякой отделки, с грязным истоптанным полом, словно покрытым странным узором из темных и светлых пятен. Хотя, пожалуй,

сказать «без всякой отделки» было бы не совсем верно. Вдоль стен, словно на выставке, тянулись ряды продавленных диванов, разохшихся столов, обшарпанных кресел, расшатанных стульев, круглых одноногих столиков с осыпавшейся инкрустацией. Вся эта мебель отлично гармонировала с полом. Систематический ее подбор – очевидно, на свалке – свидетельствовал о некой последовательности в том, что касалось пристрастия к потускневшему блеску, поблекшей роскоши.

Середина зала была пуста – очевидно, это был танцпол. Но сейчас никто не танцевал, кроме (это привлекло мое внимание, как только мы вошли) молодого человека, который извивался на небольшом возвышении в самой глубине зала под жестоко грохочущий рок. На нем были только кожаные брюки с вырезанными широкими отверстиями, открывающими для всеобщего обозрения член и совершенной формы ягодицы. Он танцевал в полном исступлении, не обращая внимания на остальных, глаза его были то закрытыми, то полностью отрешенными. Впрочем, в таком ярком свете он, должно быть, и не видел ничего из происходящего в зале, где двое мужчин, полулежа на канаве винно-красного цвета, нежно обнимались, как юные влюбленные. Немного подальше голый мужчина, сидя в кресле, мастурбировал, и никто из собравшихся, кажется, не проявлял к этому особого интереса. У меня сложилось впечатление, что вообще никто ни на кого не смотрит. На танцующего молодого человека не смотрел никто, кроме нас. На мастурбирующего тоже смотрели только мы.

В углу, возле бара, другие посетители, сидящие на высоких табуретах, пили пиво, между тем как на небольшом экране над рядами бутылок непрерывно сменялись диапозитивы с изображениями мужчин, черных и белых, чьи мускулы выгодно подчеркивались заученными позами – это были красивые фотомодели, не более того. Не помню, чтобы там были порнографические кадры.

Мы сели за свободный столик (вполне устойчивый, несмотря на ветхий вид), и официант, одетый в одну лишь короткую черную куртку с расстегнутыми пуговицами, подошел принять у нас заказ.

Посетители, в основном белые, были молодыми людьми с короткими стрижками, приличного вида – казалось, они пришли сюда прямо из контор на Уолл-стрит. В их манерах не было ничего вызывающего. Я заметила, что мы были единственными женщинами (еще и сейчас я теряюсь в догадках, почему нам позволили войти). Однако наше присутствие, необычное среди исключительно мужской клиентуры, кажется, никого не беспокоило. Нас словно никто не видел, вот и все. Тогда мы стали танцевать вместе. Но внезапно моя подруга решила показать мне и остальные помещения.

По деревянной лестнице мы поднялись в зал, расположенный над первым, такой же огромный, но полностью залитый «черным светом», имеющим ту особенность, что в нем видны лишь белые предметы. Я поняла, что мы попали на склад сантехники, яркая белизна которой в этом свете резала глаз. Мы не различали вокруг ничего, кроме нагромождений фарфора, стульчаков, сливных бачков, раковин, аккуратно поставленных одна на другую или беспорядочно сваленных, рядов унитазов, бывших в употреблении и совсем новых, края которых все еще были покрыты защитной бумажной лентой. Почти все было пыльным и грязным. Некоторые раковины, служившие пепельницами или мусорными корзинами, были до краев забиты пустыми бутылками, банками из-под «Кока-колы» и прочей дребеденю. В полутьме бесшумно двигались тени, скользя между грудями фарфора и фаянса – можно было различить лишь тусклую белизну рубашек или глаз, – слепые и глухие тени сталкивались, задевали и касались друг друга, и при этом, казалось, друг друга не замечали; да и был ли здесь уместен

разговор, даже если бы адская грохочущая музыка, почти невыносимая, не сделала его вовсе невозможным?

Моя подруга взяла меня за руку и сказала: «Пойдем». Мы спустились по деревянной лестнице, и она толкнула ногой двустворчатую дверь, которая вела в совершенно темную комнату. Здесь слышался шум воды, шорохи, шепоты и вздохи, и эти звуки, наряду с ощущением множества невидимых присутствий, дали мне понять, что сейчас мы попали в особое место, в святая святых. Вдруг кто-то щелкнул зажигалкой, и на короткое мгновение я увидела, что происходит: одни мужчины, расстегнув ширинки, мочились на других, стоявших на коленях, на четвереньках или лежавших у подножия облицованной плиткой перегородки, по которой ровными потоками струилась вода. Потом – снова тьма. Святая святых оказалась обычной уборной (отсюда, видимо, было и название заведения – «Туалет»). Еще три-четыре раза, в коротких вспышках зажигалок или спичек, я видела ту же самую сцену, а также огромное деревянное панно, стоявшее под углом к одной из стен, в котором были прорезаны круглые отверстия – сквозь них посетители просовывали члены в чьи-то незнакомые рты и ягодицы. Вдруг кто-то сказал вполголоса, но отчетливо: «Женщины...» Мы тут же попятнулись: мы слишком увлеклись этим зрелищем, совершенно не предназначенным для женщин.

Мы вернулись к нашему столику в первом зале, где на танцполе медленно покачивались несколько пар. В глубине, на эстраде, молодой человек продолжал танцевать ни для кого... или, может быть, для меня одной, смотревшей на него, крайне взволнованной тем, что я недавно открыла... да, в самом деле, крайне взволнованной.

КАБЛУК-ШПИЛЬКА

Возможно, ничего бы и не случилось. Но так или иначе, когда я объявила, что хочу обследовать садомазохистские клубы Нью-Йорка, именно об этом мне тут же заговорили со всех сторон. У социолога всегда есть алиби: скажите, что вы проводите анкетирование, и можете задавать какие угодно вопросы. Юный университетский преподаватель, вызвавшийся быть моим гидом, предупредил меня: здесь никогда не знаешь заранее, что увидишь, как в «Дневной красотке» – все зависит от клиентуры, переменчивой, нестабильной, вялой вчера, изобретательной сегодня. Итак, я решила не разочаровываться, что бы ни увидела.

Было уже поздно, когда мы подошли к двери заведения, обитой помятым железом и не обещающей никакой роскоши внутри. Прочитав прейскурант, висевший сбоку от гардероба, я выяснила, что женщин среди посетителей меньшинство, поскольку, как и в других подобных заведениях, они платили за вход половину или треть цены, которую должны были заплатить мужчины: в «Адский огонь» их пускали и вовсе бесплатно, даже, точнее будет сказать, заманивали этим бесплатным посещением. Из этого можно было заключить, что они не слишком охотно приходят в такие места – во всяком случае, не в достаточных количествах. Но даже для мужчин цена была отнюдь не запредельной, судя по разношерстной клиентуре, которая в этот вечер занимала три разных сектора описываемого мною клуба. Белые, черные, молодые и не очень, в джинсах и футболках или костюмах с галстуками, посетители поодиночке или парами (редко группами) ходили туда-сюда по залу.

Сразу у входа был бар – доска, положенная на деревянные козлы, где барменша-панкушка предлагала вам

в обмен на купон, отрываемый от входного билета, бутылку пива, «Коки» или «Пепси-колы» (на выбор) и соломинку. Отойдя от бара с напитком в руке и поднявшись на несколько ступенек, вы попадали во второй сектор, более удобный, где стояли небольшие банкетки без спинок, покрытые, как и пол, потертым темно-красным ковролином. Они располагались так, что образовывали квадраты (чтобы сидящим на них удобнее было беседовать), словно в середине предполагалось наличие стола – однако столов почти не было, за исключением одного-двух: ничто не должно было мешать свободному течению беседы и скольжению с одной банкетки на другую. Некоторые сидели, поставив бутылки рядом с собой или на пол; некоторые, держа их в руках, прохаживались или стояли, прислонившись к деревянным перилам, отделявшим второй сектор от третьего – свободного пространства с паркетным полом, расположенного чуть ниже.

Это походило бы на обыкновенный танцпол, если бы не странные элементы обстановки: гимнастический конь, установленный перед большим стеклянным расписным панно на одной из стен, сложенная лестница-стремянка и в глубине – древнее канапе с резной деревянной окантовкой, заключавшей лишь одно продавленное бархатное сиденье, потертое, засаленное, даже местами порванное. Вот и все. Нет, позади канапе еще были, скрытые наполовину задернутой занавеской, какие-то предметы непонятного назначения: доски, старые шланги, что-то еще – как будто туда свалили все лишнее. Я все больше убеждалась, что обстановкой никто особенно не занимался – здесь даже не было, как в «Туалете», некой эстетики изысканного старья. Нет. Здесь царила атмосфера безразличия, точно в заброшенных пустых складах, тянувшихся вдоль Гудзона, где по ночам так часто происходят короткие случки среди мусора и железного лома. Те, кто приходит туда, не обращают на

это внимания. И, по большому счету, мне больше нравится это добровольно принимаемое убожество, чем неизбежное «световое шоу» с его дешевой мишурой.

На танцполе была только одна пара – негр с негритянской, танцующие под известную рок-мелодию. Они остановились еще до того, как она закончилась. Мужчина принялся раздеваться, сбрасывая одежду прямо на пол, себе под ноги. Кажется, мне повезло: сейчас должно было «что-то» произойти. Раздевшись догола, он подошел к гимнастическому коню и растянулся на нем, так, что его грудь, живот и член оказались выставленными на всеобщее обозрение. Негритянка вытащила из брюк широкий белый ремень из плетеной кожи и принялась хлестать своего партнера. Она хлестала его почти повсюду, в основном – по животу и бедрам, жестоко, но умело. Мужчина, повернув голову к стеклянному панно, отрешенно наблюдал в нем ее действия. Он смотрел, как отражение поднимает руку, как обрушивается удар; смотрел на свое собственное распостертое тело и на лица тех, кто мало-помалу собирался вокруг них, тем не менее оставаясь на некотором расстоянии – то ли из страха, что их может задеть ремнем, то ли из почтения, а скорее всего, по обоим причинам. Тут вмешалась еще одна женщина, белая, довольно заурядной внешности, которая начала в лихорадочном исступлении хлестать негра многохвостой кожаной плеткой. Но ее возбуждение быстро иссякло. За все это время избиваемый не сделал ни единого протестующего жеста.

Совсем юная девушка, почти девочка, стоявшая рядом со мной, облокотившись на перила, повернулась ко мне и спросила, не из Парижа ли я и есть ли в Париже подобные заведения. Кажется, она сильно удивилась, когда я сказала, что нет. У нее была почти прозрачная кожа, и она напоминала фарфоровую куклу. Я спросила ее, есть ли у нее личный интерес к тому, что сейчас происходит у нас перед глазами. Она ответила: «Личного – нет, но... Я пишу

порнороманы. Мне нужен материал, новые идеи...» – с такой мягкостью и искренностью, что я в ту же секунду поверила.

Отвернувшись, я заметила группу мужчин, молча сидевших напротив юной блондинки, которая тоже сидела на банкетке, откинувшись к стене и положив ногу на ногу, с очень самоуверенным видом. Она разговаривала со стоявшим перед ней на коленях молодым человеком, которого держала на поводке. Ее голос был сильным и ровным, звучного тембра. Она осыпала его оскорблениями. Молодой человек, белокурый, как и она, обнаженный до пояса, слушал ее. На правом запястье у него был браслет из белого металла, на шее – ошейник с цепочкой, на которой висела овальная медаль. Не прекращая говорить, женщина забавлялась с этой медалью, раскачивая ее золоченым носком своей босоножки. Он не отрываясь смотрел на нее, с жадностью впитывая ее слова, и казался безумно влюбленным. Весь вечер он не отходил от нее. Она и вправду была восхитительна (скорее всего, ей еще не было тридцати), с соблазнительно выступающей грудью, обтянутой красным шелком, округлыми плечами и россыпью веснушек. Когда, немного позже, я увидела ее молодого человека, в свою очередь распростершегося на гимнастическом коне, и заметила на его бедрах совсем свежие шрамы от ударов, я вновь подумала, что его потерянный взгляд трогателен, как у щенка, смотрящего на хорошенькую хозяйку.

Каждая из их импровизаций создавала вокруг них небольшое скопление людей, которое рассеивалось сразу же, как только действие прекращалось, и снова собиралось уже в другом месте, где в очередной раз происходило «что-то». В перерывах зрители знакомились (совершенно непринужденно обращаясь друг к другу без всяких предварительных вступлений), или танцевали, или просто бродили туда-сюда. Я тоже.

Таким образом я случайно обнаружила в конце сужающегося коридора небольшое помещение с низким потолком, разделенное на несколько частей серо-стальными плюшевыми портьерами и устланное широкими темно-фиолетовыми подушками. Отсутствие окон создавало впечатление, что находишься в подземном укрытии или комфортабельной тюремной камере. Здесь я нашла странное трио, которое уже заметила раньше в большом зале: очень молодая женщина, на сей раз брюнетка, изящная, с тонкими чертами лица, сидела верхом на деревянной перегородке. Ее одежда чем-то напоминала костюм цирковой наездницы. Взгляд ее был затуманен, она болтала ногами. У ее ног с таким же мечтательным видом сидели двое мужчин, гораздо старше ее, одетые лишь в черные сетчатые трико, обтягивающие их от ступней до основания шеи. На одном из них, с напудренным лицом, кроме этого, был женский парик, туфли на высоких каблуках и широкий черный кожаный пояс, украшенный буквой «М», выложенной из железных заклепок.

Три этих персонажа представляли собой примечательную картину, довольно двусмысленную. Я не могла точно определить, какие между ними отношения, пока не увидела их здесь, в одном из отгороженных закутков: она, сидя по-турецки, рассеянно смотрела – вместе с еще несколькими остановившимися возле них зрителями – как трансвестит, зарывшись в подушки, небрежно позволял ласкаться другому, который, судя по всему, играл мужскую роль. Они, очевидно, нарочно делали это напоказ.

А теперь мне нужно рассказать о короткой сценке, которая произошла в этот вечер (или в другой, неважно). Молодой человек, почти мальчик, очень бледный и уродливый, вытянулся на полу рядом с лестницей-стремянкой. Молодая девушка встала прямо над ним, расставив ноги, и, осторожно приподняв подол легкого платья в цветочек (дело было летом) до самых ягодичек, чтобы не

забрызгать его, обильно помочилась ему на лицо. По контрасту с ее милым, лишь слегка накрашенным личиком начинающей продавщицы ее поступок меня ошарашил. Зачем она это сделала? Первым моим предположением было, что ради удовольствия: ей нравилось, когда партнеры мочатся друг на друга. Потом пришла другая идея: просто по доброте душевной, потому что тот несчастный сам так захотел. Могло быть и так, что он, чтобы добиться этого, украдкой сунул ей в руку несколько сложенных долларовых бумажек. Я знаю, что так обычно и делается. Еще одно предположение: она сделала это из любви – чтобы доставить удовольствие какому-то другому мужчине (или женщине), который, вместе с другими зрителями, наблюдал, стоя в отдалении. Эта неуверенность, мало-помалу овладевающая мной, замутняет и самые недвусмысленные сцены. Были ли они, по зрелом размышлении, такими уж понятными? Не мог ли молодой блондин, похожий на преданного щенка, сам попросить (или даже потребовать, кто знает?) у своей очаровательной госпожи этого публичного унижения? Как знать? Да, впрочем, и чего ради?

Мне вспомнилась Марианна, юная француженка, с которой я познакомилась несколькими днями раньше в «Дневной красоте», где она выступала в садо-мазо-шоу. Когда я стала задавать ей вопросы на эту тему, она подтвердила мою гипотезу: все мужчины – или любители, или просто любопытствующие, или сами практикуют теорию «господства и/или повиновения». В случае с женщинами все не так однозначно. Есть профессионалки, которые ищут случайных клиентов (как она, например), но было бы ошибкой полагаться лишь на одежду, чтобы их отличить. Обычные в таких случаях атрибуты (сапоги на шнуровке, кожа, каблуки-шпильки и т. д.) некоторые женщины носят с единственной целью – самоутвердиться. Не нужно также забывать, что некоторые

профессионалки выступают в роли повинующихся, «жертв». Кстати говоря, я сама видела только одну импровизацию, где в роли «повелителя» выступал мужчина. Но это, я думаю, не показатель. Итак, приходится признать, что об этом нет точных сведений.

На самом деле, некоторые посетительницы весь вечер оставались в тени своих спутников, словно сопровождали их на вечеринку; были и весьма примечательные, и все не остались незамеченными. Я и сама, едва успев войти, оказалась под пристальным неотрывным наблюдением. Самые сногшибательные *cover-girls*, какой бы огромной не была дистанция, отделяющая меня от их молодости и красоты, должно быть, испытывали, входя с надменным видом в «нормальные» заведения, то же самое, что и я в тот момент – одновременно будоражащее и тревожное чувство, что ты являешься предметом всеобщего вожделения. Правда, на мне было простое, без всяких украшений, черное платье со стоячим воротником, что профаны полагают признаком некоторой чопорности, но посвященные воспринимают как свидетельство определенных склонностей. Один мужчина даже отважился сделать мне предложение (речь шла о том, чтобы помучить его в туалете), которое я сразу отклонила, как слишком уж прямое. И потом, чужие «фантазии», разыгрываемые, проживаемые, выставляемые напоказ без всякого стеснения – это было для меня так ново!..

Когда я говорю «без стеснения», поймите меня правильно: по молчаливому соглашению, никто никого не заставлял действовать или подчиняться чужим действиям против воли. За этим следил мощный мускулистый охранник. Одетый в черное, опоясанный кожаным ремнем с заклепками и с такими же браслетами на руках, он расхаживал туда-сюда, следя за порядком, который, к счастью, не приходилось защищать. Он был здесь своим человеком и, кажется, пользовался всеобщим расположением.

И немудрено – разве, проходя мимо нас, он не спрашивал: «Are you happy?» – что не предполагало никакого ответа, но придавало ему вид примерного ребенка?

Изумленная всем, что увидела, смущенная беззастенчивым поведением совершенно незнакомых людей, вначале я сохраняла осторожную позицию наблюдательницы. Впрочем, неудачного высказывания моего спутника, университетского преподавателя, оказалось достаточно, чтобы удержать меня от всякой инициативы. Он произнес слово «цирк», в котором было нечто обескураживающее для чувствительных душ, боящихся столкнуться с насмешливым непониманием. Я решила *in petto*: 1) в его присутствии сохранять сдержанность; 2) вернуться сюда в другой раз, как можно быстрее; 3) позволить себе, коль скоро приняла такие решения, несколько маленьких отступлений от правил, которые остались бы незамеченными моим спутником.

Несмотря ни на что, немые призывы были слишком искушающими, и мне очень хотелось удостовериться, что «это действует». Это и в самом деле действовало, и очень сильно: губы не противились укусам, а груди – царапанью ногтями. Напротив. Мимолетные касания вызывали такую острую реакцию, о которой я даже не подозревала. Да, мне обязательно нужно было вернуться, чтобы зайти дальше в головокружительных исследованиях чужих обжигающих прикосновений.

В следующий раз я пришла сюда вместе с подругой, высокой, стройной, очень элегантной, о которой большинство знакомых говорили: «Все еще красива». «Все еще красива!» Горькая сладость этого комплимента приводила ее в отчаяние – ее, по-прежнему, как и в двадцать лет, равнодушную к юным воздыхателям! Но ее время ушло, и она это знала. Она ничуть не цеплялась за ухажера, который у нее оставался, сознавая (о, насколько

хорошо!), что этим полностью растопчет свое самолюбие, а ради чего? Ради того, чтобы получить иллюзорную отсрочку приговора.

Однако при желании она могла бы отбросить убийственное наречие, это «еще», которое так ее терзало, и остаться «просто красивой». Впрочем, такой она, очевидно, и была в глазах молодых людей, которые не оставляли ее в покое, стоило нам расположиться на неудобных банкетках. Лесть, которую ей расточали в былые времена, она снова нашла – здесь и сейчас. Но хотела бы она, для того, чтобы «они оказались у ее ног», загнать их туда или даже равнодушно отшвырнуть? Знала ли она сама об этом?

Чтобы подать пример, я обратилась к юному итальянцу, уже долго сидевшему между нами, и указала ему на свои туфли тем повелительным жестом, который так хорошо понимают собаки и который означает: «К ноге!» Приказ был очевиден. Однако он тут же заколебался, не уступить ли место более проворному конкуренту – молодому человеку, который, оказывается, уже какое-то время, даже не замеченный мною, стоял возле меня на коленях, выпрашивая взглядом позволения заменить собой нерешительного итальянца. По одному лишь движению моих век он ловко перевернулся и вытянулся на спине под прямым углом к банкетке (эта деталь имеет значение), положив голову между моих ступней, обутых в черные лакированные туфли. Не довольствуясь тем, чтобы просто лизать верх туфли, чем ограничивался мой молчаливый приказ (того, что он может пойти дальше, перешагнуть этот порог эксгибиционизма, первый этап, я не предвидела) – так вот, вместо того чтобы просто лизать верх туфли, он приподнял ее обеими руками, благоговейно, словно это было сокровище, которого ему позволили коснуться лишь по счастливой милости судьбы. Он провел ею по лицу, поглаживая себе лоб, щеки, нос, губы подошвой, которую едва ли хорошо очистила

щетка-коврик у входа. Он втягивал носом ее затхлый запах, впитывал его и был наверху блаженства. Вначале я просто наблюдала за ним, никак не реагируя. Я смотрела, как моя туфля скользит по бледному лицу, которое с кошачьей чувственностью трется о лакированную поверхность. Вскоре я была полностью захвачена этим зрелищем. Он высунул кончик языка, словно чтобы попробовать каблук на вкус, и – невероятно! – действительно это сделал: с силой всадил острый тонкий каблук между крепко сжатых губ и медленно просунул его внутрь, весь целиком. Потом принялся двигать каблук вверх-вниз, постепенно все более резко, и это движение невольно передалось моей ноге. Вся моя чувственность ушла туда, в каблук, в это продолжение моего тела, в глубине которого собирался любовный сок. Словно бы я сама теперь заставляла двигаться вверх-вниз этот оживший отросток, от которого исходила тайная сладострастная пульсация, передающаяся подошве ноги, наэлектризованной до самых кончиков ногтей; словно бы я сама погружала его в полуоткрытые в экстазе губы и снова вынимала, поблескивающий от слюны.

Потом я увидела, как молодой человек закрыл глаза и его ладони вяло распростирались на полу. Тогда, понемногу вытягивая ногу вперед, я с помощью другого каблука начала расстегивать пуговицы его рубашки, одну за другой, вплоть до растущего вздутия под ширинкой голубых джинсов, затем просунула каблук между кожей и тканью и, с силой вдавливая острие в кожу, прочертила красный след между разошедшимися полами рубашки. На его безволосом загорелом теле пунктиром выступили капельки крови, превратившиеся в тонкие горячие струйки. Да, конечно, они должны были быть горячими, даже обжигающими... Я вылила на него содержимое недопитой бутылки пива, которую все еще держала в руке. Капли этого желтого теплого дождя стекали ему на грудь,

на искаженное лицо, впитывались в одежду. Я опустилась на колени, чтобы поцеловать его увлажненные губы.

Все, что меня окружало, исчезло за пределами моей вселенной, которая свелась к одному-единственному, отрезанному от всего остального, самодостаточному зрелищу: американец лет двадцати, с короткими белокурыми вьющимися волосами, без имени, без прошлого, распростертый у моих ног, одетый в рубашку в мелкую клетку, джинсы и кроссовки; ничто не могло бы выделить его из толпы ему подобных, даже браслет из белого металла, который он носил на правом запястье, если бы не одно: сейчас он был для меня единственным, кто находился в центре окруженного пустотой пространства, в котором существовали только он и я. Как будто бы мы были одни, я соскользнула с банкетки и присела на корточки у него над головой. Как будто бы мы были одни... Однако я крестнакрест закрыла ладонями лицо, чтобы не было слышно моего прерывистого дыхания, участвовавшего в тот момент, когда я почувствовала под своей расстеленной по полу юбкой, как его язык ласкает кожу моих бедер сквозь эластичную ткань сетчатых колготок. Мне показалось, что я сейчас кончу, прямо здесь, на публике...

Когда, гораздо позже, я очнулась и отняла руки от лица, то, разумеется, увидела, что мы окружены отнюдь не пустотой, а многочисленными зрителями, чьи взгляды были прикованы к нам. Часть собравшихся, включая мою подругу и ее итальянца, сидела на банкетках позади нас, на некотором расстоянии, словно для того, чтобы освободить пространство, где мы были бы одни и видны со всех сторон. Другая часть была перед нами: человек двадцать мужчин стояли полукругом, вплотную друг к другу. Сколько времени они уже наблюдали за нами, неподвижные, молчаливые? И кто бы мне сказал, еще совсем недавно, что я вовсе этого не испугаюсь, и даже более того – что, окрыленная собственной смелостью, все еще стоя на

колених, я сама начну разглядывать их по очереди, одного за другим? Один из них отвернулся и ушел. Другие выдержали мой взгляд, и я понимала, что они останутся на месте, что бы ни случилось – пока я буду предоставлять изысканные блюда для уголения их терпеливой страсти.

Но момент был упущен, и юный блондин понял это по моей недвусмысленной улыбке. Он поднялся с пола, встал передо мной на колени, поцеловал мне руку и сказал «Спасибо» по-французски. Я погладила его по волосам, жестким от засохших пивных капель. «Спасибо»... Это единственное слово, которое свяжет нас в будущем.

Он поднялся и исчез, пройдя между стоявшими полукругом зрителями, которые почти сразу же разошлись. Несколько мужчин приблизились, чтобы получше разглядеть меня и заговорить со мной. Один из них, лет тридцати, очень утонченный, выглядевший настоящим денди в своем костюме-тройке и саржевом галстуке, произнес: «It was wonderful». И я почувствовала себя польщенной, как актриса, сошедшая со сцены, которую взволнованно уверяют, что она была «абсолютно неподражаема». Еще и сейчас я не перестаю этому поражаться.*

Как бы то ни было, эти мужчины со своими бесхитроутными восторгамми убедили меня, что я в самом деле устроила им роскошный спектакль, и что сами они были примерными статистами (восторженными и немыми) в этом спектакле, который я разыгрывала лишь для себя одной.

Позже я снова заметила этого молодого человека – он смотрел на меня издалека, в одиночестве сидя на

** Моя подруга запомнила несколько комментариев на мой счет, весьма лестных, но наиболее необычным был примерно такой: «Француженки лучше американок». Конечно, я слышала, что все француженки рыжие, но такое!.. Вот так однажды вечером в Нью-Йорке я подправила историческую репутацию Франции. (Примечание автора.)*

маленькой лестнице, ведущей в бар. Я подошла и тоже села на ступеньки рядом с ним. Когда я сказала, что живу в Париже, он воскликнул: «Как бы я хотел побывать там с вами!» Потом добавил: «Your slave». На его рубашке кое-где виднелись засохшие пятнышки крови.

Вечеринка была уже в разгаре, когда один из зрителей принес мне цепочку, найденную под «моей» банкеткой. Я вспомнила медаль, раскачиваемую золоченым носком босоножки. Заинтригованная находкой, я принялась изучать ее, держа на ладони маленький овальный золотой медальон. Я рассматривала прилипшие к нему ворсинки ковра. Как выяснилось, напрасно – тем временем мой спутник исчез.

Для очистки совести я поискала его среди остальных посетителей: я хотела узнать его имя, адрес, способ с ним связаться. Но он как в воду канул. Я поспешно направилась к выходу. Прямая улица была пуста, насколько хватало глаз. Ночь – нема. Недавний ливень смыл разбухший мусор в сточные канавы. На неровных тротуарах поблескивали лужи.

Через несколько дней я уехала из Нью-Йорка. Я больше никогда не видела этого мальчика с васильковыми глазами. «Forget me not...» Я не забыла.

РАЗМЫШЛЕНИЯ 1

Без сомнения, мне бы и в голову не пришло рассказывать историю своей жизни, если бы не случай. Случай заключался в том, что Жан-Люк Энниг начал расспрашивать меня о «стратегиях вуайера». Беседа на эту тему, едва завязавшись, пошла дальше в совершенно другом направлении, где изначальная тема вуайеризма совершенно затерялась. Вместо этого возникла тема рассказа, построенного в форме долгого диалога – с того момента такая форма стала моей любимой – «Мученичество Себастьяна».

Поскольку в журнале «Tel quel» должен был появиться важный отрывок из этого рассказа, я попросила, чтобы мне прислали текст для предварительного просмотра – по крайней мере, текст моих пояснений.

При чтении дактилографических оттисков я почувствовала, как на меня нахлынула волна разочарования: «Это не то!» Конечно, все слова были мои, я их узнавала. Ничего не вырезано, не перевернуто, не искажено... Разочарование я испытывала лишь по отношению к себе самой. Я не могла избавиться от мысли: «Это не то». Или, еще хуже: «Да, это оно и есть». Тогда я переделала некоторые фразы и почти полностью переписала последние абзацы. Конечный результат понравился мне больше, но все же не удовлетворил окончательно. Итак, продолжать было бесполезно, поскольку я наконец поняла: «то» не получится никогда. Но кое-что я все-таки сделала: переписала некоторые эпизоды, следующие за вечеринками, прозванными «в память мученичества Себастьяна», а потом, по инерции – два других, предшествующих им и происходящих в Нью-Йорке.

Отчего такое упорство? Хотя отныне я полностью сознаю, что не смогла бы перекрыть сообщение между

рассказом и образами, по-прежнему теснящимися у меня в голове, я хотела бы зафиксировать для себя, своих друзей и нескольких рассеянных мечтателей пусть даже только след тех эфемерных событий, хрупких, шатких мгновений, перед тем как они полностью рассыплются в прах.

МУЧЕНИЧЕСТВО СЕБАСТЬЯНА

– *Расскажите мне историю о Себастьяне.*

– Как я уже говорила, эта вечеринка была для меня одной из самых впечатляющих. Еще много ночей спустя я не могла заснуть. А днем не могла есть. В первые два-три дня я была как выжатая... Несомненно, по причине страсти, которую я там испытала...

Мне хотелось перепачкать мужчину разбитыми яйцами. Эта идея у меня была уже давно. Помните фильм «Нарастающее удовольствие»¹? Там есть сцена, где одна женщина разбивает яйца на теле другой. Но она делает это очень осторожно, лишь слегка перемещая и встряхивая их так, что они трескаются, а не раскалываются. Мне же хотелось, напротив, разбить их вдребезги. Я всегда мечтала воссоздать наяву картину «Мученичество святого Себастьяна», где вместо стрел были бы яйца. Эта мизансцена требовала специальной обстановки (голая стена, пол, которому ничего не страшно) и исключительного актера. И то и другое я нашла в течение всего одной недели: прекрасного раба, который, как мне казалось, должен был быть идеальным святым Себастьяном, и пустую комнату с зеркальной стеной и крепким полом – в доме одного моего друга.

Кроме этого человека, которого я отныне буду называть Себастьяном, я решила привлечь двух других участников: мою подругу (разделявшую мои вкусы) – на роль «горничной», и еще одного мужчину – на роль «прислужника», чтобы он помог мне создать нужную обстановку.

В назначенный день я приехала на место первой, в одиночестве. Ключи у меня были. Я осмотрела комнату и

1 Фильм Алена Роб-Грийе (1973).

стала думать, как все устроить. Потом перенесла в нее все предметы, которые казались мне необходимыми. К семи часам вечера прибыл первый участник, «прислужник».

Этот мальчик, у которого была склонность к подчинению, очень любил исполнять приказы одной женщины и делал за нее всю домашнюю работу. Я уже предвидела, как он начнет мыть и чистить все вокруг и помогать мне в приготовлениях. Мне бы хотелось также прорепетировать мои действия – так сказать, потренироваться на нем, как на дублере основного актера.

Я смотрела, как он моет пол и протирает зеркало. Потом я показала ему, где лежат пластинки, которые мне хотелось слушать во время действия – с музыкой одновременно романтической и страстной. Нагрузила его и другими мелочами, которыми не хотела заниматься сама. Мы поставили напротив зеркала, в двух-трех метрах от него, кресло, разложили подушки для моей «горничной», расставили свечи, ароматические палочки и прочее. Затем я велела ему раздеться и встать у зеркала, а потом бросила в него яйцо, чтобы проверить, как будет выглядеть это зрелище. Вот и все. После этого ему осталось только вымыться, одеться и очистить зеркало.

Итак, все было готово, и мы могли пойти поужинать. Мы отправились в кафе в двух шагах от дома, но я не могла проглотить ни кусочка... Вы когда-нибудь играли в театре? Мной владела та же тревога, которую испытывают перед выходом на сцену – боязнь оказаться на публике, некая смесь паники и эйфории. Но потом, когда действие началось, страх полностью исчез.

Мы договорились с моей «горничной»*, что она заедет за тем, кого я называю Себастьяном; ей также нужно было проверить, чтобы при нем были необходимые

* *Та, кого я называю «горничной» – не кто иная, как Александра, юная американка, открывшая для меня гей-клуб, о котором идет речь в первой главе. (Примечание автора.)*

аксессуары, из которых мне больше всего нравились повязка на глаза, собачий ошейник и кнут. Они проделали путь на автомобиле, в полном молчании. Когда они прибыли по указанному мной адресу, она завязала ему глаза, прежде чем позвонить.

Я тем временем переоделась. Теперь на мне был своеобразный наряд: черное шелковое платье с открытыми плечами, такие же перчатки, длиной до самых подмышек, черные чулки и туфли на шпильках.

– И черная губная помада?

– Очень темная. Освещение давали только свечи, стоявшие на полу, достаточно далеко от зеркала. Оно было не слишком хорошего качества, поэтому свет был слегка синеватый...

Моя «горничная» позвонила, и я сама пошла ей открывать. Мальчик с завязанными глазами стоял рядом с ней. Повязка нужна была только затем, чтобы он раньше времени не увидел комнату с зеркалом, через которую только и можно было пройти из прихожей во вторую комнату квартиры. Когда мы вошли туда, я сняла повязку. Моя юная подруга по сути не знала Себастьяна – она всего лишь привезла его сюда. Так что я его ей представила. Он стоял на коленях. Я внимательно изучила его, каждую черту: рот, глаза, шею. Затем мало-помалу раздела его (должна признать, с некоторой грубостью, поскольку разорвала ему футболку), под комментарии зрителей.

В какой-то момент мой прислужник, который молча наблюдал за раздеванием, слегка улыбнулся, и эта улыбка тотчас же передалась молодой женщине. Тут я пришла в ужас, поскольку ничто так не разрушает любое священнодействие, как смех; и даже обычная улыбка была для меня невыносима. Я принялась яростно хлестать его кнутом, что тут же остановило их попытки продолжить веселье. Я поставила его лицом к стене и

приказала не оборачиваться; для него это было достаточно суровым наказанием, поскольку он как раз очень любил «смотреть». Он не возражал. Он был даже испуган: очевидно, почувствовал, что я готова избить его довольно сильно. Затем я вернулась к Себастьяну и продолжила его раздевать. Ему тоже довелось попробовать кнута, но по другой причине: он не написал мне обещанное письмо, и это был серьезный проступок. Затем мы обменялись несколькими словами: слова играют для меня большую роль, в том числе и эротическую...

– Вы сделали фотографии?

– Вы имеете в виду: фотографии на память? В тот момент мне было не до того... Знаете, единственная вещь, которая меня в самом деле интересует – это драматическое напряжение реальной сцены. Вот почему в подобных ситуациях вокруг меня, как правило, мало людей. Я заметила, что если участников слишком много, интерес рассеивается. А мне нужно постоянно чувствовать других актеров рядом с собой. Чем их больше, тем труднее достигнуть такой степени напряжения, и тем утомительнее это для меня. Их должно быть не больше девяти-десяти, но это максимум. Такая ситуация – скорее исключение. Вот четверо-пятеро участников – идеальный вариант.

В этот вечер, навсегда запечатлевшийся в моей памяти, что-то произошло... я не знаю... примерно так себя чувствуешь после некоторых наркотиков: во власти безумия, пусть кратко, но все же безумия.

Затем мы перешли в комнату, подготовленную для церемонии. Я села в кресло и велела горничной подвести ко мне будущего мученика и поставить его передо мной на колени. Потом я привязала его запястья к ручкам кресла. Пока она его хлестала, также по моему требованию, я принялась целовать его, слегка покусывая ему губы. У него были прекрасные губы – нежные и покорные, как

и нужно. В то же время я наблюдала эту сцену сзади в большом зеркале, где отражение было едва различимо из-за полумрака.

Северен, мой прислужник, которого незадолго до того я наказала, повернув лицом к стене, теперь был поставлен позади меня, в темный угол, откуда мог наблюдать за происходящим. Участвовать ему не разрешалось – только смотреть... Когда я решила, что уже достаточно нацеловалась с Себастьяном и что его вдоволь исхлестали, я отвязала его, встала с кресла, подвела его к зеркалу и, поставив на колени, заставила смотреть на свое отражение. Потом плюнула в зеркало. Он тут же понял, что должен сделать: слизать плевок. Я снова плюнула, на этот раз в отражение его лица.

Конечно, я сознаю, что отчет, который я предоставляю вам сейчас о тех действиях и их последовательности, выглядит сухим и бесстрастным, тогда как мне их развитие представляется прекрасным, волнующим, необходимым... Необходимым для чего? Как раз для красоты, быть может... Понимаете, это не должно восприниматься с перебоями, провалами... В конечном счете, это очень театрально. Я думаю, что важны не действия сами по себе, а то, что я ими создаю и что захватывает людей, которые находятся рядом со мной. Я создавала некое гипнотизирующее действие; если бы этого гипноза не было, не было бы вообще ничего. И для меня все это было по-настоящему – я испытывала ощущение, что этот спектакль происходит в реальной жизни. Если бы я вдруг перестала верить в это сама или не слишком хорошо играла свою роль... ничего бы не произошло. Это было бы лишь чередой неинтересных действий; тех же самых, но неинтересных. Именно этой «реальности», по сути, ждут от меня окружающие. Доказательством служит то, что я часто предлагала своим друзьям встречаться без меня, поскольку я много путешествую. Но у них ничего подобного не получалось. Словно

им нужна была распорядительница. И даже если я ненадолго отстраняюсь от своих обязанностей и передаю их одной из моих «сообщниц», то всегда нахожусь поблизости и наблюдаю за происходящим, готовая в случае чего вмешаться...

Так вот, затем я попросила мою горничную прислониться спиной к зеркалу, медленно приподнять платье и раздвинуть ноги, а Себастьяну – благоговейно вылизывать ее, начиная от кончиков пальцев на ногах и постепенно поднимаясь дальше – к икрам, подколенным впадинкам, бедрам... Я наблюдала за этой сценой, снова усевшись в кресло. Прислужник, стоя позади меня, тоже смотрел на них и при этом ласкал себя (что тоже было ему дозволено). Хотя он и стоял в тени, я различала его движения в зеркале. Когда я спросила горничную, хорошо ли Себастьян выполняет свою работу, она ответила, что да. Потом она вернулась ко мне и села справа от меня на подушки. Тогда я велела прислужнику встать на колени у моих ног, рядом с низкой скамеечкой, на которой стояла миска с яйцами и хрустальный бокал, а Себастьяну – в свою очередь, прислониться спиной к зеркалу и скрестить руки на груди.

– Он на вас смотрел?

– Да.

– Он умолял вас бросать в него яйца?

– Он ничего не говорил. Этот мальчик вообще не разговаривал.

Потом мой прислужник разбил яйцо, вылил его в хрустальный бокал и протянул мне. Я взяла бокал и, размахнувшись, выплеснула яйцо на напряженное тело Себастьяна. Второе яйцо попало в зеркало, третье – снова в него, и снова в зеркало, и снова в него, но на этот раз более точно, и медленно стекло по всему телу вниз.

– *Это происходило в тишине?*

– Да, пластинка остановилась, и были слышны лишь сухой хруст яичной скорлупы и приглушенные шлепки яиц, попадавших в зеркало или в тело. Я вошла в раж, и звук разбитого стекла показался мне естественным продолжением остальных; поэтому я одним ударом разбила бокал. Затем с осколками в руках подошла к Себастьяну – так близко, что почти могла ощутить стук его сердца. Наши глаза встретились... На его лице не дрогнул ни один мускул, он не издал ни звука. Моя жертва была на все согласна. Тогда я продолжила: хрустальным осколком начертила крест на его левой груди. И долго зализывала этот восхитительный порез.

Слов почти не было. Говорила только я, и то лишь иногда. Но так или иначе, мои зрители испугались: все же я была слишком напряжена. И эти осколки у меня в руке тоже внушали страх. Возникло то немое оцепенение, когда боятся того, что сейчас произойдет. На следующий день моя подруга мне призналась, что слегка встревожилась, увидев меня в таком состоянии. Но тогда она ничего не сказала. Я действительно была как в трансе. Я немного отступила назад, чтобы получше рассмотреть картину. Это и в самом деле... было похоже на живую картину. На какой-то момент все застыло в неподвижности. Лишь в отблесках свечей по зеркальной поверхности и по коже Себастьяна медленно стекали клейкие струи, а в той части зеркала, которая осталась чистой, слегка подрагивали наши молчаливые отражения – в глубине, полускрытые темнотой.

Я приказала Северену собрать кончиками пальцев немного той жидкости, которая выступила из члена Себастьяна-мученика, и смазать ею мои губы.

Когда это было сделано, я спросила свою горничную, хочет ли она, чтобы этот мужчина удовлетворил ее такой, как есть, перепачканный, прямо здесь, на полу, или

же она предпочитает, чтобы он был вымыт и надушен. Она ответила, что он ее больше устраивает вымытый и надушенный. Тогда я отправила прислужника наполнить горячую ванну. Мученик был приведен в тот вид, какого желала моя подруга, а потом отведен к постели со свежими простынями, где они занялись любовью у меня на глазах. Они были очень красивы, особенно он. Такой... умиротворенный. Словно на него снизошла благодать. Она тоже это заметила – так она сказала мне позже.

Пока они занимались любовью, прислужника в спальне не было. Он мыл пол и приводил все в порядок в соседней комнате. Потом я позвала его, чтобы он принес нам шампанского. Ему тоже было позволено с нами выпить. В подобных церемониях я продумываю не только основную часть, но и завершение. Нужно уметь поставить заключительную точку. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы все закончилось разговорами, болтовней. Нужно четко разделить действие на начало, середину и конец. Выпив шампанского, я попросила мою подругу об одолжении – уехать вместе с Себастьяном и снова, как и по дороге сюда, хранить молчание.

Я осталась одна с Севереном. Последняя сцена тоже была частью церемониала: я стояла и смотрела, как он приводит все в порядок. К этому моменту я была уже в сапогах.

– *Обнаженная?*

– Нет. Впрочем, я никогда не обнажаюсь. Точнее сказать, никогда не показываюсь обнаженной. Никогда. Это вопрос этики... Прислужник тоже был одет. Должна сказать, я была достаточно жестока: я опрокинула... Я заставила его проделывать одну и ту же работу дважды.

– *Что вы опрокинули?*

– Ведро с горячей водой: он только что вымыл пол. Потом я потребовала у него заняться моим телом...

– *Так значит, он вам больше нравился?*

– Нет. Но я решила: пусть в этот вечер будет так. Он имел право на награду. Он нам прислуживал. Какое-то время он оставался в одиночестве, отстраненный от нашего действия...

Осмотрев результаты его работы и убедившись, что она выполнена на совесть и никто не сможет догадаться, что здесь происходило, я попросила его отвезти меня домой.

– *Было ли какое-то продолжение у мученичества Себастьяна?*

– Да, эта сцена произвела на меня настолько сильное впечатление, что мне захотелось пережить ее снова, но не в точности так же, поскольку я знала, что в этом случае получу лишь выцветшую копию, ощущение вторичности, слабый отзвук. Я хотела вариации на ту же тему. Да, именно так... если взять музыкальную метафору... «вариации на тему». И из множества возможных вариаций я выбрала «женскую» – теперь женщина должна была быть главным действующим лицом, живой статуей, мученицей.

– *А вы не боялись, что в результате получится «дубликат»?*

– Мой очередной проект это и предполагал: прежний ритуал с новыми участниками. Именно это я и хотела сказать, воспользовавшись музыкальным термином «вариации». Я могла бы также поговорить о «повторах и различиях», «сочетании прежнего и нового», о том, как «повернуть картинку», чтобы взглянуть на нее под другим углом... Я очень хорошо понимаю тех, кто, просмотрев в книге несколько отрывков по диагонали, думают, что все это дежа-вю и что снова возвращаться к тем же самым причудам какого бы то ни было характера – пустая трата

времени. Даже если предположить, что в первый раз они проявят заинтересованность и любопытство, они вполне могут сказать: «Один раз это годится, а два – уже слишком...» Они скажут, что это «похоже». Ну конечно! Но я бы на это ответила, если бы не боялась вызвать возмущение, что точно так же и все концерты Моцарта «похожи»! Разумеется, я отдаю себе отчет в том, что все эти игры в «повторы и различия» – «от головы», тем более когда используются в необычных занятиях, где вкус к «нечистому» смешивается с пристрастием к эстетическому оформлению.

– Вернемся к мученичеству Себастьяна в новом исполнении. Итак, вы решили сделать «женскую» версию...

– Да: сделать женщину главной героиней действия, живой статуей, мученицей... Об этом я уже говорила. Чтобы усилить впечатление повторного открытия, мне требовались и другие участники: новый «прислужник» и двое «собственников», мужчина и женщина, которые стояли бы по бокам от меня. Только Себастьян, «прекрасный раб», был приглашен во второй раз. Но, в отличие от участников, место и обстановка должны были остаться прежними.

Итак, в назначенный день я снова приехала одна в ту же самую большую квартиру, пустынную и молчаливую. Я снова увидела ту же комнату без мебели с голым полом, те же стены, без всяких украшений, если не считать низких деревянных панелей, выкрашенных в темный цвет, и огромного зеркала от пола до потолка. Прислужник прибыл вскоре после меня, как мы и договаривались. Раньше ему не приходилось выступать в таком амплуа. Я знала, что он не новичок в подобных делах, но в этот вечер решила ограничить его скромной ролью, по которой, во всяком случае, можно было бы судить с большей определенностью, достоин ли он со временем войти в круг посвященных. Его задача (сделать обстановку

в точности такой же, как и в прошлый раз) с самого начала облегчалась тем, что мне здесь все было уже знакомо. Моя склонность к ритуалам требовала, чтобы использовались те же самые предметы, точно так же расположенные; поэтому не было никакой причины менять свои прошлые распоряжения: вымыть пол, очистить зеркало, поставить напротив него, метрах в трех, кресло для распорядительницы, разложить на полу подушки, поставить сбоку от кресла низкую скамеечку, на нее – миску с яйцами, хрустальный бокал и т. д.

Поскольку мне не требовалось «репетировать» мои действия на прислужнике – я их уже знала – то я ограничилась лишь тем, что, прислонившись к стене, наблюдала за его работой и оценивала результаты. Но время от времени я выходила из неподвижного состояния – в написанной им хронике этого вечера, которую он прислал мне несколькими днями позже, были следующие слова: «В ожидании других приглашенных она уделила немного внимания мне: она попросила меня поцеловать ее... очень нежно... потом вдруг сильно укусила меня в губы... Она делает это еще множество раз за вечер, чередуя великую нежность и боль, находя удовольствие в том, чтобы предупредить меня заранее («Сейчас я тебя укушу...», «Сейчас я дам тебе пощечину...»), чтобы я знал, что должен подчиниться». (Замечу кстати: я уверена, что не называла его на «ты»!)

Когда все было готово, я ушла, чтобы переодеться в костюм распорядительницы действия, который уже описывала (длинное черное платье из переливчатого шелка с открытыми плечами, длинные черные шелковые перчатки до самых подмышек, туфли на каблуках-шпильках, ожерелье и серьги из черного янтаря). Нет смысла к этому возвращаться... Прислужник, увидев меня, сказал: «Вы прекрасны...», и я велела ему налить мне виски. Как я уже говорила, что все действия и их последовательность должны быть расписаны поминутно.

Когда я открыла дверь, молодая женщина неподвижно стояла на лестничной площадке. На ней, как мы и договорились, была черная полумаска, прорези в которой были затянуты прозрачной тканью с блестками. Я взяла ее за руку, чтобы провести по квартире, в которой она прежде не была. Женщина была, как почти всегда, искусно задрапирована в какие-то восточные одеяния красных оттенков. Но это не имело значения, поскольку я почти сразу же раздела ее и оставила стоящей на коленях на полу «подсобной» комнаты. Я объяснила ей, что так она должна будет стоять, не шевелясь и не пытаясь ничего увидеть, до того момента, пока не придут остальные приглашенные (число и состав которых были ей неизвестны). Также ей было запрещено разговаривать на протяжении всего вечера, если только кто-то из присутствующих не обратится к ней с вопросом. Затем я в шутку опутала ее тонкой сетью, которую нашла здесь в кладовке. Ячейки сети были крупными, так что все тело оставалось на виду, а соски выглядывали наружу. Разумеется, я воспользовалась случаем, чтобы немного поласкать их. Ей не пришлось долго страдать от неудобной позы, поскольку остальные участники прибыли вскоре, в назначенное время. Оставалось лишь послать моего прислужника за Себастьяном в соседнее кафе, где он по уговору должен был находиться. Ему тоже было приказано появиться в черной полумаске с затянутыми легкой тканью прорезями – не для того, чтобы он не смог увидеть обстановку (уже знакомую), но чтобы не смог разглядеть других партнеров.

– Он что-нибудь знал о том, что должно было произойти?

– И да и нет. Я не люблю ничего рассказывать заранее: рассказать – значит уже отчасти сделать, а после этого желание сделать что-то в реальности заметно убывает. Себастьян, конечно же, не отважился расспрашивать меня напрямую (да и как посмел бы «раб» задавать

вопросы?), но он явно пытался обходными путями получить... скажем так, хоть какие-то крохи в пищу своему воображению; я сказала ему одно: что будет присутствовать молодая женщина. Я знала, что быть привязанным к женщине – это один из его фантазмов (слово очень расхожее, но довольно удобное...). Он также догадался, что я буду вновь использовать яйца, поскольку я неосторожно употребила выражение «вариация на прежнюю тему». Тогда это стало очевидным...

Его я тоже отвела в отдельную комнату – третью, где оставила стоять на коленях с завязанными глазами в ожидании своего выхода на сцену. Это была самая дальняя комната, и оттуда было не слышно – или едва слышно, – что происходит в остальных. Он вскоре почувствовал себя исключенным из игры; по крайней мере, так он написал мне позже...

– Вы потребовали от него, чтобы он написал вам письмо?

– Я требую только того, что наверняка могу получить! Но я и в самом деле люблю получать подобные «хроники». Идеальный вариант – когда каждый участник пишет свою собственную версию происходящего. Насколько же отличается один рассказ от другого! Конечно, наиболее яркие моменты являются ключевыми в каждом описании, но порой бывают удивительные и показательные упущения – или, напротив, явно незначительные и мимолетные события заставляют сердца биться сильнее и приобретают преувеличенную важность по отношению к остальным. Кстати, Северен, Себастьян и моя горничная, разумеется, почувствовали бы значительную разницу между тем, что пережили они сами, и тем, что я вам рассказываю. Именно это и интересно – разные точки зрения. Возможно, стоило бы опубликовать их рассказы в качестве приложений к моему.

– Итак, все участники собрались?

– Да, теперь все актеры были на месте. Но от первых сцен в моей памяти остались лишь отрывочные воспоминания: новые приглашенные, мужчина и женщина (назовем их для простоты Н. и F.) возле обнаженной девушки... сеть на ее нежной горячей матовой коже... едва заметные следы на каждом плече от букв L и A – очень тонкие белые линии на фоне загара... ее напряженная грудь, когда они начали ласкать ее соски... прерывистые вздохи... несколько отданных ей приказов – например, подняться и пойти (с нашей помощью, поскольку она почти ничего не видела) в комнату, подготовленную для церемонии. Потом я на короткий миг приподняла ее маску, чтобы она увидела огромное зеркало, возле которого ее поставили. Ей было велено встать на колени, лицом к нам и спиной к зеркалу, скрестить руки на груди, наклониться вперед так, чтобы плечи коснулись пола, и раздвинуть бедра – такая приглашающая поза была одновременно прекрасна и бесстыдна, поскольку в зеркальном отражении ее влагилице оказалось на переднем плане. Мы сказали ей, что в этой позе она очаровательна и должна сохранять ее, пока нам не надоест...

– Почему вы замолчали?

– Не знаю... Я опять не могу точно вспомнить... Когда я описывала вам эту картину, я «увидела», что тело девушки больше не было опутано сетью. Но когда я ее сняла? Не помню... Затем я пошла в ту комнату, где Себастьян ждал, когда наконец соизволят заняться им. Должно быть, я велела ему раздеться, потому что он стоял на коленях, обнаженный, с завязанными глазами, в той комнате, где прежде находилась девушка. Повинуясь моему жесту, прислужник подошел к нему и принялся целовать, едва прикасаясь губами – как я и приказала это делать.

Потом мы в свою очередь приблизились, в полном молчании. Наши ласки добавились к ласкам прислужника – анонимные и не связанные с сексуальными помыслами в этой прекрасной голове. Я начала царапать ему соски своими острыми ногтями, и он моментально возбуждился. Было само по себе возбуждающе удостовериться в том, что он полностью доведен до кондиции, коснувшись кончиком пальца, если можно так выразиться, живого тому подтверждения. Время от времени кто-то из нас выходил в соседнюю комнату, чтобы убедиться, что молодая женщина (мне все время хотелось назвать ее Юдифью или Саломеей) все еще остается в той позе, которую ей предписали.

– Но, кажется, вы говорили о «связывании»?

– Да, я как раз собираюсь к этому перейти... Эту картину можно было бы назвать «Связанные рабы». Итак, мы перешли в «ритуальную» комнату и заняли позиции, о которых договорились заранее. Вы помните: лицом к зеркалу, мои помощники – по бокам от меня, прислужник – слева, возле скамеечки.

Девушка наконец поднялась, Себастьян стоял перед нами. Я объявила им, что их сейчас свяжут спиной к спине, так, чтобы они не могли друг друга видеть, с помощью ремней и цепей, за руки, запястья, бедра и лодыжки, что потом их будут хлестать кнутом – просто так, без всякого повода, ради удовольствия моего и моих друзей (и для их собственного тоже, но этого я не сказала).

– Они были одного роста? Какие у них были лица?

– Они оба были высокими, она, правда, немного пониже, но это не создавало проблем, поскольку на ней остались туфли на высоких каблуках, так что она оказалась вровень с ним, и их неподвижные тела соединились друг с другом, как нужно. Их поставили напротив зеркала,

одним боком к нему, другим – к зрителям. Я дала Н. кожаную плетку, и он тут же начал хлестать ею девушку. Она не сопротивлялась, но ее инстинктивные подергивания натягивали путы и заставляли Себастьяна пошатываться – из-за этого они оба могли потерять равновесие. Я начала хлестать его лишь тогда, когда увидела, что дрожь и стоны девушки настолько его распалили, что он и сам начал стонать. Чем сильнее я хлестала его – по груди, животу, бедрам, – тем громче он стонал; казалось бы, это должно было заставить меня хлестать с еще большей яростью, но нет: я остановилась. Обернувшись, я увидела, что Ф. привязала прислужника к трубе отопления в темном углу и мучает его, глядя на нас.

– Вы так и не ответили на мой вопрос по поводу их внешности.

– Возможно, потому, что эта пара настолько соответствовала стереотипу, что это было почти помехой! Девушка-брюнетка и юноша-блондин – ну прямо фотография на обложку глянцевого журнала! Но, в сущности, зачем пытаться избежать этих штампов? Почему бы не признать, что именно это я и хотела увидеть: ожившее клише?.. Брюнетка и блондин, оба красивые – но это, конечно, вам ни о чем не говорит. Поскольку вы хотите, чтобы я сказала что-то особенное о них, слушайте: у нее был четкий профиль, горделивая осанка, стройная фигура, черные волосы, золотистая кожа, черные глаза; сравнения, которые приходит мне на ум: «египетская богиня», «восточная принцесса», или, если хотите, «Саломея» Гюстава Моро. Что до него, у него, напротив, были голубые глаза и белокурые волосы, как у потомка выходцев с Севера, а тонкими чертами лица он напоминал архангела с картин префаэлитов. Ну, теперь вы довольны?

Здесь у меня снова провал в памяти. Что мне вспоминается после – рабы уже развязаны, Себастьян стоит

позади моего кресла, а девушка шепотом просит, чтобы ей показали, где туалет. Разумеется, мы захотели, чтобы она помочилась прямо тут же, на прислужника.

– Как был одет прислужник?

– Ничего не могу об этом сказать. Но ничего особенного на нем не было, насколько я помню. Во всяком случае, он точно был одет, потому что как раз в тот момент я заставила его раздеться и вытянуться плашмя на полу, лицом к зеркалу. Несколько мгновений Саломея, прямая и неподвижная, раздвинув ноги, орошала прислужника обильным потоком, который изливался на его спину и ягодицы, а затем стекал на пол, образуя все растущую лужицу. Мы молча смотрели на нее: был слышен только шорох льющейся струи. Когда она стала иссякать, Ф. опустилась на колени рядом с прислужником и раздвинула ему ягодицы, куда стала стекать моча. Потом я велела ему перевернуться, приподняться и вылизать влагалище женщины, которая продолжала неподвижно стоять над ним, раздвинув ноги, с высоко поднятой головой. Так он и сделал. Он бы сделал это и без всякого приказа. Скорее даже потому, что ей, кажется, это доставляло удовольствие.

– Почему вы сказали «кажется»?

– Как можно быть уверенным в том, что женщина испытывает удовольствие? Есть некоторые признаки, по которым можно это предположить, но не более того. Девушка, о которой идет речь, начала слегка извиваться, сгибая колени, запрокинув голову, приоткрыв рот и прерывисто дыша. Ей в какой-то степени были присущи нарциссизм и склонность выставлять себя напоказ, так что сама эта публичность доставляла ей удовольствие и доводила его до высшей степени, «акме» (это очень литературное, устаревшее слово, но оно мне нравится). Я больше ничего не могу сказать на эту тему, кроме одного:

на следующий день она заверила меня, что испытала удовольствие, но я могу судить об этом только с ее слов. На тот момент зрелище было само по себе таким захватывающим, что ни я, ни остальные об этом не думали.

Дальше речь пойдет о главной сцене – о той сцене мученичества Себастьяна, которую я вам уже описывала, но на сей раз воспроизведенной с участием женщины. Почему женщины? Потому что это показалось мне эротичным, эстетичным – такая очевидная подмена... даже слишком очевидная... потому что физическую любовь я испытывала и к женщинам... потому что один из приглашенных, Н., явно предпочитал их мужчинам... потому что и сама Саломея пожелала быть участницей этой мизансцены...

Как и в первый раз, я велела «мученице» прислониться спиной к зеркалу и скрестить руки на груди. Эта жертва была гораздо более хрупкой и грациозной – ее нога была слегка отставлена, голова склонена набок – такую прелестную позу она приняла инстинктивно, так что мне даже не потребовалось давать ей указания. Только тогда я сняла с нее полумаску, которая была на ней с начала вечера, и возложила ей на голову терновый венец.

Мои помощники в отправлении ритуала уже заняли свои почетные места. Действия, которые последовали за этим, вы уже знаете: прислужник разбил яйцо в стакане, а я стоя выплеснула его на грудь девушки, где оно растеклось многоконечной звездой. Второе яйцо попало в зеркало, третье – в живот девушки; потом я передала бокал F, которая, наклонившись ко мне, спросила, может ли она швырнуть яйцом в лицо «мученицы». Я ответила, что нет. Я хотела, чтобы ее лицо осталось ясным и чистым, как на изображениях святых, которых подвергают жесточайшим пыткам. Последнее яйцо бросил Н.

Вопреки моему изначальному намерению, я внезапно захотела перепачкать яйцами и Себастьяна, который

стоял тут же, позади меня, сжимая в зубах цепочку, на которой висел мой кнут. Я взяла у него кнут, сняла с глаз повязку и велела встать на колени, держа руки за спиной, лицом к нам, между ног Саломеи. Когда он встал таким образом, его лицо оказалось скрытым за ее лобком. Он в свою очередь подвергся «казни», осуществленной тем же образом, по прежнему церемониалу.

Потом все разом остановилось. Теперь нужно было смотреть. Наши мученики стояли не шевелясь. Тонкие волокна клейкой блестящей слизи медленно стекали по животу и бедрам Саломеи, скапливаясь на завитках лобковых волос, затем падали на плечи Себастьяна, стекали по его телу, постепенно достигали члена и наконец попадали на пол, где мало-помалу образовывали небольшую лужицу.

Великолепно... да, это выглядело великолепно... И все это время наши отражения были видны в тусклом зеркале – там, где их не скрывали молочно-белые разводы... Глядя на эту картину, я испытывала те же ощущения, что и в прошлый раз. Чтобы не отступать от принципов, мне бы стоило закончить ритуал сейчас, но страсть толкала меня к продолжению.

– Почему нужно было закончить его сейчас?

– Потому что мой изначальный проект состоял только в том, чтобы воспроизвести прежнюю сцену с участием женщины. Осуществив свой замысел, на этом, в принципе, и следовало остановиться. Но необходимость соблюдения распорядка была резко опрокинута представшей передо мной очевидностью: нужно продолжать.

Я подошла к зеркалу, не обращая внимания на яичные лужи, в которых испачкала туфли, сняла с головы девушки терновый венец и надела его на голову прислужника – так вешают на крючок предмет гардероба, в котором больше нет необходимости.

Потом я приказала обоим мученикам обняться и начать медленно тереться друг о друга, чтобы их тела склеились. Для большей уверенности в том, что на их коже не останется ни единого участка, не покрытого белковой слизью, я поместила между ними яйцо (на сей раз целое, в скорлупе), чтобы они раздавили его, теснее прижавшись друг к другу. Но яйцо выскользнуло и разбилось, упав на пол. Тогда я взяла еще одно. Е., стоявшая рядом со мной, разбила яйцо о лоб прислужника; в своем съехавшем набок терновом венце, с лицом, по которому стекали клейкие потеки, он казался опошленной иллюстрацией к изречению «*Ecce homo*».

Но пора было переходить к следующему действию, не затягивая ожидания. Я решила, что обе жертвы займутся любовью у нас на глазах, лежа на полу у наших ног. Нужно было, чтобы это произошло прямо сейчас, немедленно.

Тут я уловила, что Саломея прошептала что-то на ухо Себастьяну. Я пришла в ужас от этого тайного сговора, затеянного без моего позволения. Жаль, что под рукой у меня не было кляпа! Но зато был кнут; не произнеся ни малейшего замечания, я несколько раз с силой хлестнула ее, чтобы напомнить, что разговаривать ей запрещено.

– И потом они занялись любовью?

– Да, они занялись любовью на испачканном полу, среди клейких луж и яичной скорлупы, хрустевшей под тяжестью их тел, которые скользили друг о друга под аккомпанемент хлюпающих и хлопающих звуков – это было похоже на плеск водоворотов или морских волн, когда они заливают углубления в скалах.

Волосы Саломеи перепачкались и мало-помалу слиплись в застывшие пряди, пока она перекатывала голову туда-сюда в дрожащем свете свечей. И надо всем этим в темном зеркале стояли наши отражения, раздробленные и молчаливые...

Потом любовники закричали.

После этого все замерло на несколько секунд – или, возможно, на несколько минут. Было слышно лишь потрескивание свечей и наше дыхание. Музыка смолкла уже давно. Никто этого даже не заметил.

– На этом церемония закончилась?

– Нет. Н. потребовал от Саломеи орального удовольствия. Усевшись в мое кресло, он заставил ее встать перед ним на колени – ее тело все еще было покрыто желтыми разводами, которые, местами высохнув, образовали тонкую блестящую пленку, – взять его член в рот и довести его до оргазма.

– Это пристрастие к яйцам немного странно...

– Знаете, для меня в этом не было ничего странного... во всяком случае, не до такой степени, как для вас... Мне вспоминается фраза Себастьяна: «Жаль, что они так быстро высыхают!» Так что судите сами... От себя я еще добавлю: жаль, что у них нет никакого запаха, ни хорошего, ни плохого.

Возвращаясь к вашей мысли, могу сказать: чужие пристрастия, которых мы не разделяем, всегда кажутся нам странными! Когда вы осторожно разбиваете яйцо на ровной поверхности, оно абсолютно гладкое, абсолютно круглое. Но есть удовольствие, может быть, странное, в том, чтобы резко разбить его – и оно разлетается вдребезги, а потом стекает вниз клейкой тягучей массой... По сути, это чувственное удовольствие...

Кстати, как получилось, что вы еще не заговорили со мной о Жорже Батае – на него непременно нужно было сослаться, коль скоро речь зашла об использовании яиц в эротических целях? Правда, я вспомнила эпизод из «Нарастающего удовольствия», который, в некотором роде, был данью уважения Батаю...

– *Вот именно... Вернемся к мученичеству Себастьяна...*

– Я вдруг поняла, что уже слишком поздно. Из-за всех этих «отступлений» церемония оказалась более долгой, чем я предполагала (впрочем, прислужник написал в своей хронике: «все это действие, такое долгое, такое прекрасное...»). Мне пришлось ускорить то, что, как я уже говорила, для меня также является частью церемонии: принятие ванны, наведение порядка, отъезд... На какое-то мгновение я ощутила нечто вроде неудовлетворенности... Но ничего особенно страшного в этом не было.

– *Ваши воспоминания о второй вечеринке показались мне более бессвязными...*

– Да, это правда. Первая вечеринка была более линейна. Все было продумано в точности. Я точно знала, чего я хочу. Участников было меньше. Я была единственной распорядительницей действия, ничто не могло мне помешать... Не было никаких непредвиденных обстоятельств... Поскольку, кроме того, я несколько дней спустя написала об этом рассказ для моего мужа, тогда находившегося за границей, я сохранила обо всем очень четкое воспоминание. Отсюда и ваше замечание по поводу «безупречной памяти».

Вторая вечеринка была более богата событиями. Мизансцена с самого начала была более сложной, поскольку участников было больше. Приглашая двух «хозяев», я тем самым создавала некую «непредсказуемость»: возможность параллельных, синхронных сцен, коротких неожиданных импровизаций, которые временами мне мешали (я рассказала не обо всех).

Получилось следующее: изобилие «событий» и тот факт, что они произошли позже, благодаря вам и тому, что я опиралась в своих воспоминаниях на «хронику» прислужника и письмо Себастьяна, помогли мне восстановить в памяти вторую вечеринку в целом. Этим же

объясняется ощущение многочисленных «провалов», возникающих по ходу повествования и сменяющихся долгими или краткими периодами, запомнившимися, как правило, очень четко – однако, словно в противовес, связь между ними едва прослеживается или вовсе отсутствует.

Вот и все. Мне бы хотелось... я знаю, что это всего лишь иллюзия... но мне бы все же хотелось, чтобы участники этого действия, особенно Себастьян, при чтении моего рассказа не подумали (по крайней мере, не слишком укоренились в этой мысли), как герой «Navire Night»¹, Ж.М., «молодой человек с гобеленов», читающий первое издание Маргерит Дюрас: «Все правда, но я ничего не узнаю».

– Вы продолжили ваши развлечения с яйцами и зеркалами?

– Нет, я никогда больше не воссоздавала подобную обстановку. Даже не возвращалась в ту квартиру. Окончательно ли это решение? Не знаю. Но на данный момент я могу сказать вам одно: с «мученичеством Себастьяна» покончено.

¹ «Корабль “Ночь”» – фильм Маргерит Дюрас (1978), сценарий опубликован в 1979 г.

РАЗМЫШЛЕНИЯ 2

Я люблю черный бархат, потускневшие золотые украшения, темно-красные оттенки в слабом мерцании свечей и аромате благовоний; я люблю прихотливые изгибы для вычурных ласк, витиеватую роскошь, плавные движения, медленно замирающие на грани неподвижности, смертельно ядовитые взгляды, белые руки с накрашенными ногтями, прекрасных Иродиад в старинных украшениях, нежащихся на муаровых покрывалах, усыпленных пагубными испарениями своих слишком тяжелых духов... Но на самом деле они не спят – их ресницы лишь полуопущены, и вот расслабленные руки резко взмывают вверх, и пальцы нежно впиваются в гладкую кожу рабов. Накрашенные ногти ищут впадинку на шее, у основания затылка, расстегнутые броши превращаются в ожившие жала, которые язвят тех, кто отважился прийти сюда в поисках унижения, чрезмерности, где удивительным образом грязь и нечистоты желанны им как многочисленные испытания на пути к высшей непорочности, которая влечет их по бесконечной спирали, возносит их, и нас вместе с ними, к горизонтам, скрытым из вида, всегда скрытым из вида – вплоть до полного истощения.

Вплоть до полного истощения... Потом все снова успокаивается.

Тяжелые ароматы духов... Смертельно ядовитые взгляды... Прекрасные Иродиады, нежащиеся на муаровых покрывалах... И это «здесь», которого вы не уточняете, конечно же – «богатые покои» или какой-то «одиноким замок»?

И вот сразу возникает раздражающая проблема условности, клише, от которых было бы желательно избавиться в пользу оригинальности, куда более интересной!

Если посмотреть на это чуть ближе, упрек в условности часто происходит из требований, по меньшей мере подозрительных, и определение «клише» служит не столько (скажем так) разоблачению условного, сколько обозначению того, что смущает или оставляет равнодушным; в этом смысле «клише», как негатив фотографии – это чужие эротические фантазии.

После этого различие представляется мне необоснованным: клише, по сути, присутствует везде и во всем. Сражение проиграно заранее. Даже скрытое под слоем свежих красок, клише все равно проступает из-под них, как ни старайся. Оно живет в каждом из нас – в вас, как и во мне, во мне, как и во всех остальных. Эротическое воображение смеется над оригинальностью. Лучше уж это признать...

Обреченная на столкновение с неотвязными клише, я захотела оживить их, воплотить в реальность, подвластную страху и случайностям, и, постоянно балансируя на лезвии бритвы, подвергнуть их испытанию, пусть даже придется их увидеть – с риском впасть в отчаяние.

Оживить их... заставить жить... Единственная возможная оригинальность заключалась, возможно, в следующем: пересмотреть их.

Речь здесь идет не о вымыслах, даже если мои «вечеринки фантазмов» заимствовали свои сюжеты в традиционной галерее садомазохистских образов с привычным арсеналом кнутов, цепей и т. д.

Видимость ритуала, иллюзия священнодействия – вот что должно присутствовать; меня всегда интересует «театральность», весьма далекая от более шокирующего (но столь же условного) эротизма городских улиц, каменных джунглей, ритмичных неоновых вспышек, шороха шин по влажному асфальту, резких автомобильных гудков – эротизма, где роскошные самцы с напряженными членами дробят, не отрывая глаз от залитых мочой

джинсов юных мотоциклистов с ясными глазами, стоящих, прислонясь к стене и раздвинув ноги, в вонючих закоулках переходов наземного метро, возле Барбе или в другом месте, в слабом свете тусклых уличных фонарей, в липкой ночной духоте и грохоте железных рельсов, бескончаемо тянущихся у них над головой... Хотя это всего лишь пример, ибо «грязные развлечения» в их неприкрытой наготе я порой практикую точно так же, и они восхищают меня не меньше. Но здесь мое намерение другое: говоря начистоту, это можно было бы назвать «приукрашиванием».

Я выбрала для описания несколько показательных церемоний, взятых из более обширного репертуара, который часто сводится к ритуализированным мизансценам, где неподвижность, молчание, зрительные игры (маски, зеркала, освещение), установление дистанции наводят на мысль не столько об оргии, сколько о живой картине, даже если не сводятся лишь к ней одной. Хотя ритуал любит повторение, эти мизансцены каждый раз готовят новые сюрпризы мне и моим друзьям – пусть это касается лишь вариаций, нового актерского состава или распределения ролей. Они никогда не должны повторяться в точности – иначе наступит разочарование. Никогда.

Есть ли сексуальность во всем этом? Да, она постоянно присутствует в центре всего, но как бы отстраненно, в перспективе... Разумеется.

СЕНА

Сегодня вечером или никогда... Мое решение окончательно.

Ночи в Париже редко бывают жаркими; даже в разгар лета к вечеру сгущаются тучи, и после грозы становится прохладно – слишком прохладно, чтобы спускаться к воде, бродя по набережным Сены. Тем больше причин не отказываться от долгих прогулок в эти непривычно мягкие ночи, наступающие с недавних пор следом за днями каникул. Уже вчера, когда мы с другом совершали ночную прогулку, казавшуюся бесконечной, я незаметно направила наш маршрут к той части набережной, вблизи Лувра, куда всегда с удовольствием прихожу, чтобы ощутить незаметное, но неизменное узнавание здешних мест.

Ничего не изменилось. Кольцо по-прежнему было здесь – огромное швартовое кольцо, вделанное в каменную стену на высоте человеческого роста. Я никогда не видела, чтобы оно использовалось – ни для того, чтобы удерживать канат баржи, ни для чего-либо другого. Но откуда тогда глубокая выемка в камне, прямо под ним?..

Проснувшись, я позвонила Пьеру. Он приехал в Париж на каникулы, без особых планов. Я попросила его уделить мне сегодняшний вечер (не вдаваясь в подробности). Что касается Лилиан, которую мне так или иначе нужно было повидать, то изменить время встречи не составило никаких проблем.

Пьер свободен... Небо неомрачимо голубое... Все шансы на моей стороне.

Итак, сегодня вечером...

В назначенный час Пьер заехал за мной на машине, чтобы отвезти меня к себе на Монмартр. Должно быть,

дом был построен на крутом склоне холма, поскольку, чтобы добраться до квартиры его родителей, которая была «первой с улицы» и в то же время «третьей со двора», нужно было, войдя в подъезд, спуститься на один этаж вниз.

Его комната была такой же, как у любого студента его возраста: книги, хорошая стереосистема, груды кассет и пластинок и прочее в том же роде, за исключением лишь пепельницы, набитой окурками: он не курил.

Его одежда меня не устраивала, и я выбрала в его гардеробе светло-синюю рубашку, синие, но более темные брюки и сиреневый кожаный ремень.

Он разделся с быстротой и восхитительной ловкостью. Из любопытства я оттянула резинку его трусов. Кожа под тканью была гораздо более светлой. Я сказала: «О, да вы загорели!» Он ответил, смеясь: «Ну, если ты негр, то и загорать не нужно!» Ошеломляющее открытие.

Когда он был готов, мы снова сели в машину и поехали к Сене.

По дороге я вдруг заметила, что боковое наружное зеркальце покрыто трещинами, чей узор напоминает многоконечную звезду, и в него невозможно ничего разглядеть.

Оказалось, что два дня назад он остановил машину в одной из боковых аллей Булонского леса и при свете лампы внутри салона стал искать что-то в бардачке, когда вдруг выстрел, прогремевший совсем близко, заставил его подскочить. В следующее мгновение он увидел, что наружное зеркальце покрыто трещинами, расходящимися от отчетливо заметного следа пули. Должно быть, стреляли из автомобиля, который только что проехал мимо его собственного. Не заметил ли он номера? Нет, автомобиль быстро скрылся за поворотом, к тому же наступили сумерки, и под деревьями было уже совсем темно. Из-за чего могло произойти нападение? Он этого не знал.

Может быть, расистская выходка? Он сразу же отверг эту идею – «за отсутствием доказательств», как всегда. Меня заинтриговала его способность рассуждать вопреки общему мнению. Я решила как-нибудь при случае снова к этому вернуться.

Уже совсем стемнело, когда мы припарковались у тротуара, идущего вдоль садов Тюильри. Потом спустились по крутой прямой лестнице, ведущей на набережную. Лилиан ждала, сидя на ступеньке. Я обогнула ее, ничего не говоря. Не думаю, что Пьер заметил, как мы обменялись взглядами. Тонкие каблуки мешали мне идти по старинной неровной брусчатке. Но нужно было пройти всего несколько метров, чтобы оказаться рядом с кольцом, вделанным в стену. Здесь я вырвала у Пьера маленькую сумку и бросила ее на землю, а потом связала ему руки за спиной тонким шнурком, который вытащила из кармана – шелковым шнурком, найденным мною однажды в бабушкином шкафу, в ворохе тесьмы и корсетного китового уса. Концы шнурка я крепко привязала к железному кольцу. Все было проделано очень быстро. Никаких лишних жестов, неловких движений... Это занятие было для меня привычным.

Пьер оказался почти вплотную прижатым спиной к стене. Он мог лишь слегка отодвинуться – ровно на длину диаметра кольца, горизонтально нависавшего над ним. Почему бы и не попробовать? Разве, стоя вот так у стены, он не был похож на человека, пришедшего сюда подышать свежим воздухом?

Мимо прошла какая-то женщина, на которую мы не обратили внимания; Лилиан пересела на скамейку, стоявшую немного подальше.

Впрочем, прохожих на набережной было немного, и, скорее всего, они забредали сюда случайно, потому что с первого взгляда было трудно заметить спуск к воде, особенно если не знать о его существовании.

Со стороны города сюда доходил слабый свет, а сверху падали отблески фонарей, мерцающих сквозь листву осин.

Но есть еще, особенно летними вечерами, мощные фары прогулочных катеров, нагруженных туристами, теснящимися на палубах, – катеров, которые медленно скользят по воде, освещая все пространство Сены от одного берега до другого и фасады стоящих вдоль них домов, фронтоны официальных зданий, кроны деревьев, арки мостов, каменные стены, неровную брусчатку набережной, и прямо передо мной – небольшое углубление с тремя ступеньками, спускающимися к самой воде, на которые через равные промежутки времени набегают волны, иногда довольно сильные, с шипением разбивающиеся о камни, словно морской прибой. В какой-то момент плеск становится настолько сильным, что ненадолго заглушает гнусавые звуки громкоговорителей удаляющегося катера.

Этот катер был довольно невзрачный... Я его пропустила.

Зато следующий, который показался вдали между опорами моста, гораздо более внушительный по размерам, был – я сразу поняла – именно тем, что нужно. Величественный, он плыл вниз по течению в нашу сторону. Опоясанный вереницей прожекторов, он заливал потоками света берега и водное пространство, которое дробилось на тысячи сверкающих осколков. Вскоре его уже можно было разглядеть во всех подробностях. Он миновал последний мост. Его застекленный верх бросал перекрестные дрожащие отсветы на ярко освещенный свод. Теперь он неотвратно приближался к нам.

С противоположной стороны на набережной показались четверо молодых людей, направляющихся в нашу сторону. Они шли быстро. Между нами оставалось не больше двадцати метров. Но отступить было поздно: у

меня не было способа освободиться из клетки, в которую я сама себя загнала.

Еще несколько мгновений – и мы оказались в ярком свете прожекторов. Над темной бездной воды, за освещенной рампой, образованной перилами палубы, я различила множество голов, повернутых к нам – пассажиры смотрели, как на набережной хрупкая девушка в белом хлещет кнутом юного негра в расстегнутой рубашке, вжавшегося в каменную стену, которая служит декорацией этой сцены.

Вначале я сжимала ремень двумя руками, и он наносил резкие точные удары по обнаженной коже, обрушиваясь на нее с сильным хлопком. Мальчишка натягивал свои путы, и железное кольцо приподнималось. Он кричал: «Еще сильнее! Вы же можете!..» Мой страх улетучился, и я крепко намотала ремень на руку. Теперь ничто и никто не могло меня удержать, тем более этот негр с безумными глазами. Я была как пьяная... Его взгляд переходил от руки, хлеставшей его, к полному зрительному залу, перед которым он был как на ладони. Зрители, стоя, указывали на нас. Плавающий зрительный зал двигался параллельно берегу, и огни понемногу исчезали. Однако почти сразу же появились новые: приближался следующий катер.

И снова все повторилось: огни рампы, сотни темных силуэтов, неслышные комментарии, зрительный зал, уплывающий по течению реки, вспененная вода... Короткий антракт... и затем, в последний раз, яркие огни, темный партер, заполненный зрителями, неторопливо скользящий по воде, пенный след... и опять все спокойно.

Вернулся прежний мягкий полумрак... Все было кончено... Я остановилась.

Снова был слышен плеск воды и шорох тополиных листьев, сверху доносился городской шум. Стало сыро.

Пьер глубоко вздохнул, словно только что очнувшись. Перед тем, как вернуть ему ремень, я провела шпательком пряжки по его груди, оставив след, который тут же побелел – словно художник, расписавшийся на своем творении. Пока я отвязывала его, группа из четырех молодых людей наконец ушла – это были скандинавы, в шортах и рубашках с короткими рукавами. Только две девушки оглянулись на нас.

Лириан, к которой мы присоединились, усевшись рядом с ней на скамейку (тут Пьер впервые заметил ее), сказала, что они инстинктивно застыли, когда я размахнулась для удара. Она сказала, что двое юношей наблюдали за сценой с начала до конца, облокотившись на парапет над нашими головами. Поднимаясь по лестнице, она добавила, что была «впечатлена», но, конечно, чувствовала бы себя более непринужденно, если бы посторонних не было. Я так и думала; но, во всяком случае, опыт был произведен.

Что до Пьера, у него был совершенно счастливый вид (удивление, публичная провокация, страх – все вместе не могло ему не понравиться. Он молчал (из-за врожденного чувства приличия) до того момента, пока мы не остались наедине в его машине, и там наконец заговорил. Я не ошиблась: он был, что называется, «заведен» (в особенности неожиданной для него идеей о зрителях с прогулочных катеров). Что касается меня, точное совпадение моего замысла с его исполнением дало мне блаженное ощущение полноты жизни.

На следующий день я снова оказалась в том же месте, но теперь как пассажирка самого роскошного из прогулочных катеров, похожего на флагманский корабль. Я села на него у моста Альма вместе с толпой иностранцев. Ночь была звездной. В качестве спутника на этот вечер я пригласила Дидье, юного студента-интеллектуала,

довольно застенчивого. «Это только с вами», – любил он повторять. Я его порядком смущала.

После отплытия мы, как и все остальные, смотрели на проплывающие мимо освещенные памятники, облокотясь о перила и чувствуя, как легкий бриз и свежесть, поднимающаяся от реки, овевают лицо. Я с видом обычной туристки прислушивалась к объяснениям гида на двух языках, доносившимся из громкоговорителя. Потом перестала слушать. Мы приближались к «тому самому месту». Уже совсем скоро мы будем прямо напротив него – как только проплывем под мостом, который в свете прожекторов четко вырисовывался на фоне ночного неба, совсем близко от нас.

Когда катер вышел из-под моста, набережная оказалась у нас перед глазами – на сей раз пустынная. Кольцо по-прежнему было в стене, вросшее в нее на века. Я спросила у Дидье: «Видите кольцо вон там? Мне бы хотелось как-нибудь привязать к нему мужчину... Когда мимо проплывал бы катер, такой как наш, я стала бы изо всех сил хлестать его кнутом... да, изо всех сил... Никакого притворства... Мы оказались бы в свете прожекторов...» Через какое-то время он сказал: «Даже не знаю, как бы я вынес это на публике... все эти люди, которые будут на меня смотреть...»

Я ничего не ответила. Потом вполголоса произнесла: «Все эти люди уже видели...» И только тогда рассказала ему о вчерашнем вечере. И мне казалось, что толпа, стоявшая у меня за спиной, не веря своим глазам, смотрит на берег, на бичуемого чернокожего эфеба, выставленного напоказ в ярком свете, недосягаемого.

КЛЕЙМО

Он будет маленький, совершенно круглый – след сигаретного ожога на груди, в том месте, где сердце. Чтобы никто не счел этот ожог случайным (это противоречило бы самому понятию «клеймо»), он будет помечен тремя моими инициалами. Они будут неизгладимы, запечатлены в плоти – клеймо моего желания.

Клеймо моего желания... желание моего клейма...

Мне хотелось обнародовать это желание, и я попросила Себастьяна написать о нем, чтобы придать ему некую торжественность, сделать свое решение бесповоротным.

За несколько дней до назначенной церемонии я отвела Себастьяна к татуировщику. Для того чтобы попасть в его мастерскую, расположенную недалеко от площади Пигаль, нужно было пройти через две двери, которые образовывали между собой что-то вроде коридора, направляющего поток клиентов к турникету. Пройдя через него по очереди, посетители оказывались в приемной. Но сегодня и в коридоре, и в приемной было пусто. Стоял серый холодный январский день, и, поднимаясь по маленькой узкой улочке, я то и дело оскальзывалась на ледяной поверхности луж – до самого порога мастерской. Татуировщик, стоя в углу мастерской на небольшом возвышении, заканчивал сложную композицию на предплечье молодого человека. У нас едва хватило времени бросить взгляд на образцы татуировок, яркие фотографии которых покрывали стены, – и настала наша очередь. Мастер, обращаясь к Себастьяну, спросил: «Что бы вы хотели?» Я ответила: «Три буквы на груди» – и протянула ему листок бумаги, где они были изображены – нужного вида и размера, простые, без виньеток. Себастьян расстегнул рубашку, обнажая грудь. Я уточнила: «Здесь», указывая на

место сердца. Татуировщик раздраженно сказал: «Позвольте ему самому отвечать, он уже достаточно взрослый, чтобы знать, чего хочет!» Себастьян улыбнулся, и мы оба сделали вид, что ничего не слышали. Мастер начертил на его коже три буквы мягким карандашом. Ему пришлось повозиться с «Б», изображение которой было более сложным и менее разборчивым. Но когда он, завершив работу, отложил свой аппарат и стер ватным тампоном карандашные следы, буквы стали видны совершенно четко – ровные, маленькие, тонкие, твердые – такие, как я и хотела. Процедура длилась всего несколько минут. Потом мастер обернулся ко мне и спросил: «Платите вы, разумеется?» Я ответила: «Разумеется» – и отдала ему довольно скромную сумму, которую он назвал. Это было все.

На улице редкими хлопьями падал снег. В кафе, куда мы зашли выпить чего-нибудь согревающего, Себастьян спросил: «Вы довольны?» Раздвинув пошире края его небрежно застегнутой рубашки, я увидела на светлой коже маленькие черные знаки. Да, я была довольна. Себастьян смотрел на меня, улыбаясь, в то же время боковым зрением наблюдая за окном, в которое все сильнее ударялись гонимые ветром хлопья снега. Там, снаружи, прохожие поднимали воротники. Там, снаружи, становилось холодно.

Надпись была необходима, но сама по себе еще ничего не значила. По зрелом размышлении, это могла быть аббревиатура какого-то девиза, сокращенное название некой таинственной секты, следствие пари, безрассудная выходка в затянутый и бестолковый субботний вечер, пришедшая в голову не знающим чем себя занять приятелям, которые вдруг остановились перед яркой вывеской мастерской татуировщика, вошли, присоединились к очереди, мало-помалу добрались до щелкающего турникета... – или что угодно другое.

След от ожога придаст этим буквам, которые его определили, более торжественный смысл.

Взаимодополняющие знаки, двойное клеймо.

И потом, хотя инициалы были моими, их наносила не я, и чтобы тело Себастьяна знало, что оно принадлежит мне, нужно было, чтобы я сама оставила свой знак. Сладостное предвкушение...

Для того чтобы он был круглым, как медаль, и изящным, как драгоценность, я должна была нанести его с первого раза, без повторов, безукоризненно.

Однако я не обладала (полагаю, за отсутствием привычки) необходимой твердостью руки. Первая сигарета, которую я погасила почти сразу же после того, как зажгла, одна, у себя дома, сломалась пополам и скользнула вбок в пепельнице, оставив отвратительный след. Она была слишком длинной. Следующую я обрезала ножницами. Но и эта оказалась недостаточно короткой. С каждой новой попыткой я отрезала все большую часть, пока наконец не достигла удовлетворительного результата. Но мои опыты этим не ограничились. Я выяснила также, какой длины изначально должна быть сигарета, чтобы, после того как неспешно выкуришь часть, остаток был именно таким как нужно для решительного прижигания. Она должна куриться медленно, однако не слишком медленно, потому что время я тоже рассчитала: четыре с половиной минуты – столько длятся предсмертные слова Изольды, последние такты вагнеровской оперы, которые будут управлять нашими движениями и жестами.

Разработка всех этих мелких деталей порядком увлекла меня. Нужно было также подумать о масках... Но этим я решила заняться позже.

Это была уже не та пустая комната с голым полом и огромным мутным зеркалом, где разыгрывалась сцена мученичества Себастьяна. На сей раз комната находилась в

респектабельном каменном доме конца прошлого века со строгим фасадом, в одной из тех просторных буржуазных квартир, где трель звонка теряется в глубине темных коридоров, а когдаходишь, звук шагов заглушается толстыми ковровыми дорожками, устилающими пол, поверх которых в закрытой гостиной лежат китайские ковры, а уличный шум почти не слышен, заглушаемый тяжелыми оконными портьерами с симметричными складками. Мебель и безделушки здесь веками стоят на своих местах: кожаные кресла, рабочая конторка резного эбенового дерева, столик откуда-то с Дальнего Востока, фигурки из слоновой кости, сувениры, привезенные из путешествий...

В соответствии с временем года в высокой кольчатой вазе, стоящей на рояле между грудой партитур и часами, периодически сменяются, по раз и навсегда установленному распорядку, ветки вереска – осенью, дуба – зимой, цветущей яблони – весной.

Порой на низком палисандровом столике лежат забытыми простые обиходные предметы, но это бывает редко.

В этих неизменных декорациях, где все вещи кажутся приросшими к месту, я и хотела устроить свой спектакль, внося лишь несколько почтительных поправок – без каких-либо серьезных изменений.

Нужно было лишь расставить стол и стулья, разложить подушки, чтобы организовать пространство немного иначе, закрыть некоторые двери, чуть приоткрыть другие, продумать освещение, подготовить камин...

Когда я около шести вечера прибыла на место, Ф., моя всегдашняя сообщница, – которой и принадлежала квартира, – как раз закончила укладывать поленья в камине гостиной, называемой «красной». Первая из приглашенных, Франсуаза, позвонила в дверь несколько минут спустя, и я пошла ей открывать.

По уже установившемуся обычаю мы устроили что-то вроде прелюдии к нашим церемониям, в которой молодой человек служил нам горничной и своим присутствием придавал изысканность тому, что без него было бы лишь заурядными процедурами: умыванию, одеванию, макияжу.

Помощника в наших изысканных приготовлениях звали Дени. Ему было двадцать лет или чуть побольше. Он сказал, что учится на архитектора, и у нас не было никаких причин ему не верить.

Этому хрупкому молодому человеку пришлось научиться расстегивать пряжки на туфлях, крючки на юбках и лифчиках, проверять температуру воды в ванной, нежно втирать в кожу легкие кремы, применять мягкие ласки, вытирать нас полотенцами, осторожно возвращать, не замочив, флаконы и расчески на полочку над раковиной, ждать, стоя или свернувшись клубком в ногах кровати, пока та или другая из моих подруг (или обе) не захотят, оставаясь в объятиях друг друга, использовать его рот, руки или член. Ему пришлось научиться ждать, не докучая, даже когда они, раскинувшись среди свежих простыней и сползших наволочек, начисто забывали о его существовании.

Однако эти развлечения меня не слишком интересовали; впрочем, я в них и не участвовала, если не считать мимолетных ласк, когда я сталкивалась с молодым человеком в коридоре, проходя по своим делам из спальни в ванную или из ванной в спальню. (Тем не менее, это было очаровательно.) К тому же меня больше заботило то, что должно было произойти после, и я была слишком занята преображением в святилище того, что пока было лишь «голубой гостиной».

И наконец, исполнив свою задачу, молодой человек должен был принять благодарность, без всяких жалоб (поскольку он не был допущен к участию в основной

церемонии), и вежливо удалиться без десяти восемь вечера, до того, как появится негр, которому было назначено ровно на восемь.

Если все пойдет так, как было предусмотрено, Себастьян позвонит в половине девятого, а Мари – без четверти девять. Нужно было не допустить, чтобы они столкнулись на лестнице, в этом неопределенном месте, которое относится уже не к внешнему миру, но еще и не принадлежит церемониальному, где обмен дежурными фразами может только испортить дело (и уж, во всяком случае, покажется нелепым). Нужно любой ценой избегать предварительных встреч, способных раскрыть анонимность моих сообщниц и пособников, которую я хотела сохранить в тайне до того момента, пока Себастьян не получит клеймо, знак своей принадлежности мне. Иначе для чего весь этот маскарад?

Негр был пунктуален и одет очень продуманно, как всегда. Учитывая цвет своей кожи, он одевался в разные оттенки коричневого, которые могли доходить до светло-бежевых, не становясь, однако, белыми. На мое замечание: «Вы потрясающе элегантны!» он ответил: «Спасибо». Его изысканная наружность не предполагала никакой награды, кроме наших комплиментов. Больше она ничему не служила, и он это знал.

Не пытаясь сделать невозможное – описать словами красоту – я бы хотела объяснить, почему мы заставили его тут же освободиться от своих одежд: нам доставляло большое удовольствие наблюдать за движениями его обнаженного тела, в особенности за мускулистыми изгибами спины. Ползал ли он или становился на четвереньки – его спина выгибалась плавными, тягучими движениями, словно у пантеры или гигантской черной змеи.

(Недавно в *back-room* одного садомазохистского клуба, расположенного среди нью-йоркских портовых доков, – в комнате, примыкающей к главному залу, грязной

и душной, похожей на бывший угольный склад, едва освещенной несколькими голыми лампочками, темно-красными или мочеподобно-желтыми, юный негр бросился к моим ногам и, растянувшись во весь рост на полу, принялся лихорадочно вылизывать их, извиваясь в пыли вокруг моих лодыжек; он облизывал мою лакированную туфельку, понемногу просовывая свой влажный горячий язык между подошвой и ступней, лежа лицом в пыли, куда я еще сильнее вдавила его голову, поставив другую ногу ему на шею... но это всего лишь незначительный эпизод...)

Восемь часов. Теперь нужно было отрепетировать главную сцену в святилище. Я попросила негра встать на колени передо мной, совсем близко, – так, как должен был встать Себастьян. Он играл роль жертвы, тогда как Е. временно заменила собой его самого в роли прислужника. Франсуаза, стоя рядом со мной, наблюдала. Репетиция прошла не вполне гладко. Полностью справилась со своей задачей только Франсуаза, поскольку от нее требовалось лишь стоять на месте. Затем негр повторил свою собственную роль, которая была наиболее простой и логичной. Но его и выбрали на нее умышленно. Он был явно взволнован: близость опасности его возбуждала. Опасность в данный момент заключалась в пламени сигареты, которую я зажгла совсем близко от его кожи и через несколько мгновений собиралась коснуться его плоти. Однако в решительный момент я погасила зажженный конец сигареты и прижала к груди негра лишь безвредный окурок, рассыпавшийся на мелкие крошки табака и пепла, которые я сдула.

Нет, я не собиралась оставлять ему ожог – не в этот вечер, не таким образом, не внезапно.

Между окончанием репетиции и появлением Себастьяна не прошло и минуты. Звонок в дверь раздался одновременно с последним тактом оперы, как и было

условлено. И тут же обе мои подруги в сопровождении прислужника бесшумно вошли в красную гостиную.

Я провела Себастьяна в комнату F, расположенную в глубине квартиры, почти в самом конце узкого изогнутого коридора. Она была небольшой и почти целиком занятой просторным низким диваном, застеленным широким меховым покрывалом, спускавшимся на пол, покрытый темным пушистым ковром. Кроме небольшого ночного столика, здесь были также стоявшие вдоль стен, затянутых светло-зеленой репсовой тканью, секретер с откидной крышкой, комод из вязового дерева и легкое кресло, куда F положила одежду. Расположенная в отдалении от остальных помещений, выходящая окнами в тихий дворик, эта комната была уютной и спокойной. Себастьян мог здесь отдохнуть. У него был усталый вид. Увы, мой фаворит все еще не оправился от простуды. (Однако это не мешало ему по-прежнему выглядеть арийцем, высоким и мускулистым.)

Ему нужно было уединение, короткая пауза, которую я решила во что бы то ни стало устроить между его прибытием и началом литургии. Но прежде чем оставить его одного, я должна была подвести ему глаза, потом спешно раздобытыми парикмахерскими ножницами подрезать ему волосы, которые я находила слишком длинными, чтобы открыть линию шеи, скрытую белокурыми прядями, в том месте, где она переходила в плечо, образуя изгиб, словно созданный для очертаний губ. Мне нравилось сжимать эту округлую шею кожаными ошейниками с заклепками, кольцами из грубого металла, цепями, узкими лентами или простыми шнурками. В этот вечер я украсила шею Себастьяна черной бархатной лентой.

Потом я ушла, погасив свет и оставив на мраморной доске комода, на самом виду, электрический фонарик и шелковую черную полумаску. За Себастьяном должны были прийти в нужный момент.

В красной гостиной мои подруги (тем временем прибыла Мари, третья приглашенная), согласно неизменному и теперь всем известному ритуалу заказали себе шампанского. Негр разлил золотистое вино в бокалы и поочередно передал их каждой из женщин, опустив глаза и преклонив колена. Для меня он приготовил стакан виски, который подал столь же почтительно.

Четыре женщины, двое мужчин... Четыре женщины-заговорщицы и двое мужчин – в их распоряжении... Хорошо... Можно было повернуть ключ в замке и снова опустить портьеру над входной дверью.

Негр отправился на кухню за льдом или чем-то еще, я быстро написала отдельные сценарии для Франсуазы и Мари, которые, в отличие от F, не участвовали вместе со мной в разработке всего церемониала. Я указала, какие сцены будут проходить в темноте (участники должны были надеть маски и действовать строго по указаниям), а какие – при свете дня (без масок и с большим простором для импровизаций). Теперь мне нужно было надеть платье, подготовленное для церемонии.

Наконец, мы все были готовы. Осталось лишь объяснить негру, что он должен сделать: «Сейчас вы пойдете в комнату F. На комодке вы увидите электрический фонарик и черную полумаску. Вы возьмете их. Потом приведете Себастьяна. Вы будете сопровождать его через коридор и комнату F. вот до этой двери (я указала на нее жестом). Мы будем ждать за ней. Вы постучите три раза. Никто не ответит. Вы подождете минуту, и тогда можете входить». Далее шли подробные инструкции, касающиеся маски и фонарика. «Пока все. Идите!»

Темнота. Молчание.

Красная гостиная погружена в полную темноту и абсолютную тишину. Мы ждем. После трех ударов в

деревянную створку чуть скрипит, поворачиваясь, дверная ручка, потом дверь едва слышно открывается – и снова тихо. Босые ступни беззвучно движутся по ковру. Они приближаются, вместе с круглым пятном света, падающего от фонарика, который держат в руке направленным вниз. Босые ступни и пятно света достигают середины комнаты и замирают. Внезапно от фонарика, повернутого к нам, протягивается луч света и неторопливо перемещается в горизонтальном направлении справа налево, потом слева направо и наконец останавливается на нас, словно замороженный этим зрелищем: четыре женщины сидят в ряд на черном диване, молчаливые, неподвижные, одетые в длинные черные платья и черные туфли на высоких каблуках. Вместо лиц у них одинаковые белые маски – четыре маски без всякого выражения, взгляды сквозь прорези – безжизненны, как у античных статуй. У них одинаковые белые сомкнутые губы, одинаковые широко раскрытые пустые глаза; спокойные черты, выпуклые лбы, гладкие бледно-восковые щеки. Четыре жутковатых манекена с мертвыми лицами, выступившие из тьмы.

У двух сидящих в центре руки сложены на сжатых коленях. У тех, что сидят по краям, одна рука вытянута вдоль подлокотника, а корпус чуть склонен вбок, и от этого их позы более расслабленные. Ничто не шелохнется. Даже луч фонарика застыл на неподвижном видении. Так продолжается долго... Кажется, так будет продолжаться всегда... Но вот рука, словно обретшая способность двигаться от настойчивого света, неуловимо перемещается – и вдруг, без всякого предупреждения, вспыхивает новый луч, более яркий, чем первый, направленный ему навстречу. Видение исчезает, поглощенное этим резким невыносимым светом.

Первый луч, теперь бесполезный, быстро скользит вниз, затем гаснет.

Лже-мертвые бросают из-под своих масок острые взгляды – призрачный трибунал изучает свою жертву, стоящую перед ними обнаженной, на середине комнаты, в конусе света, который окутывает и ослепляет ее. Фонарик переходит из рук в руки, останавливаясь поочередно на длинных мускулистых ногах, на расслабленном члене, окруженном светлой порослью волос, на широких плечах, отведенных назад из-за того, что руки скрещены за спиной на уровне пояса, на бархатной ленте... на всем теле зрелого мужчины, высокого, кажущегося еще выше в луче света, направленном снизу вверх, достаточно мужественного, чтобы ощущение пресности, возникшее при виде его белокурых волос, исчезло. Его наружность непривычна для здешних мест и больше напоминает германский тип. Я уже говорила о его ангельских чертах – лишенных вялости и неясных теней, с прямым носом, хорошо очерченными губами – еще более прекрасных в своей обезоруживающей открытости, которую можно было бы увидеть в иные времена у какого-нибудь соблазнительного эсэсовца, бесчувственного, подавляющего, которого так и хочется заставить глотать пыль.

Себастьяну не нравился этот имидж, который я мысленно накладывала поверх его собственного. Но он неизменно оставался в моем воображении. Вопреки себе, вопреки мне, вы носите черную униформу и, восседая во всем своем великолепии на мощном мотоцикле, невозмутимо управляете этой огромной грохочущей машиной. Черный архангел, стальной рыцарь – вы восхитительны...

Его глаза, хотя и раздраженные ярким светом, были широко открыты и смотрели куда-то вдаль, поверх голов моих сообщниц.

Ни малейшего шороха, ни шепота...

Негр, все это время стоявший сбоку от них, надел черную шелковую полумаску, прорези которой были

закрыты двумя кусочками ткани того же цвета, что и его глаза – темно-синими.

Теперь погас и второй фонарик. Снова вернулась темнота. Сулицы какое-то время доносился глухой шум удаляющегося мотоцикла. Потом воцарилась прежняя тишина.

Все лампы зажглись почти одновременно, издав несколько негромких щелчков подряд: самая большая, стоявшая на подставке возле дивана, другая, чьим основанием служила китайская ваза – на рояле, еще одна – на низком столике, затем остальные... Красная гостиная была залита светом. Не хватало лишь пламени камина.

Негр в пылу рвения торопливо зажег спичку и поднес ее к груде сухих веток, сложенных в очаге, которые тут же загорелись и, потрескивая, начали мало-помалу распадаться на мелкие обломки, между тем как пламя подбиралось к поленьям, лежавшим ниже.

Женщины сняли маски, и негр положил их на каминную доску, по обе стороны от статуэтки из обожженной глины, изображавшей какую-то юную воительницу.

Франсуаза с уверенным видом приблизилась к Себастьяну, который по-прежнему неподвижно стоял посреди комнаты. Она расшифровала инициалы, вытатуированные на его груди, потом обошла вокруг него, дотрагиваясь со всех сторон, словно собираясь снять мерку с этого тела, к которому прикасалась впервые. «Поздравляю!» – прошептала она мне, затем, уже громче, чтобы услышали все, спросила: «Можно задавать ему вопросы? Можно причинять боль?» Я ответила: «Да, пожалуйста. Он полностью в твоём распоряжении».

То ли удовлетворившись результатом своих исследований и больше ничего не желая в данный момент, то ли сочтя новую инициативу преждевременной, то ли ощутив внезапное замешательство перед полной свободой

действий по отношению к Себастьяну, то ли... словом, она больше ни о чем не спросила и снова села на диван.

Себастьян не шелохнулся. Видел он что-нибудь или нет – он не должен был двигаться до тех пор, пока женский голос не отдаст ему приказ. Он не делал даже едва заметных инстинктивных движений, которые, например, помогают перенести вес тела с одной ноги на другую, чтобы избежать онемения. Казалось, он окаменел. Однако у этой статуи была теплая кожа и бьющееся сердце. Сколько времени он смог бы так продержаться, перед тем как почувствовать слабость и зашататься от усталости? Я не знала.

Е. не нравилась эта крайняя пассивность. Ее не пришлось особенно заставлять, чтобы она созналась, что находит такое поведение скучным. Она предпочитала страстные порывы, сдерживаемые из страха перейти границы дозволенного – эти порывы она приветствовала, была к ним терпима или пресекала их – в зависимости от настроения.

В определении «крайняя пассивность» для меня ключевым словом было «крайняя». В этой крайности было что-то, побуждавшее меня ее разрушить, эта чрезмерность бросала мне вызов... и я словно со стороны услышала свой голос, который с угрожающей интонацией произнес:

– На колени!

И Себастьян опустился на колени.

– На четвереньки!

И он встал на четвереньки.

– Опустите голову! – Его голова склонилась к полу. – Не прогибайте спину! – И его плечи оказались на одной линии с ягодицами.

Ложе из живой плоти лишь слегка прогнулось, когда я вытянулась не нем, положив голову в углубление между лопаток. Недалеко от нас негр сидел на ковре по-турецки,

положив руки на колени и ожидая новых распоряжений. Некоторое время он пристально наблюдал за мной. Я завела руки назад, чтобы соединить их на животе Себастьяна, и при этом свободная пола моего платья скользнула вбок, оставив меня полуобнаженной. Я резко поднялась. Негр опустил глаза. Хорошо.

Что было потом? Я не помню... все как в тумане... что-то не слишком значительное... Должно быть, прошло не очень много времени с того момента, как я увидела опущенные глаза прислужника – и вот теперь передо мной была кожаная плетка, которая наносила небрежные удары по пояснице Себастьяна – плетка, состоявшая из многочисленных мягких ремешков, связанных в узел. Они несильно ударились по бедрам Себастьяна, скользили между ягодицами. Чуть дальше от нас Франсуаза подвела Мари к камину и усадила спиной к огню. Кончиками пальцев она проводила по ее губам, другой рукой растегивая ее корсаж из черных кружев, освобождая руки и плечи. Корсаж сполз вниз и теперь удерживался лишь на запястьях. Затем он упал на белый мрамор камина. Широкая растегнутая юбка Мари волной скользнула вниз, обвивая ее лодыжки и туфли на высоких каблуках. На ней были черные капроновые чулки – мой подарок, – натянутые почти до самой промежности и держащиеся на тонких подвязках, а также надетая по моей просьбе черная шелковая комбинация. Эту комбинацию Франсуаза оставила на ней лишь ненадолго – только чтобы полюбоваться ею и убедиться в нежности кожи, проведя указательным пальцем вдоль выреза.

Теперь моя красавица-подруга была полностью обнажена, если не считать единственного украшения – кулона из маркизита, поблескивающего во впадинке у горла, у основания шеи, такой тонкой и нежной, что ее можно было обхватить одной рукой. Ее гладкие черные волосы были коротко подстрижены в форме шлема, как у Луизы Брукс.

Она выглядела скромницей, со спокойным лицом без малейших признаков макияжа, с маленькой грудью, прикрытой очаровательным жестом скрещенных рук, словно для защиты от холода – грациозный андрогин, чей силуэт четко выделялся на фоне танцующих языков пламени.

Франсуаза взяла ее за руку, подвела к Себастьяну и ровным голосом произнесла:

– Ложись на него, животом вниз.

Мари опустилась на послушно стоявшего скакуна, пригнув голову к его шее.

Первый удар плетью по ее спине был таким слабым, что напоминал поглаживание. Второй – по ягодицам – был более резким. Мари вздрогнула и приникла к Себастьяну, обхватив его за плечи.

С каждым новым ударом Мари вздрагивала все сильнее, и все крепче прижималась к своему коню, буквально срастаясь с ним... Он ощущал, как ему передается ее дрожь, которая то утихает, то снова нарастает; он тоже вздрагивал в такт ударам плети по бедрам и ягодицам лежащей на нем женщины – я это знала.

Мне захотелось ощутить прикосновение волос Мари, и я провела по ним рукой; они были нежными, с легким запахом мяты. Я отвела пряди, закрывавшие ее лицо, и прошептала: «Укуси его!»

Вначале она лишь слегка, по-кошачьи, покусывала кожу Себастьяна, но затем принялась за дело всерьез, словно только и ждала момента, чтобы оставить на его коже, вдоль всей спины, следы своих зубов. Она впивалась в его плоть и стискивала зубы изо всех сил. Ее возбуждение передалось мне, и я несильно укусила его возле рта – это место оставалось неповрежденным, поскольку Мари начала с плеча. Моя щека коснулась ее щеки. Мари повернула голову ко мне; ее глаза блестели. Мы обнялись, упираясь подбородками в шею Себастьяна,

который жалобно постанывал. Но когда я мягко закрыла ему рот ладонью, он замолчал и послушно начал облизывать ее кончиком языка.

Франсуаза, выпрямившись, смотрела на нас.

Потом она склонилась над Мари и стала целовать пурпурные следы от ударов плетью на ее спине. Затем протянула ей руку, сказала: «Вставай!» и одела ее, точно так же, как и раздевала: медленно и почтительно, на фоне языков пламени.

Е. пришла в голову идея: почему бы не сыграть на контрасте между Себастьяном и негром? Противостояние разных цветов кожи – эту тему я взяла на заметку. Итак, пусть они немедленно улягутся на ковер в позе «шестьдесят девять»... Или нет, это не слишком красиво. Пусть лучше обнимутся, как любовники. Черный на белом. Подстегнутые ударом плети, они, сплетаясь в объятиях на полу и перекатываясь друг через друга, пересекли всю комнату от камина до дивана, перед которым замерли у ног сидевшей на нем Франсуазы. Они обхватили ее лодыжки и начали облизывать их – причем никто от них этого не требовал. Строгость ритуала требовала, чтобы мы их остановили. Но мы смягчились, потому что нас позабавило, как Франсуаза, откинувшись на спинку дивана, позволяет себя улаживать с утомленным видом человека, застигнутого врасплох неожиданной просьбой об услуге, но все же великодушно согласившегося ее оказать.

Для того чтобы освободиться от их навязчивых ласк, которые слишком затянулись, я посоветовала ей ударом ноги отправить их обратно к камину. Она сочла этот совет удачным и немедленно привела его в исполнение.

Потом мои друзья пришли к выводу, что неплохо было бы выпить чего-нибудь освежающего. К тому же мы, кажется, слегка проголодались.

Негр, которому мы поручили обо всем позаботиться, принес из кухни тарелки с жареным мясом и сладостями, разложенными на бумажных салфетках с затейливо вырезанными краями. Встряхивая кубики льда в бокалах и поедая сладости, мы болтали о пустяках, а порой умышленно обменивались признаниями по поводу Себастьяна и негра. К чему беспокоиться из-за присутствия столь незначительных мужчин? Можно обсуждать их без всякого стеснения, не правда ли?.. Они не прислушивались к нашим разговорам. Они просто ждали... Ну разумеется.

Себастьян лежал на полу таким надгробным памятником. Мы плечом к плечу стояли вокруг его головы, сжимая ее восемью своими туфельками.

Я поставила одну ногу ему на лицо. Каблук, войдя между его губ, ударился о зубы, которые разжались, пропуская его в рот. Поддерживая друг друга, чтобы сохранить равновесие, Мари, Франсуаза и F. тоже просунули свои каблуки ему в рот, растянув его, и стали поворачивать их внутри во все стороны.

Я бросилась плашмя на пол, чтобы увидеть все вблизи, и мое лицо оказалось на уровне его рта, этой сточной канавы, из которой несло гнилью и нечистотами, этой клоаки, этой зловонной дыры, в которую я погрузила пальцы. Я нащупала покрытый слюной язык между тонкими остриями каблуков. Потом осторожно вытолкнула их, один за другим.

Я прошептала Себастьяну: «Вы наверняка испытываете жажду». Он слабо выдохнул: «Да», потом добавил: «Пожалуйста...» Я выпустила струйку слюны в его полуоткрытые губы, и она стекла ему на язык, где собралась в пенную лужицу. Он жадно проглотил ее.

Я сжала рукой его разбухший член. Моя ладонь чувствовала его пульсацию, а большой палец, обхвативший головку, – тонкую шелковистость кожицы, натянутой до

такой степени, что, казалось, она вот-вот порвется. Я обмазала ее выступившей из нее жидкостью. Достаточно было бы ужесточить хватку, чтобы он начал умолять меня причинить ему боль. Я обхватила бы его член изо всех сил, словно стремясь оторвать его от вздымающегося низа живота. Пристально вглядываясь в его искаженные черты, затаив дыхание, я продолжала бы до тех пор, пока он не потерял бы сознание. Я бы выпила его наслаждение, извергнутое в потоке спермы, которая толчками выплескивалась бы ему на живот, струилась между моими пальцами. Потом я оставила бы его лежать бездыханным...

В этот момент мне захотелось резко плюнуть ему в лицо... Я представила, как оно на миг искажается судорогой от такой неожиданности... Он повернул голову, потерся щекой о мое запястье и тихо сказал: «Спасибо».

Негр положил прямоугольное зеркало в деревянной позолоченной раме, высотой в два раза больше ширины, на пол перед камином, где только недавно погас огонь. Остались лишь едва тлеющие угли, которые не представляли опасности для темноты – теперь она снова мне понадобилась, ибо настал момент сбросить маски и погасить лампы.

Участницы церемонии стояли вокруг зеркала – каждая возле одной из четырех граней.

Как и в первой ночной сцене, негр подвел к нам Себастьяна (последний, на сей раз стоя на коленях, должен был касаться зеркальной рамы, но не переступать ее), затем снял с него маску.

Тогда одна из женщин выступила вперед и встала над зеркалом, раздвинув ноги. Она приподняла подол платья и собрала ткань в параллельные складки на уровне лобка, открыв ноги в черных чулках с подвязками, линию паха и густую черную поросль волос. Освещенная фонариком, луч которого я направила между ее бедер,

она начала потихоньку сгибать колени. По мере того как она опускалась все ниже, ее влагище приближалось к поверхности зеркала, и его отражение все увеличивалось. Поблескивающие половые губы раскрывались все шире, и между ними медленно проталкивалось что-то белое и круглое. Наконец яйцо, покрытое прозрачной блестящей смазкой, выпало и покатилося по гладкой поверхности зеркала.

Призрачные тени склонились над зеркалом, над своими двойниками, появившимися в глубине темного омута, в котором плавало невесомое яйцо.

Понуждаемый легким нажатием на затылок, Себастьян наклонился, впился зубами в упругое яйцо и съел его под направленными на него с двух сторон взглядами призраков и их отражений.

Теперь настал черед другой участницы. Негр, простершись перед ней, протянул ей бокал. Я уже видела раньше этот высокий кубок из граненого хрусталя. Она взяла его в правую руку и, широко раздвинув ноги, просунула под платье, которое слегка приподняла левой.

Какое-то время слышался шорох ткани, затем – прерывистое журчание тонкой струйки, и наконец – легкий звон бокала, когда моя подруга поставила его на зеркальную поверхность, на три четверти полным.

В ореоле света Себастьян, обхватив обеими руками кубок, поднес его к губам и принялся пить мочу. При каждом звуке его глотка, отчетливо слышном в тишине, я чувствовала себя так, словно по моему собственному горлу струится эта теплая жидкость. Он пил не торопясь, пока не осушил кубок до дна. У меня во рту появился тошнотворный горьковатый привкус, который особенно усилился после того как Себастьян поставил кубок на зеркало и его грани заиграли яркими отблесками.

Негр убрал его, заменив на миску с горячим пюре. Третья участница окунула в нее пальцы, потом протянула их,

покрытые слоем пюре, Себастьяну, чтобы он их облизал. Потом она погрузила туда всю кисть целиком. Поскольку в этот раз Себастьян не смог справиться со своей задачей достаточно быстро, пюре размазалось по его подбородку. В придачу к этому женщина аккуратно вытерла руку о его щеки, оставив на них следы комковатой массы.

Последняя участница, продев свой сетчатый чулок в большое бронзовое кольцо, начала готовиться к своему действию, когда обнаружила, что Себастьян сидит на корточках, а его член зажат (спрятан?) между бедер. Не говоря ни слова, она заставила его выпрямиться (отложив на потом вопрос «Почему?») и обвязала чулок вокруг основания члена. Потом завязала Себастьяну глаза повязкой из плотной ткани.

Теперь женщины могли сбросить маски, а прислужник – снова зажечь лампы.

Кольцо было массивным и тяжелым, больше четырех сантиметров в толщину. Это был рабский ножной браслет, подвижная часть которого, укрепленная в разрезе, позволяла раскрыть его и надеть на щиколотку, чтобы лишить человека возможности передвигаться. Использовался ли он когда-нибудь по назначению? Я в этом сомневалась, несмотря на то, что его необработанная поверхность и общий грубый вид делали такую версию правдоподобной. Но в любом случае, судя по его диаметру, он предназначался для очень тонкой, словно у антилопы, щиколотки – такая могла быть у совсем юной девушки или даже у ребенка. Был ли он чисто символическим? Так или иначе, он выглядел довольно необычно.

Зачем Себастьян какое-то время назад подарил его мне, если не с тайной мыслью: кончить от того, что его член будет все сильнее стискиваться под тяжестью груза, который он будет волочить за собой по полу, когда я потащу его за собой по коридору в глубь квартиры – на четвереньках, просунув между его зубами цепочку,

обмотанную вокруг рукоятки кнута? Мало-помалу я ускорила шаги. Себастьян с трудом поспевал за мной – ему мешал браслет, который при каждом его движении ударялся о колени. Я предупреждала его о встречающихся на пути препятствиях и советовала, как лучше их избежать: «Осторожно, тут статуя... Сверните скорее влево... Теперь двигайтесь дальше... Быстрее... Теперь вправо...» Бронзовое кольцо с вибрирующим звуком ударило о плиточный пол ванной комнаты. «Остановитесь, мы пришли».

Сняв с его глаз испачканную повязку, я сказала:

– У вас отвратительный вид. Идите сюда, мой милый, я вас умою.

Я оттерла его лоб, щеки и подбородок, перемазанные пюре, с помощью влажных тампонов, а потом осторожно соскоблела ногтем присохшие чешуйки пюре.

– Кто с вами такое сотворил?

Он пристально взглянул на меня, потом ответил:

– Женщины в масках... вы, должно быть, их знаете.

– То есть вы хотите сказать, что я знакома с женщинами, способными на столь безумные поступки?

– Я думаю... да.

Стирая капельки воды с его лица носовым платком, я спросила:

– Чем они вас испачкали?

– Чем-то вроде пюре... И еще они заставили меня пить мочу...

– И какая она на вкус?

– Теплая, соленая, слегка горьковатая...

– И вам, должно быть, это понравилось?

– Да... вы это знаете.

– Нет, вы ошибаетесь... А что за буквы у вас вот здесь?

– Это инициалы моей госпожи, которую я...

– Она сегодня тоже здесь?

– Да... Она похожа на вас.

Я надела на него черную полумаску.

– Теперь вы чистый. Я отведу вас к тем женщинам, к их отвратительным забавам – потому что вам это нравится!

Вдоль узкого коридора я за руку отвела его обратно в гостиную. В этом путешествии не было ничего примечательного, если не считать болтавшегося на члене Себастьяна бронзового кольца, которое при ходьбе ударялось то об одну, то о другую его ногу, а также голосов и смеха, доносившихся из красной гостиной, где меня ждали сообщницы. Что они делали в мое отсутствие? Ф. расскажет мне об этом сейчас, или завтра, или позже?

Теперь им нужно будет перейти из красной гостиной в голубую через холл. Негр откроет дверь красной гостиной, посторонится, чтобы пропустить их, потом откроет расположенную прямо напротив дверь голубой гостиной, следуя тому же самому этикету. Именно здесь, в холле, на одинаковом расстоянии от двух дверей, я и поставила Себастьяна.

Женщины одна за другой прошли мимо беспомощного часового. Бронзовое кольцо по-прежнему свисало с его члена, привязанное чулком. Оно больше не раскачивалось. Они, проходя, задевали его; но его движения, напоминающие колебания маятника, быстро затухали, поскольку скольжение ткани о кожу препятствовало им.

Мы вошли в святилище, где должен был состояться главный обряд. Алтарь сиял множеством свечей, поставленных в несколько ярусов. Это были литургические свечи, стоявшие прямо на мраморной каминной доске, в серебряных подсвечниках, в канделябрах со множеством разветвлений, в консолях, расположенных выше. За ними, прислоненное к стене, стояло граненое зеркало, в котором они отражались. Другие детали обстановки, оставшиеся за пределами этого круга света, были видны смутно; контуры мебели казались расплывчатыми, и лишь кое-где на лакированных поверхностях дрожали отблески света.

От ароматических палочек поднимались тонкие завитки дыма. Маски пока лежали в кресле жрицы, прислоненном к алтарю.

Все было великолепно. Прислужник ни о чем не забыл. Теперь он мог ввести Себастьяна.

«Гарем». Именно из-за этого названия, написанного чернилами на приклеенной этикетке, я когда-то купила в маленькой лавочке на тунисском базаре, у старика в выцветших шлепанцах этот маленький флакон духов, закрытый комочком ваты – духов, запах которых не мог быть иным, только тяжелым и пьянящим, слегка старомодным... Именно таким он и был – в высшей степени... Он был идеальным.

Франсуаза несколькими легкими прикосновениями надушила ими затылок Мари, потом Е, и, наконец, себе.

Я продолжила ритуальное помазание, надушив избранные места: мочки ушей, сгиб локтя, запястья, волосы на лобке... Впадинки, складки, отверстия, волосы должны были наполниться дурманящим ароматом, как если бы они сами его источали.

Я сказала Себастьяну: «Поднимите руки!» Он поднял их и скрестил над головой. При виде его открытых подмышек, покрытых испариной, мне пришла мысль о турецкой бане с ее густыми влажными испарениями.

Красным карандашом я нарисовала на коже Себастьяна маленькую звездочку поверх своих вытатуированных инициалов. Затем я украсила его левую грудь коралловой сережкой, которую прикрепила к соску.

Женщины снова, в третий раз, надели маски и подвели избранника к алтарю, возле которого заставили его преклонить колени на низкой бархатной скамеечке – передо мной, уже сидевшей в кресле жрицы. Две из них встали позади него, положив руки ему на плечи; третья,

стоя на коленях справа от меня, держала в руке чашку, подняв ее на уровень подлокотника кресла.

Когда зазвучал низкий голос Изольды (кассетный магнитофон был спрятан неподалеку, так что я могла дотянуться до него), я снова сняла с Себастьяна маску с закрытыми прорезями, и тут же ко мне приблизился негр, неся на протянутом подносе мой тонкий и длинный серебряный мундштук с черным галалитовым наконечником, с уже вставленной в него сигаретой, и черепаховую зажигалку. Я сама зажгла сигарету и положила зажигалку на поднос, который негр тут же убрал.

Я уже представила себе то, что должно было сейчас произойти, как можно точнее, чтобы отныне уже ничто не смогло застать меня врасплох. Участников, собравшихся вокруг меня, я уже видела именно такими: неподвижно застывшими в ярком, без полутонов, свете свечей, который придает маскам оттенок старой слоновой кости. Я уже видела тлеющий огонек сигареты, которая медленно таяла с каждой новой затяжкой, и взгляд Себастьяна, полностью сосредоточенный на мне. По его рукам стекали струйки пота. Сердце у меня забилось быстрее. Пойманная в ловушку его неотрывного взгляда, я смотрела, как он смотрит на меня сквозь просвечивающую пелену благовонного дыма. Казалось, он перестал слышать, и до него не доходит пение Изольды – стенания влюбленной, потерявшей свою любовь, которые звучали все громче, нарастая, словно волны, одна за другой неумолимо движущиеся к высшей точке, такой близкой и такой недостижимой, взметая пенные гребни, на мгновение замирающие в головокружительной пустоте... И когда напряжение достигло апогея, я вдавила горящую сигарету в центр красной звездочки – в тот самый момент, когда последняя волна сладострастного исступления, обрушившись на Изольду, окутала ее белым сиянием смерти.

С хриплым стоном жертвенный агнец откинулся назад, словно от сильного порыва ветра. Но я подалась вперед, следуя его движению, и конец сигареты по-прежнему остался прижатым к его груди. Моя рука не дрогнула. По ней поднималась волна жестокого наслаждения, разливаясь по всему телу. Из моей груди вырвался хриплый стон, дыхание стало прерывистым. Мне было знакомо это неистовство, охватывающее охотника, когда он добрался до своей жертвы... Теперь ты мой и останешься моим еще несколько секунд...

Себастьян медленно выпрямился. Его глаза были цвета спокойного моря. Когда раздалась последняя такта драмы, в которых вновь звучала безмятежность, Ф. протянула мне позолоченную чашечку, куда я опустила мундштук, из которого на несколько миллиметров выступал раздавленный окурок потухшей сигареты.

Заключительный аккорд прозвучал в полной тишине.

Все было исполнено.

Самая высокая из женщин сняла маску, чтобы Себастьян впервые увидел ее лицо, отраженное в зеркале над алтарем. Но видел ли он ее на самом деле? Он выглядел сосредоточенным, полностью погруженным в себя. Медленно отступая лицом к зеркалу, так, чтобы отражение исчезало постепенно, растворяясь в темноте, Франсуаза с маской в руке дошла до двери, которую негр бесшумно открыл. Мари и Ф. вышли точно таким же образом.

Мы остались одни. Себастьян уронил голову между моих бедер и обхватил руками колени. Затем до боли стиснул их, повинувшись внезапному порыву, который передался и мне. Я забылась... Были даже слова любви, может быть, слезы... какое-то время...

Затем, прервав эти нежности, я развязала чулок, сдавливавший его член. Бронзовое кольцо упало на ковер. Я сказала: «Теперь прочтите... Мне нужно, чтобы вы кончили

в этот бокал». Он без промедления принялся ласкать себя. Когда я дотронулась указательным пальцем до его распухшей измученной плоти, его глаза закрылись, лицо окаменело, и сперма хлынула в бокал, стекая поблескивающими струйками вдоль хрустальных граней. Я собралась на кончик пальца густую молочно-белую жидкость и нанесла ему на губы толстым перламутровым слоем. Потом мы обменялись долгим скольльзящим поцелуем; я не отрывалась от его губ со вкусом спермы, пока мои собственные не стали такими же клейкими.

(В этот вечер парк залит мягким всепроникающим ароматом спермы, как всегда бывает жаркими июньскими вечерами, когда цветут каштаны на краю широкой овальной лужайки. Я хотела бы пойти туда прогуляться, когда стемнеет.)

Склеившиеся губы, этот запах... Здесь нить воспоминаний снова обрывается. У меня в памяти не сохранилось ничего между поцелуем и следующей сценой: Себастьян стоит уже одетый (или почти), в слабеющем свете свечей. Настало время, когда он должен уйти: в этом я уверена... Чтобы защитить обожженный участок кожи от соприкосновения с одеждой, я протягиваю ему кусочек марли. Он благодарит меня, но решительно отказывается: он предпочитает оставить ожог открытым.

У меня еще остаются почерневший окурок сигареты и коралловая сережка, лежащие на шелковой малиновой подкладке в маленькой восточной коробочке, украшенной эмалью. Я дарю Себастьяну эти реликвии, после чего он уходит, в одиночестве, как и пришел, унося под грубой тканью рубашки багровое круглое клеймо, означающее, что он принадлежит мне.

Негр уже отослан Ф. – его служба завершена. Только мы вчетвером остаемся в красной гостиной...

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

Я люблю в одиночестве заходить в пустые соборы, когда наступает ночь. Мои шаги гулко отдаются на каменных плитах, и, медленно идя по проходу между рядами скамеек, я приближаюсь к слабому красноватому свету ночной лампы. Но не он привлекает меня, а более сильный свет, который я замечаю позади главного алтаря. Я огибаю его и вижу, у изголовья апсиды, маленькую часовню, где, перед более скромным алтарем, только что закончилось ночное богослужение. Верующие уже ушли. Никого нет. Но свечи продолжают гореть по обе стороны закрытой дарохранительницы, освещая большие букеты белых цветов. Это лилии. Справа от алтаря, в застекленной раке – статуя «Христа скорбящего» в человеческий рост. Он сидит, сложив руки на коленях, поставив ноги на красную бархатную подушку. Плащ из красного бархата, расшитый золотом и завязанный на шее шелковым шнурком, слегка распахнут на обнаженной груди. Подойдя ближе, я отчетливо различаю, несмотря на падающую от меня тень, несмотря на собственное нежелание это видеть, – кровь, которая вот-вот заструится из едва затянувшихся ран, нанесенных розгами. Из-под тернового венца тоже стекло несколько капелек крови, запекшихся на висках и на лбу цвета слоновой кости. Христос смотрит на меня спокойно и умиротворенно.

Перед ракой – большой стол, на котором горит множество свечей. Некоторые уже догорают; их умирающее пламя рассеивается легкими завитками голубоватого дыма. Другие, прямые и ровные, скорее всего, были зажжены недавно, при последних словах молитвы, перед тем как верующие в последний раз осенили себя крестом и преклонили колени.

В часовне стоит тяжелый запах ладана, лилий и горячего воска. Для того чтобы сильнее ощутить аромат цветов, я поднимаюсь на две ступеньки к алтарю. В этот момент я слышу слабый звук отворившейся боковой дверцы, той самой, через которую я недавно вошла – она единственная открыта в этот поздний час. Я прислушиваюсь. Размеренные шаги, отдающиеся под высокими темными сводами, приближаются – кто-то идет ко мне по центральному проходу. Я прислоняюсь спиной к алтарю, опершись локтями на белый узорчатый покров. Я жду.

Когда он наконец выходит из тени, я поражена его легкой уверенной поступью и его молодостью. Теми же размеренными шагами он направляется ко мне и без колебаний поднимается по ступенькам, которые отделяют часовню от галереи, окружающей церковные хоры. Ткань его рубашки так тонка, что я замечаю просвечивающие сквозь нее острия сосков. Под расстегнутым воротником виднеется золотая цепочка, которая подчеркивает изящную линию основания шеи.

Лишь когда он подходит ко мне на расстояние вытянутой руки, наши взгляды встречаются, и мы несколько мгновений смотрим друг на друга. Затем он опускает глаза и, не говоря ни слова, встает на колени. Медленно склонившись к полу, касается губами ремешков моих босоножек. Его руки обхватывают мои лодыжки. Теперь мы оба стоим неподвижно. Я смотрю вниз, на его затылок и основание плеча, виднеющиеся в распахнутом вороте рубашки. Я чувствую лишь нежность его рук, слегка дрожащих, и проникающий сквозь ткань чулок жар его участвовавшего дыхания.

Мой поклонник не шевелится. Он готов для жертвоприношения.

Все произошло, как и было задумано. Мне нравится такая точность исполнения.

Протягивая мне исписанный от руки листок, который она только что прочитала, Мари воскликнула:

– Это часть какого-то грандиозного действия!

– Ты знаешь, сейчас я описываю по памяти некоторые наши вечеринки. Мне хотелось, чтобы этот текст выглядел как предисловие к той церемонии, которая предшествовала клеймению Себастьяна. Помнишь, ты не смогла в ней участвовать, потому что...

– Но этот текст – вымысел?

– На тот момент, что я его писала, он действительно был вымыслом, мечтой. Но впоследствии эта сцена произошла на самом деле – так, как я ее и представляла – в Руанском соборе, в начале лета, поздно вечером... Странно – мои шаги так сильно отдавались в этом огромном гулком нефел. Но жертвоприношения в конце не было. Оно состоялось позже – в тот вечер, когда ты, к счастью, не смогла прийти, и который мы с Е. назвали «вечеринкой жертвоприношения».

– Почему «к счастью»? Что тогда произошло?

– Хочешь выпить сок манго или гуайявы? Или что-нибудь покрепче, смешанное с лимонным соком?

– Нет, спасибо... Лучше расскажи...

– Одно другому не мешает... В некотором смысле, даже наоборот... Ты знаешь участников этой вечеринки, кроме Камилла и Гаэтаны. Гаэтану я встретила незадолго до того у общих знакомых (их имена тебе ни о чем не скажут). Ей, должно быть, лет двадцать шесть – двадцать семь. Она высокая, у нее бледное лицо, светло-серые глаза, коротко подстриженные волосы, мальчишеские манеры в сочетании с женской фигурой. Думаю, ты сочла бы ее красивой...

Гаэтана... Ваше имя, ваши глаза вызывают у меня воспоминания о зимнем море. Вы почти сразу же заговорили со мной об Остенде. Помните? Но в связи с чем?..

Встреча проходила по всем правилам хорошего тона – с гашишем, спиртным и рок-музыкой. Я не знала ничего

о Гаэтане, но она, судя по всему, знала многое обо мне. Мы нашли пустую комнату, где можно было поболтать наедине, подальше от шумного сборища. Ее желание присутствовать на одной из моих «церемоний» само по себе не было бы достаточным основанием для того, чтобы я на это согласилась (в любопытствующих не было недостатка!), если бы я не убедилась в ее неподдельном энтузиазме, который то и дело прорывался в восхищенных восклицаниях: «Великолепно!», «Потрясающе!». Нисколько не обманываясь по поводу удовольствия, которое мне доставляло разыгрывать опытную женщину перед удивленным новичком, я тем не менее сочла ее подходящей кандидатурой. Ее низкий бархатный голос звучал очень соблазнительно.

Поскольку Гаэтана заявила, что в этот день она полностью свободна, я попросила ее приехать к Е. ближе к вечеру, чтобы у нас было время не торопясь подготовиться к тому, что должно было начаться с наступлением ночи. Днем раньше непредвиденный телефонный звонок от юного приверженца моих церемоний, просившего меня о свидании, натолкнул меня на следующую мысль: почему бы не добавить удовольствия в эти приготовления, попросив помочь нам кого-то из наших молодых людей – например, этого самого Камилла В., который на другом конце провода ждал в тревоге и смущении, когда я назначу ему свидание. Камилл (его действительно так звали) – разве это имя не вызывает в памяти образ горничной из прустовского романа, в маленьком накрахмаленном фартучке и платье со сборчатым воротником? В самом деле, это имя было предопределено судьбой – конечно же, его обладатель должен был послужить нам камеристкой: раздеть нас, приготовить нам ванну, потом нарядить для вечеринки. Когда я говорю «нас», это просто фигура речи: я никогда не знаю

заранее, приму ли я сама участие в действе или предпочту остаться «посторонней», лишь наблюдая за ним и иногда – направляя.

Когда Камилл вошел в просторную, чопорно обставленную гостиную, его попросили раздеться («Полностью?» – «Да, полностью») и, подняв руки, медленно повернуться вокруг себя, чтобы продемонстрировать свое тело. Его полудетское очарование вызвало желание понынчиться с ним, как с куклой. Но его позвали сюда не за этим. Мы отвели его в комнату F, несомненно, самую уютную во всей квартире. Каково ему было оказаться голым перед тремя женщинами, по-прежнему одетыми в строгие будничные костюмы? Член у него немедленно встал. Эта очевидная мужественность, с которой он толком не знал, что делать – скрывать ее или нет? – очевидно, приводила его в смущение и придавала ему тот глупый вид, который побуждает женщин к насмешкам. На этой импровизированной вешалке ему пришлось переносить в соседнюю комнату вещи, которые он снимал с F и Гаэтаны, одну за другой – с немного неуклюжей, но старательной манерой начинающей горничной. Наполнив ванну, он грациозно подал им руку, чтобы они смогли без лишних усилий переступить бортик и погрузиться в воду, покрытую слоем ароматной пены, которая скрывала очертания тел, волосы на лобках, мягкие ласки и скользкие проникновения. Женщины, закрыв глаза, медленно целовались. Камилл, для большего удобства встав на колени, неустанно омывал им плечи, шею, верхнюю часть спины, словно не осмеливаясь спускаться ниже. Их руки были скрыты под непрозрачной водой; иногда резкие всплески разбивали ее поверхность, и мыльные хлопья разлетались мелкими брызгами. У пены был лимонный запах. Внезапно Гаэтана поднялась, блестящая от водяных струй, и, повернувшись к Камиллу спиной, велела ему полизать ее между ягодиц, а потом

слизать последние хлопья пены с волос на лобке. Когда он это сделал, пена собралась вокруг его рта, образовав забавные белые усы.

Наш херувим отнесся к своей роли со всей серьезностью. Мне казалось, что я присутствую при детской игре. Да и по сути, какая разница? Сознание того, что это игра? В детских играх извращенность проявляется бессознательно, в наших – обдуманно; разница только в этом. Что же произошло в голове того одиннадцатилетнего мальчика, который недавно убил свою восьмилетнюю подружку во время игры, нанеся ей сорок восемь ударов ножом?

Когда F. и Гаэтана наконец вышли из ванной, Камилл обернул их огромным сиреневым полотенцем.

Поскольку было еще слишком рано облачаться в наши церемониальные одеяния, они, разморенные после купания, решили какое-то время отдохнуть на кровати. Камилл улегся первым, глубоко зарывшись в свежие простыни. Наши ступни удобно устроились на его свернушемся в клубок теле, которое тут же принялись изучать. Пальцы ног на ощупь проникали в его рот, в ноздри, скользили по бархатистым щекам, следовали вдоль линии бедра, спускались к животу, играли с напряженным членом и, проникая в промежность, ощущали, как перекатываются небольшие бархатистые шарики.

Затем маленький самец был извлечен из-под простыней, чтобы подвергнуться испытанию: сможет ли он изобразить «постельного героя»? Оказалось, что нет. Его слишком поспешные семяизвержения разочаровали моих подруг, которые соорудили недовольные гримаски. Он страшно переживал. Что было делать? Отослать его за столь явную некомпетентность? «Не кажется ли вам, что вы этого заслуживаете?» Но его сконфуженная мина была столь забавной, что обезоружила их. Следовало бы проявить строгость; но вместо этого Гаэтана укусила его за губу, а F. сдавленно захихикала, прижав ко рту

простыню. Но о прощении не было и речи; Камилла все равно надлежало наказать, хотя бы ради приличия. Женщины уложили его на гору подушек, так, что ягодицы оказались приподнятыми, и устроили ему порку – хотя и не по всей надлежащей форме, но все же достаточно сильную для того, чтобы не казаться ласковым порицанием.

Роль камеристки ему больше подходила: когда ему указывали, что делать, он справлялся не так уж плохо. Однако, наблюдая за его действиями, можно было понять, что он впервые в жизни обрызгивает женщинам волосы на лобке духами из грушевидного пульверизатора и пристегивает чулки к поясу. Когда я спросила его, так ли это, он лишь смущенно пробормотал: «Да», не поднимая глаз от застегки пояса, которой собирался закрепить черный чулок, натянутый на кремовую плоть – ту драгоценную плоть, которую в былые времена прятали от загара под кружевными зонтиками.

Теперь мы были готовы (по крайней мере, как будто...). Камилл застегнул «молнию» на платье F. – длинном черном шелковом платье 1930 года, собранном ниже талии кокеткой, уходящей вниз, что создавало видимость изящного шлейфа. Мое платье, более короткое, заканчивалось выше щиколоток – приталенное, с поясом и широкими рукавами «летучая мышь», очень удобными. Декольте, полукруглое спереди, переходило в треугольный вырез на спине, доходивший до самой талии. Оно было мне очень к лицу (именно *было*, поскольку с того времени оно загадочным образом исчезло).

Пока F. и Гаэтана красились, Камилл приводил в порядок комнату, и особенно постель, которая была вся смята. Он перестелил простыни и разгладил их ладонью, чтобы в середине стала заметна ажурная венецианская вышивка – монограмма, окаймленная гирляндами цветов.

Закончив свою работу, Камилл ушел. По дороге к двери он обернулся и спросил меня: «Могу я вам перезвонить?»

Конец приторного пролога и лукавого жеманства.

Затем последовал антракт – перейдя в большую гостиную, мы приступили к блюдам и напиткам, принесенным из «Деликатессен», небольшого летнего кафе, и сервированным на низком столике.

Потом Гаэтана обеспокоенно спросила:

– Он не рассердился?

– Камилл? С чего бы ему сердиться?

– Но мы так плохо с ним обошлись!

– «Плохо обошлись!»

Мы с Е., смеясь, запротестовали.

– Если он и рассердился, то только из-за того, что мы обошлись с ним чересчур снисходительно – пожурили как ребенка, просто ради смеха! Я не собираюсь преподавать вам уроков, но хотела бы обратить ваше внимание вот на что: если вы не разделяете убеждения, что ваше удовольствие – и его тоже, иными словами, что он находит свое удовольствие в вашем, – то вы будете в проигрыше с самого начала, вы превратитесь, даже не отдавая себе в этом отчета, в рабу своего раба, его душевных состояний, истинных или предполагаемых... Нужно вообразить себе полностью счастливого Сизифа!.. Попытаться, по крайней мере... Разумеется, это не так просто... Даже для меня... Но, возвращаясь к Камиллу, могу вас уверить – он ушел отнюдь не раздраженным!

Солнце скрылось, и наступила ночь. В комнате было совсем темно. Мы зажгли лампы и задернули занавески. Почетный гость должен был позвонить с минуты на минуту. Е. и Гаэтана выскользнули из гостиной. Прислушавшись, можно было отчетливо различить приглушенные

расстоянием звуки... и вот я услышала донесшийся снизу стук двери лифта. Потом лифт остановился на нашем этаже.

Ритуал, если только мне не захотелось бы его изменить (но сегодня об этом речь не шла) был следующим: стоя посреди комнаты, раздеться, начав с обуви, потом снять носки, рубашку и так далее... и наконец трусы. Пока он раздевался, я смотрела на него; что-то в нем изменилось; кажется, он повзрослел. Потом я поняла: это усы, которых я раньше у него не видела, придали ему такой «взрослый» вид. Я сказала ему об этом. Он ничего не ответил. Впрочем, ответа от него и не требовалось.

Я повязала ему на шею вместо поводка красный шелковый шнурок, украшенный кистями с бахромой, а на голову – белый шарф, концы которого стянула на затылке. (Процесс выбора ткани, купленной несколькими днями раньше, поверг продавщиц в изумление. Поскольку нужна была слегка просвечивающая ткань – такая, чтобы под ней были заметны очертания тела, но не более того, – мне пришлось в поисках подходящей разворачивать многочисленные рулоны, растягивать ткань, подносить к глазам, чтобы увидеть, насколько она просвечивает; это вызвало насмешливые замечания, произнесенные *mezzo voce* *, вроде «Чего только на свете не увидишь!» – что в данном случае показалось мне тонким наблюдением.)

В таком виде – с белым шарфом на голове и шнурком на шее – я и ввела его в полутемное святилище, где ожидали мои подруги, сидя на канапе. Гаэтана прошептала: «Негр! Обожаю негров!» Я заставила его пройти перед ней, сначала выпрямившись во весь рост, затем – на четвереньках, чтобы она смогла полюбоваться его продолговатыми изящными мускулами и гибкими движениями

* *Вполголоса (ит.)* (Примечание автора.)

юного хищника, который, даже отдыхая, выглядит так, словно готов к прыжку. «Сколько ему лет?» Я ответила: «Двадцать три». Гаэтана смотрела на него и, кажется, собиралась что-то сказать... но промолчала.

– Полижи ноги своей новой хозяйке.

Сейчас я была распорядительницей, отдающей приказы... Но в то же время я была и рабыней с закрытым лицом. Подчиняясь приказу, я смотрела сквозь ткань на свою новую хозяйку. Потом я склонилась к ее ногам, и ткань облепила мои губы...

Я была распорядительницей, которая организовала весь церемониал... Но в то же время я была и Гаэтаной. Я ждала, когда прекрасное черное тело склонится к моим ногам, я чувствовала прикосновения чужих пальцев к своим лодыжкам, горячее дыхание сквозь ткань...

Е. тоже хотела ощутить жар его дыхания по всей длине своих ног: «Пусть он начнет с пальцев ноги и медленно поднимается все выше!» Едва лишь он начал, как она одернула его: «Я сказала – *медленно!*» Тогда он начал медленно выдыхать воздух, отчего ткань слегка вздувалась вокруг его губ – до тех пор, пока Е. не сказала: «Хватит», после чего он тут же остановился.

Да, этого в самом деле было достаточно... Натянув шелковый поводок, я заставила негра попятиться и объявила ему:

– Незадолго до вас приходил очаровательный молодой человек, чтобы выкупать и одеть нас. В качестве горничной он был превосходен. Но для всего остального он оказался слабоват... не очень вынослив. Пришлось его пощадить. Помните, однажды вы мне сказали, что у вас такое впечатление, словно я сдерживаюсь – вы как будто об этом сожалели! Что ж, сейчас я и в самом деле сдержана... даже слишком! И вы на себе это почувствуете... Впрочем, вы здесь именно для того, чтобы быть нашим козлом отпущения...

Я принесла свою любимую плетку. «Это была плетка, свитая из кожаных ремешков, похожая на те, которые используются в дрессировке собак. От тонкого мягкого кончика до той части, которую держат в руке, она постепенно утолщалась и становилась более жесткой, почти негнущейся, образуя что-то вроде короткой рукоятки». Это описание аналогичной модели, взятое из романа «Образ», наводит меня на мысль, что автор купил ее в том же магазине шорных изделий в районе Оперы, где и я когда-то покупала свою. Недавно я снова туда заходила, и продавец сказал мне, что этот товар больше не производится. («Больше не осталось тех, кто разбирается в таких вещах, мадам!») Я редко ей пользуюсь, приберегая лишь для избранных. Очень жгучая, она позволяет причинить сильную боль лишь слабым движением запястья – лишь бы удар был нанесен точно.

Сдерживаться – мысль об этом приводит меня в ужас. Да и к чему сдерживаться? Все побуждало меня отказаться от этого: и его почти нескрываемое желание, и его кожа, на которой под ударами плети не появлялось, как на коже у белых, багровых рубцов, которые, несмотря ни на что, все же заставляют проявлять некоторую осторожность. Ничто, кроме усталости, не могло помешать продолжать экзекуцию. Вот почему я пришла в крайнее иступление, нанося удары по этой бронзовой плоти. Она конвульсивно подергивалась, но не бунтовала. Она не двигалась с места. Проведя рукой по спине, покрытой потом, я обнаружила вздутые рубцы, к которым на некоторое время приложила ладонь, чтобы немного охладить их.

Ни крика, ни стона... И никаких других звуков, кроме ударов плети, отдаленных раскатов грома и стука первых капель дождя в зашторенные окна.

Гаэтана поднялась и взяла протянутую мною плетку. По тому, как неумело она ее держала, было видно, что она незнакома с этим орудием. Ей доставало уверенности,

чтобы хлестать раба, предварительно не испросив его позволения. («В этот момент, – скажет он мне позже, – я догадался о том, что она начинающая».) Но это не имело большого значения, поскольку она хлестала его с явным удовольствием.

Я приказала ему раздеть ее. Она стояла совсем рядом с ним, выпрямившись в свете свечей. Он снял с нее жакет и блузку, и ее груди оказались прикрытыми лишь тонкой шелковой тканью комбинации. Он должен был смутно различать их, как и очертания фигуры, склоняя коротко остриженную голову перед ее лицом. Раздевание продолжалось, нарочито медленное – то она останавливала его, то он – ее (завтра они снова станут чужими друг другу), пока наконец не дошло до заключительного этапа – полного обнажения. Затем негр в изнеможении вытянулся на ковре. Гаэтана улеглась ему на ноги, так что ее молочнорубельные округлые груди прижались к его бедрам. Опершись на локоть, склоняясь над его лобком, она проводила пальцами по его члену, который начал твердеть. Е, до этого момента не принимавшая участия в происходящем, быстрым движением обвила свободный конец шелкового шнурка вокруг талии Гаэтаны, которая без возражений позволила ей это сделать. Когда она поднялась, то резко увлекла за собой и своего пленника.

Снятие покрова происходило перед служившим жертвенным алтарем сервантом из красного дерева, украшенным медным резным орнаментом. На высоте в половину человеческого роста находилась полка из белого мрамора с голубоватыми прожилками, на которой, между канделябрами, я разложила в нужном порядке орудия жертвоприношения: перчатки, нож, подушечку для булавок. (Лилий не было.) Свечи, зажженные с самого начала церемонии, освещали почти всю комнату; темнота в отдаленных углах лишь усиливала ощущение закрытости.

Перчатки были от Флоранс – из тонкой черной кожи. Черные кружевные вставки на отворотах образовывали затейливые узоры, тянущиеся от кисти до локтя.

Натянув их, я села в кресло, прислоненное к жертвеннику, и негр преклонил колени на бархатной подушке, лежавшей у моих ног. Потом он сел на корточки, раздвинув бедра, выпрямившись и скрестив руки за спиной; отблески свечей образовывали едва заметный ореол вокруг его головы.

Нож был новым. Я купила его в жаркий предгрозовой день в магазине на Таймс-сквер в Нью-Йорке – кнопочный, с остро отточенным, чуть зазубренным лезвием. Просунув пальцы под шарф, которым была обвязана голова негра, я сделала небольшой разрез возле правого глаза. Стала видна радужная оболочка, и я увеличила разрез. Ткань разошлась с сухим потрескиванием. Затем я перешла к губам, и вскоре они тоже появились. На белом фоне они казались еще более темными и мясистыми, почти непристойными. Гаэтана, стоявшая рядом со мной, помогала мне постепенно освобождать лицо от ткани. Она дотрагивалась до отдельных фрагментов, словно знакомясь с ними, по мере того как они появлялись в разрезах, – до тех пор, пока изрезанный шарф не соскользнул на пол, открыв всю голову целиком. Склонясь над негром, Гаэтана восторженно ласкала это вновь обретенное лицо: лоб, щеки, нос. Он смотрел прямо перед собой, не поднимая на нее глаз. Она сказала: «Посмотрите на меня», раздвинув его веки большим и указательным пальцами и пристально всматриваясь в огромное глазное яблоко, белое на черном лице. Потом продолжила свое методичное изучение, перейдя ко рту и попросив показать язык. «Оставайтесь так, – скомандовала она, ощупывая кончик языка большим пальцем, а потом сказала: – Все, можете закрыть рот».

Раскаты грома теперь раздавались совсем близко и были отчетливо слышны в тишине комнаты. Пахло горячим воском. Было жарко.

Когда я снова взяла нож по-прежнему затянутой в перчатку рукой, негр, увидев его, закрыл глаза. Поскольку лезвие было абсолютно безупречным, я сделала, одинаковыми движениями без нажима, три косых надреза на его ключице, над правой грудью. На них тут же выступили маленькие круглые капельки крови.

Я узнала то состояние транса, ту дрожь, которые охватили меня, когда я привлекла его к себе, чтобы слизать тонкую струйку крови с ароматной кожи. Он тоже начал дрожать, словно в резонанс со мной. Когда я отстранилась, то увидела, что он пристально смотрит на меня широко раскрытыми глазами. Я хотела заговорить, но ощутила какой-то комок в горле, словно перед приступом рыданий.

Я быстро отступила назад, снова села в кресло и, приподняв подол платья, вцепилась ему в волосы и просунула его голову между бедер – мне хотелось ощутить прикосновения его мясистых губ и влажного шершавого языка.

Восстановив прежнюю дистанцию, можно было продолжать церемониал.

Гаэтана, к которой недавно присоединилась и F, встав рядом со мной с другой стороны, протянула мне подушечку для булавок. До сих пор я использовала их по одной-две, да и то лишь иногда. Но в этот вечер я хотела, чтобы тело негра оцетинилось ими, как благодарственное приношение или восковая фигурка. Первую булавку из моей коллекции – наметочную, с цветной стеклянной головкой, я безболезненно вонзила ему в грудь. Но у шляпных булавок были гораздо более опасные жала. Для того чтобы они держались вертикально, нужно было вгонять их с большей силой, чем мне до сих

пор приходилось это делать. Большая жемчужная булавка, переливавшаяся всеми цветами радуги, вошла легко. Другие, с головками из кабашона, слишком тяжелыми, едва держались, шатаясь под грузом своих набалдашников. Это было забавно. Интересно, почему Гаэтана отвернулась, испуганно вздрогнув? Что ж, хорошо... Поскольку на теле булавок было уже достаточно, остальные я воткнула ему в шевелюру. В жестких кудрявых волосах они смотрелись как драгоценная диадема – со сверкающими на них стразами, металлическими многогранниками, стеклянными, агатовыми или серебряными шариками. Он был прекрасен, как юный невольник, предназначенный для священного жертвоприношения.

Упершись коленом в пол, схватив негра за волосы левой рукой, чтобы голова его была запрокинута, а горло – открыто, я правой рукой приставила острое кинжала к опасной, уязвимой впадинке, которая едва заметно пульсировала – здесь, совсем близко... Достаточно было надавить... надавить чуть посильнее...

Резким движением я подняла нож под углом к бархатной подушке и с силой вонзила его в затененный треугольник между раздвинутых бедер негра; по ним прошла дрожь, и они инстинктивно сомкнулись в защитном движении – не до конца... но было уже поздно... слишком поздно. Нож вертикально вошел в плоть и тут же вышел. В неверном свете свечей я смотрела на клинок. Он был в крови по самую рукоятку: он пронзил бедро насквозь. Воздух внезапно стал густым и плотным – им невозможно было дышать. Следующие мгновения тянулись гораздо медленнее, чем обычно: мои движения были неловкими и скованными, словно я оцепенела от холода. Я положила нож на мраморную доску. Потом медленно стянула перчатки одну за другой. На большом пальце правой был небольшой разрез. Я положила их

рядом с ножом. Несколько капелек крови упало на мрамор. Я снова взяла нож и провела языком вдоль лезвия, очищая его. Спокойно и методично... Негр медленно откинулся назад, опираясь вытянутыми руками о пол. В волосах его вспыхивали стеклянные и перламутровые капельки булавочных головок, образуя мерцающий ореол. Он не произнес ни звука и даже не смотрел на свою рану, откуда блестящей красной лентой стекала кровь, струясь по бедру и впитываясь в бархатную подушку, уже покрытую густыми темными пятнами. Сначала одна шляпная булавка, за ней другая, выскользнули из его волос и упали на ковер. Я услышала, как дождь барабанит в стекла за двойными бархатными занавесками, иногда с силой хлещет в окно под порывами ветра, стучит по оцинкованным навесам внизу, во дворе...

Я смотрела на бегущую кровь... Негр не шевелился, все еще неподвижно откинувшись назад и закрыв глаза. Я видела, как кровь потоком струится по его темной коже. Я чувствовала, как впадаю в нежное неодолимое забытьё, в оцепенение, которое вызывает у меня желание печали и смерти.

«Боже мой, боже мой!...» Мой приглушенный стон встревожил Ф. и Гаэтано, которые до этого были всецело заняты друг другом. Они ничего не видели, начиная с момента погружения лезвия в плоть – ни крови, запятнавшей его, ни всего остального. После того как я нанесла удар, они принялись обниматься. Не произошло ли все слишком быстро, в темноте и молчании?

Ф. бросила на негра беглый взгляд и прошептала: «Ничего страшного... рана неглубокая...» Хотела ли она успокоить себя или нас? Я знала, что рана достаточно серьезная и что за видимым разрезом скрывается еще один, более узкий, на другой стороне бедра, – но я не стала ее разубеждать. Негр наконец открыл глаза и взглянул на

меня, но ничего не сказал. Пока Ф. искала бутылку со спиртным, эфир, бинты и вату, он сидел, вытянув ноги, осторожно устроив раненое бедро (левое) на пропитанной кровью бархатной подушке.

Ф. встала на колени напротив меня. Склонившись над жертвой, полулежавшей на полу (одна нога вытянута, другая полусогнута), она стерла кровь и остановила кровотечение, обнажив розовую рану, которую принялась обрабатывать при свете двух свечей, принесенных Гаэтаной и мной... Фонарь, который держала в руке прислужница (рабыня), подняв его вверх, освещал всю картину: святая Ирина, стоя на коленях, врачевала раненого святого Себастьяна, лежавшего у ее ног; обнаженный мужчина, опершись на локоть, вытянув одну ногу и полусогнув другую, смотрел на молодую женщину, хлопочущую над ним. Их лица не выражали ни боли, ни скорби – одну лишь крайнюю сосредоточенность. На теле мученика, чудесным образом уцелевшего, была всего лишь одна рана – на левом бедре, откуда целительница осторожно извлекла обломок стрелы... Рана на левом бедре, на которую Ф. осторожно наложила повязку... За пределами круга света, образованного исходящим от их тел сиянием, не было ничего, кроме тьмы...

Странно, но никто даже и не подумал зажечь лампы. Без сомнения, всеми владело полусознанное желание продлить на несколько минут этот странный сон, где кровавая рана и исцеление были чарующими и закономерными добавлениями к церемониалу, в котором они изначально не предвиделись; оттянуть тот момент, когда вторжение электрического света станет сигналом возвращения к реальности, в которой жертвенное кровопролитие – всего лишь кровотечение, а удар ножом сулит неприятные последствия. И в то же время это был отказ от «продолжения», хотя, поскольку кровотечение

наконец остановилось, инцидент можно было считать исчерпанным и не слишком серьезным.

Мы окончательно успокоились, когда увидели, как негр без особых усилий поднялся на ноги и последовал за Гаэтаной, которая первой направилась в гостиную. Там, как я уже говорила, были приготовлены прохладительные напитки и закуски (фрукты, сласти, фруктовое пюре), которые оставил для нас прислужник, согласно заведенному обычаю. Нам с Е. пришлось сначала позаботиться о том, чтобы замыть пятно крови, только что обнаруженное на ковре – на первый взгляд незначительное, но на самом деле пропитавшее толстый ворс насквозь. Но в процессе тщательной очистки оно постепенно уменьшалось, пока, наконец, полностью не исчезло. Ущерб был исправлен.

Гаэтана и негр, как ни в чем не бывало, вернулись к своим играм: он, снова возбудившись, склонился к ее ногам, благоговейно облизывая их, между тем как она одну за другой подала виноградинки, отщипывая их от большой кисти, лежавшей в стеклянной вазе.

Нам не стоило оставлять их одних. Негр, который мог при желании оставаться совершенно неподвижным, теперь находился в постоянном движении, как будто ему доставляло удовольствие менять позы. Можно было подумать, он счел своим долгом пренебречь всякой осторожностью – даже сделать это демонстративно! Конечно же, его рана снова открылась и начала так сильно кровоточить, что два больших полотенца, поспешно принесенные нами, тут же полностью промокли. Остановка кровотечения позволяла надеяться, что, если он не будет много двигаться, все уладится само собой. Но, разумеется, ничего подобного не случилось: пришлось накладывать новую повязку. Когда я уже собиралась это сделать, то увидела опасное вздутие на коже, образовавшееся

вокруг разреза. И тут же поток крови хлынул мне на руку: подкожное скопление прорвалось наружу.

Я ощутила приступ дурноты, словно ледяной покров сдавил мне грудь, мешая сделать вдох – должно быть, это и называется «облиться холодным потом».

Время словно застыло; но вот тишину прорезал чей-то голос (кажется, мой), который говорил о больнице, о наложении швов... Нельзя было терять ни минуты. Негр не сопротивлялся. Гаэтана предложила отвезти его в своей машине.

С ногой, обмотанной корпией под слоем непроницаемой ткани, одетый в какие-то случайно подвернувшиеся брюки, чтобы не запачкать собственные, негр расположился на заднем сиденье машины, где смог наконец вытянуть ногу. Было уже поздно. Улицы опустели. Дождь снова полил как из ведра. Порой «дворники» с трудом справлялись с потоками воды, заливавшими лобовое стекло. По радио говорили о радостных толпах, веселящихся под дождем на площади Бастилии.

У входа в больницу, возле боковой аллейки, стоял человек в белом халате, очевидно, решивший подышать свежим воздухом возле стеклянных дверей. Он подошел к нам и спросил: «Что случилось?» Я ответила: «Ножевое ранение». И добавила, что рана снова может открыться. Поэтому в кабинет неотложной помощи негра отвезли на каталке. Мы с Гаэтаной тоже хотели туда войти, но нам не разрешили и отправили нас в комнату ожидания, расположенную по соседству. Стены ее были выкрашены в зеленый цвет. Ожидание затянулось. Дежурный врач, которого не оказалось на месте, должен был «вот-вот подойти». (Может быть, из-за отсутствия пациентов он тоже пошел веселиться на площадь Бастилии?)

К счастью, Гаэтана была не столько утомлена, сколько возбуждена неожиданным оборотом вечеринки,

закончившейся в больнице, среди ароматов дезинфекции, в зеленой комнате, освещенной неоновыми лампами и мебелированной дерматиновыми стульями с металлическими ножками – никаких излишеств, даже старых потрепанных журналов, которые машинально листаешь, чтобы хоть ненадолго отогнать тревогу, заставляющую вас думать о том, что всего в нескольких сантиметрах от вас, возможно, находится изуродованное тело; в любом случае, вы уже согласны на все, кроме этого: уродство, увечье...

Время шло и шло. Гаэтана больше не могла здесь оставаться, и в результате мне пришлось отправляться за собственной машиной. «Я вернусь примерно через полчаса, хорошо?» – «Хорошо», – ответила из-за своей конторки дежурная медсестра.

Вернувшись, я не пошла в комнату ожидания и села на стул в вестибюле. Здесь тоже никого не оказалось, но, по крайней мере, свет был не таким резким. Вскоре появился негр, он нес пропитанное засохшей кровью полотенце, которым раньше было обвязано его бедро. Он мог бы выбросить его, если только не собирался сохранить в качестве трофея, поскольку у меня не было особых планов, касающихся этой реликвии. Он предпочел его выбросить.

Он без особых усилий расположился на заднем сиденье машины: судя по всему, калекой он не стал. Тем не менее, разве не стоило бы врачу, наложившему швы на обе раны, оставить его в больнице еще на несколько часов, чтобы проследить, не образуется ли гематома?

Дождь прекратился. В этих кварталах, далеких от центра, уличного движения почти не было. Мы быстро доехали до многоквартирного дома, в котором он жил вместе с родителями.

Итак, все закончилось.

Закончилось? Не так быстро! В снова обретенном одиночестве передо мной, сначала в темноте, наполнявшей

спальню, потом в рассветном полусумраке чередой проходили одни и те же картины, сменяясь с неизменной последовательностью: нож, зеркальный отблеск стали, кровь на клинке, клинок на мраморе, блестящая кровь на черной коже, темные пятна на красной бархатной подушке, пятно на ковре... Заключительная сцена снова переходила в начальную, словно раскручиваясь по спирали, уходящей в вечность... Я пыталась избавиться от видений... но нет, не стоило... Из-за постоянного повтора они наконец утратили силу: кровь свернулась, а пятно слилось с узорами ковра.

Однако на следующий день оно появилось. Накануне мы тщательно оттирали его влажными салфетками, и оно постепенно становилось все менее заметным, пока полностью не растворилось. Но теперь оно снова было здесь, упорно не желая исчезать. Оттертое заново, оно наконец стало едва различимым, почти слилось с узорами ковра. Оно и теперь все еще здесь, заметное лишь посвященным, для которых стало простым воспоминанием...

Однако на следующий день негру пришлось опираться на костыль при ходьбе. В течение многих недель он должен был регулярно ездить в больницу, где, судя по всему, потеряли рецепт чудотворной мази, от которой в садистских сказках как по волшебству исчезают нанесенные в безрассудстве раны и синяки. Но в дальнейшем его бедро снова обрело изящные очертания, а он сам – прежние авантюристские склонности, которые на какое-то время впали в спячку. Он полностью выздоровел и был готов начать все сначала.

Мари прервала чтение и воскликнула:

– Готов начать сначала? Поразительно!

– Да... По дороге из больницы домой он только и спрашивал, что мы думаем о нем, о его манере держаться. Я заверила его, что, по нашему общему мнению, он был восхитителен... Именно это он и хотел услышать... Я

спросила, ощутил ли он нож сразу после того, как тот вошел в плоть. Он ответил: «Сначала я лишь почувствовал резкий укол, но тут же понял, что это удар ножом». Когда я упрекнула себя, что не дала ему знать о своем намерении заранее, тем или иным способом – что могло бы помочь избежать фатального резкого движения, – он перебил меня: «Очень хорошо, что вы этого не сделали! Иначе какой риск?» Когда мы прощались, он, уже взявшись за ручку дверцы, заявил: «Если бы можно было повторить все снова, я бы немедленно согласился и не стал бы ничего менять. Я пережил в этот вечер что-то необыкновенное (он подчеркнул слово «необыкновенное»). Да, это было удивительно...»

Я смотрела, как он идет по тротуару, с трудом сгибая раненую ногу. Можно было подумать, что он недавно побывал в эмпирее, чьим разреженным горним воздухом дышат лишь небожители – небольшая горстка избранных, среди которых – и святой Себастьян, рядом с которым он оказался благодаря кровавому испытанию, наконец-то признанный равным ему.

Если такая аллегория кажется вам слишком напыщенной, вы ничего не знаете о невероятной гордыне этих «рабов», которая звездой горит у них на лбу, помогая узнавать друг друга.

А я – готова ли я была начать все сначала? В долгие тяжелые часы той ночи я от всего отказалась. Хотя я понимала, что негр был прав, что целью этого испытания был именно риск, который стал ему наградой, – неотвязная мысль о том, что еще совсем немного, буквально несколько сантиметров... и что я не исполнила своего намерения в точности, – я разом отказалась от всего, даже от невинных удовольствий, даже от всякого «камиллства».

Мои решения вскоре слегка изменились, и я уже представляла, для чего может послужить жертвенная подушка. Это была вполне мирная сцена, где новый прислужник вслух читает мне избранные страницы из «Венеры в

мехах», отмеченные мной, преклонив колени на этой подушке возле камина. Он удивится, увидев на ней темные разводы и ощутив, что она шероховата на ощупь, словно накрахмалена. Но он ничего не скажет. Я это знала.

Иногда мне случается раскрывать нож. На лезвии возле рукоятки остались, различимые при повороте под нужным углом, тонкие темные штрихи. Потом я закрываю его и кладу на прежнее место, между мундштуком и подушечкой для шляпных булавок.

Я больше не покупаю холодного оружия, ни на Таймсквер, ни в других местах – если не считать совсем крошечных ножичков, которые используют при нарезании маленьких зеленых лимонов для тропических коктейлей. Тогда мне приходится проверять кончиками пальцев остроту и тонкость лезвия. Обычными столовыми ножами я тоже пользуюсь.

Жизнь понемногу возвращается в прежнюю колею. Иногда даже кажется, что ничего не произошло – только на левом бедре негра сохранились два параллельных шрама, почти одинаковых, а в моей руке – незабываемое острое ощущение ножа, который входит в плоть, не встречая никакого сопротивления. Это было до странности легко...

Мари вернула мне рукопись, предварительно убедившись, что страницы сложены по порядку.

– Ты права: хорошо, что меня при этом не было. От вида крови у меня мороз по коже... Я могла бы не выдерживать...

– «Мороз по коже» – то же самое сказала и Гаэтана, когда я спросила ее, почему она так испугалась, увидев, как я втыкаю в кожу негра шляпные булавки.

– Мне бы хотелось познакомиться с этой Гаэтаной! И знаешь, я не замечала за тобой такого пристрастия к ножам!

– Я и сама не замечала... Я всегда избегала смотреть на витрины с холодным оружием – они внушали мне страх...

– А кто автор картины?

– Какой картины?

– На которой святая Ирина исцеляет святого Себастьяна.

– Жорж де Ла Тур. Выпьешь что-нибудь?

– С удовольствием... Добавь немного сока зеленого лимона... Я надеюсь, ты опишешь церемонию клеймения Себастьяна.

– Я это уже сделала. В рассказе «Клеймо».

– А как насчет сцены, о которой ты мне рассказывала – в туалете у J.V.?

– Нет. Что касается таких непристойностей – я могу их пережить, рассказать – с трудом, написать – нет...

– Хорошо, есть еще тот день в Опере и, конечно, парадный ужин!

Через некоторое время Мари добавила:

– Я спрашиваю себя, по некоторому размышлению, не стоит ли тебе убрать мои вопросы. Они ничего не добавляют и превращают все это в литературу...

Превращать в литературу – вот в чем опасность!

Катрин Роб-Грийе

ИНТЕРВЬЮ С
ЖАННОЙ ДЕ БЕРГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это может начаться с обычного разговора за завтраком, когда речь заходит о последней модной книге, и собеседники принимаются обсуждать ее с таким воодушевлением, что разговор переходит в спор, и, продолжая его, говоришь себе, что он вполне мог бы стать темой для интервью – почему бы и нет? Именно это и произошло с нами в прошлом году в Сомюре дождливым весенним днем, за разговором о «Сексуальной жизни Катрин М.»¹. Мы – это Ирен Френ и я, Катрин Роб-Грийе. Я уточняю это потому, что разговор с самого начала велся между двумя женщинами и касался наших женских реакций на это захватывающее произведение. Потом, ради удовольствия, мы продолжили нашу беседу в Париже, встретившись в отеле Изящных искусств, в летнюю жару, и на сей раз она превратилась в интервью – Ирен Френ, с блокнотом в руке, принялась расспрашивать Катрин Роб-Грийе. И, разумеется, двойник последней, Жанна де Берг, появилась очень быстро, уже с первых фраз. Позже, осенью, уже одна, внося исправления в запись беседы, я сделала их ответы более подробными, и в результате получилась эта небольшая книжка.

Катрин де Берг

¹ «Сексуальная жизнь Катрин М.» (2001) – автобиографический роман арт-критика Катрин Милле, ставший бестселлером (русский перевод 2004)

– Вы были достаточно близки с Катрин Милле, чтобы войти или часто бывать в том мире, который можно назвать «оргиастическим»; как вы относитесь к ее свидетельствам?

– Мне с самого начала было интересно увидеть описание святилищ этого мира, который я в самом деле посещала лишь изредка, прежде всего из любопытства, в ту великую эпоху беспутства, тогда как она принадлежала ему всецело. У нее интересная манера описания: с неожиданных сторон (количество действующих лиц, место действия и т.д.), отстраненным тоном, очень сдержанным языком, избегающим тех крайностей, которые свойственны произведениям порнографического характера. Больше всего мне нравится, что она смотрит на себя как бы со стороны, словно говорит о двойнике, который одновременно и она сама, и кто-то другой: Катрин М. – это и Катрин Милле, и другая женщина.

– А вы каким-то образом присутствуете в ее творчестве?

– В ее стиле – да, конечно; но также и в подробном описании тех мест проведения «оргий», которые я посещала, при этом, как я уже говорила, не принадлежа к числу постоянных участников. Я узнавала себя и по некоторой застенчивости, послушности, неспособности «приказывать» (когда «другие» должны сами догадываться о ваших намерениях), – качествам, которые в молодости были мне присущи; по сладкому опьянению, забытию, когда словно погружаешься в волны неизмеримого океана; по той легкости, с которой отделяешь сексуальную жизнь от чувствительной. Мне также нравится точность ее описаний, и в особенности ее мастурбационные сценарии; по этому поводу я спрашивала ее, не потеряют ли они свою силу, воплощенные при свете дня; смогут ли они быть действенными при свете; и она ответила: да; что

касается меня, когда я вижу их выставленными на свет, они теряют всю свою действенность, обесцениваются.

– Некоторые упрекают автора этих сочинений в излишнем нарциссизме. А вы не замечали за ней этого свойства?

– Лично я в принципе не испытываю враждебности к нарциссизму: все зависит от «Нарцисса». В данном случае я нахожу упрек необоснованным: конечно, она смотрит на себя, обращается к себе, пишет о себе очень подробно, но без особого самолюбования; таким образом, этот подводный камень, если он и есть, она обходит; упрек в эксгибиционизме кажется мне более справедливым. Ее безоговорочные сторонники пытаются отклонить его, приводя в качестве аргумента тот факт, что ее книга – литературное произведение, как будто это само по себе создает преграду для эксгибиционизма и, как следствие – для читательского вуайеризма; мне трудно представить, что Катрин Милле с тем же успехом смогла бы продать больше ста тысяч экземпляров эссе о понятии пространства в современном искусстве. Отвергать подобный упрек – значит скрывать свое истинное лицо! Что до меня, я не нахожу ничего предосудительного в эксгибиционизме как таковом: опять же все зависит от эксгибициониста, от того, кто именно выставляет себя напоказ и как.

– Какая связь между нарциссизмом и эксгибиционизмом в сексуальной сфере?

– Нет, одно не связано с другим: можно любить выставлять себя напоказ, не имея при этом особой склонности к нарциссизму или обладая ею в той же степени, что и любой другой человек; можно обвинить меня в эксгибиционизме, поскольку я описывала в книге эротические церемонии, которые сама устраивала (по крайней мере, некоторые из них) и поскольку я охотно

демонстрирую себя на садомазохистских вечеринках, в импровизациях, которые я устаиваю с теми и над теми партнерами, которые сами любят выставляться напоказ – не являясь, насколько я знаю, сильно склонными к нарциссизму (впрочем, это относится и ко мне). В этом случае вуайеристы (вуайеристки) являются нашим естественным дополнением, и между ними и нами на время устанавливается связь – сильная и напряженная, как и само удовольствие. Все это знают (во всяком случае, всем стоило бы это знать). Эксгибиционизм также играет роль в моей личной сценографии, но в меньшей степени.

– Не кажется ли вам, что в рассказах Катрин Милле кое-что вымышлено?

– Я так не думаю. Алэн Роб-Грийе (мой муж) утверждал, что ее рассказы частично вымышлены, потому что не мог вообразить, что нормальные женщины, без психических отклонений, способны предаваться подобным сексуальным извращениям. Но в этой сфере, как и в физической, нет равенства: некоторые обладают достаточной выносливостью, чтобы поддерживать сексуальную активность, которая показалась бы другим совершенно невозможной.

– Но как можно выдержать подобный разгул психологически? Существуют ли какие-то способы психологической тренировки, или же здесь, как и в физическом плане, все дело в выносливости?

– Это вопрос воображения. К. М. абсолютно ясно высказывается на этот счет: она слишком рано стала одержима многочисленностью партнеров (смотрите главу «Множество»); ее мастурбационные мини-сценарии еще более ясны и разворачиваются в том же направлении – быть «отданной на съедение» множеству мужчин, которые ее используют, не слишком заботясь о ней, как простую самку, предназначенную для удовлетворения

мужского желания, на которое она отвечает, не делая из этого истории, и которое даже стремится предупредить; здесь она создает совершенный образец некоей разновидности женского подчинения: пассивной, «ложись без разговоров!», всегда безотказной, всегда готовой («недостаточно смелой, чтобы отказать»). Она, не скупясь, без колебаний придумывает унижительные ситуации и выбирает партнеров, в которых есть что-то отталкивающее. Зачем же в таком случае ей обращаться к каким-то «способам психологической тренировки», если все происходящее во время ее оргий совпадает с ее вымыслом? В том, что она переживает свои фантазии наяву, для нее есть что-то от исполнения художественного замысла! Что было бы действительно трудно перенести – так это провал, крах, да еще в одиночестве, без поддержки – это усугубило бы его; но она, как и я, пользуется постоянной поддержкой (у меня для этого есть Алэн, у нее – Жак Анрик), прочной связью, которая смягчает издержки сексуальной, эротической жизни, выходящей за пределы норм: групповые оргии, даже если они имеют для нее большое значение, не являются единственным содержанием ее жизни, так же как мои церемонии не являются единственным содержанием моей.

– Но существуют не только общественные нормы – существует также, как вы уже говорили, время фантазий.

– Конечно. Большинство женщин, насколько я знаю, не находят ничего особенно привлекательного в идее многочисленных партнеров. Если они и ходят в свингер-клубы, то лишь для того, чтобы доставить удовольствие своим мужьям или любовникам, которые этого пожелали; сами они соглашаются на это из любви, из любопытства, ради того, чтобы осуществлять над своими спутниками тайный контроль (а, скорее всего, по всем трем причинам сразу). Некоторые, получив от этого опыта удовольствие, в конце концов говорят себе: «Это он меня

сюда притащил, хотя я была против. Я бы хотела сюда вернуться, но одна. Он играл в «учеников чародея» – тем хуже для него!» Так произошло с одной моей подругой, которая приобрела вкус к подобным вещам и, обладая достаточно властным темпераментом, предпочла «господство» – из присутствующих мужчин выбрала тех, кто ей понравился, и сказала: «Вы, вы и вы... остальные не стоят труда!» Но, как мне говорили, таких мало – тех, кто решил подобным образом предаться групповым сексуальным развлечениям и ходит в свингер-клубы без спутника и компании.

Наиболее раскованные – часто наиболее заметные. Я вспоминаю одну дружескую вечеринку в начале 70-х годов – ближе к ночи настоящую сенсацию произвело появление среди гостей юной блондинки с роскошными формами, очень эффектной. Едва войдя, она тут же принялась раздеваться (все остальные были одеты), а затем легла на пол и, раздвинув ноги, начала громко произносить провокационные фразы, крайне непристойные; я была ошеломлена, но в то же время зачарована такой невероятной наглостью и бесстыдством. Было заметно, что для части собравшихся вечеринка сразу же приняла неожиданный оборот, и они поспешили удалиться. Что сделала я? Кажется, я тоже не задержалась. Потом я узнала, что эту валькирию звали Сильвия Бурдон, и что она была одной из наиболее известных участниц парижских оргий того времени.

Женщины, которые, будучи приведены на такие вечеринки друзьями-любовниками, хотят видеть себя, подобно Катрин Милле, покорными, подчиняющимися, позволяющими делать с собой все, образцовыми «сексуальными объектами», вызовут вожделение, даже если они не очень молоды и не очень красивы. Они тоже, пусть не столь заметно, более тонко, заставляют подчиняться себе.

– Что вы хотите этим сказать?

– В мире свинга и в мире садомазохизма – нужно особо подчеркнуть, что они не смешиваются друг с другом и пересекаются, скорее, в порядке исключения, – женщины являются королевами, потому что, как я уже говорила, именно мужчины чаще всего являются потребителями; объект этого потребления – женщина; и если бы владельцы клубов оставили такую ситуацию без внимания, то в клубах было бы гораздо больше мужчин, чем женщин. Заботясь о равновесии, в клубах не приветствуют одиноких мужчин – их либо не впускают, либо заставляют платить за вход. В частной сфере все обстоит иначе: недавно один муж-свингер представил своей жене на 38-летие целое дефиле из тридцати восьми мужчин в качестве подарка (какой же выносливостью надо обладать!) Выполняющая, на первый взгляд, всего лишь функцию «самки», женщина тем не менее – редкий товар; она это знает, и те, кто хочет ее иметь, это знают тоже. Впрочем, Катрин Милле считает их весьма предупредительными: когда она, устав, хочет остановиться, они не протестуют: именно она – распорядительница на этих празднествах. Что бы ни происходило в свингер-клубах, где их «употребляют», или в садомазохистских, где их «не употребляют» (или делают это лишь в качестве дополнения к основным действиям), – то, что я сказала, остается в силе: женщины здесь – королевы.

– А почему женщин настолько меньше, чем мужчин? Влияние культуры?

– Это распространенное объяснение, в котором изначально присутствует мысль о том, что равенство полов приведет к угасанию влияния культуры и к гармонизации желаний... Может быть, может быть... В настоящее время, хотя западные женщины добились экономической независимости, мне не кажется, что их отношения с мужчинами в этом смысле фундаментально изменились.

– *Может быть, эти желания сформированы социальными моделями?*

– Я в этом не убеждена. Я думаю, у большинства женщин иная психология эротизма. Равенство между мужчинами и женщинами достигнуто во всех сферах, кроме этой: в женском эротическом воображении есть какое-то твердое ядро, которое этому сопротивляется.

– *Вы хотите сказать, что территория женских сексуальных навыков не может, как в политике или в работе, быть расширена за счет освобождения нравов? Или, иными словами, то, что коренным образом отделяет мужчин от женщин, – это не протяженность сексуальной территории, а то, что на ней находится?*

– Совершенно верно. Именно это несовпадение определяет гетеросексуальные отношения, и не нужно на него сетовать: если бы оно исчезло, то женщины, чьи вкусы выходят за рамки обычных, в том числе я и мне подобные, утратили бы свою привилегию – не быть великим множеством; например, в замкнутом мире садомазохизма, где я играю, помимо прочих, особую роль – распорядительницы действия.

– *Что вы при этом хотите испытать? Чувство всемогущества, в котором вам отказано в повседневной жизни?*

– На самом деле, это чувство вторично, и не оно заставляет меня придумывать и воплощать недолговечные театральные сцены, в которых эротизм драматизируется. Когда они удаются – да, я в самом деле испытываю ощущение всемогущества, но прежде всего – эйфорической полноты.

– *Почему вы говорите о театре?*

– Потому что здесь эмоция вызвана, порождена, создана в рамках сценографии, обстановки, актерской игры, условности, с некоторой долей эстетизма.

– *Вы создали некую антологию избранных церемоний, которые проводили?*

– Да, я описала некоторые из них в книге «Женские церемонии» (под псевдонимом Жанна де Берг) и собираюсь скоро закончить редактирование другой книги, сюжет которой довольно рискован, но развивается крайне интересно: дело происходит в Париже, в художественной мастерской, где какое-то время жил Мэн Рэй со своей натурщицей, Кики с Монпарнаса, у которой была фигура виолончели.

– *Ваш муж знает о ваших церемониях?*

– Да, но он остается посторонним наблюдателем: он в них не участвует.

– *Вы говорите о них между собой?*

– Конечно.

– *Каким образом?*

– Ален спрашивает меня о новостях моего небольшого круга посвященных, о тех, с кем он знаком, пусть даже только по телефону, и о том, довольна ли я ими. Он также интересуется моими проектами, моими «произведениями» – поскольку речь идет именно о творчестве, и именно так он воспринимает мои церемонии.

– *Он знаком с вашими сценариями?*

– Иногда я ему о них рассказываю, уже после того как они были воплощены, если это его интересует. Но раньше – никогда, чтобы не «дефлорировать» их преждевременно.

– *Ваши рассказы порой вдохновляют его?*

– Не думаю, скорее наоборот: меня саму однажды вдохновил один из его фильмов, «Нарастающее удовольствие». Я воссоздала из него известную сцену с разбиванием яиц,

однажды ночью, в комнате, где раньше жил Андре Жид, в замке Серизи-ла-Залль, где проходило собрание отъявленных роб-грийанцев, среди которых я выбрала самых способных и хорошо сложенных. Фильм был показан днем, и хотя это оставалось в секрете, по крайней мере, официально, вскоре распространился слух, что «что-то произошло». На следующий день об этом много судачили. Интересно, как отнеслись к этому духи предков Жида!

– Вы все время говорите об «организации». Вы пишете предварительные сценарии?

– Для заранее продуманных церемоний – да, всегда. К этому добавляется перечень участников, аксессуаров, указывается музыкальное сопровождение, представляемое в зависимости от обстановки, потому что зачастую меня вдохновляет именно обстановка: набережная Сены, лестница со стеклянными витражами 1900 года и т. д. Потом я стараюсь как можно точнее реализовать свой замысел с помощью одной или двух подруг. Удовольствие уже в том, что придумываешь все заранее. На предварительной стадии это прекрасно: как во сне, когда события разворачиваются без помех.

– Можно подумать, вы говорите о кино или театре. Вы также проводите кастинг для своих будущих «актеров», как вы их называете?

– Да, кандидатуры из тех посвященных, чья решительность и способности мне известны, обдумываются и утверждаются заранее. Существуют и «прослушивания», очень увлекательные сами по себе, где отбираются наиболее талантливые. Но отличие от театра состоит в том, что в театре существует предварительно написанный текст, известный актерам, и они разыгрывают одни и те же роли множество раз (по крайней мере, это желательно!) У меня представление проходит

только один раз, и сценарий актерам неизвестен. Все должно быть неожиданным, за исключением даты. Время прибытия участников рассчитано так, что они не встречаются друг с другом до выхода на сцену. И попав туда, они должны действовать по законам моей эротической и театральной вселенной. Это идеал, и я должна в это поверить.

– Есть что-то маниакальное в этих приготовлениях и в манере все контролировать...

– Да, я признаю. Кроме того, когда я разработаю сложную мизансцену, я устраиваю репетицию с участием других актеров, не тех, кто будет участвовать в настоящем действе, чтобы не пропало необходимое условие – неожиданность.

– Тем не менее, наверное, происходят разные вещи...

– Да, конечно. Репетиция, вероятно, всегда содержит в себе эротические мотивы. Но актеры знают с самого начала, что они лишь дублеры и не будут настоящими участниками церемонии.

– Это их огорчает?

– Кого-то да, кого-то нет. Но меня это не слишком заботит.

– Должно быть, требуется невероятно много времени, чтобы организовывать подобные церемонии и воплощать в жизнь то, что обычным смертным может показаться явлениями параллельного мира...

– Дело не столько во времени, сколько, прежде всего, в возможности не отвлекаться ни на что другое. Но мне и в самом деле не хватает времени, чтобы заняться разработкой мизансцены, которую я мечтаю воплотить где-нибудь на публике (пока не знаю точно, где). Однако я уверена, что рано или поздно это произойдет.

– Ваши церемонии происходят с определенной периодичностью?

– Нет, в этом случае они приобрели бы обязательный характер, что могло бы привести их в упадок! Что мне нравится больше всего – встреча привлекательных персонажей, открытие обстановки, которая сама по себе обязывает, неожиданный поворот темы и в особенности – совмещение трех персонажей, которое позволяет мне воплотить желание, сформировавшееся уже давно: например, борьба между двумя молодыми людьми, красивыми и мускулистыми: я как раз знаю одного такого, и как только я найду ему партнера, эта сцена обязательно будет поставлена.

– Как вы отыскиваете тех, кого называете «актерами»?

– После выхода «Женских церемоний» я получила множество запросов от добровольных кандидатов – в виде писем, направленных моему издателю. Какое-то время я давала небольшие объявления в «Либерасьон», потом время от времени – в других местах. Были также уже упомянутые мною «прослушивания», которые я устраивала вместе с моими подругами; между нами происходил также обмен информацией, предоставление кандидатур «напрокат»...

– По каким критериям производится отбор? Я полагаю, ваши актеры всегда молоды и красивы?

– Да, разумеется, но одного этого недостаточно. Если речь идет просто о ком-то любопытном, оказавшемся у меня случайно, он меня не интересует, как бы красив он ни был! Нужно, чтобы я чувствовала его страсть, волнение, решительную готовность если не ко всем, то к очень многим вещам. Не слишком молодые и не слишком хорошо сложенные также могут быть признаны подходящими. Молодые, красивые и одновременно «верующие» –

вот идеал. Но все же уточню: я менее требовательна, если мне нужен какой-то определенный состав участников и если я знаю, что вижу их в первый и последний раз.

– Если сравнить с рассказами Катрин Милле, какова специфика тех церемоний, которые вы устраиваете?

– Как я уже говорила, нас обвиняли именно в нашей манере разделять, в какой-то степени, сексуальное и чувствительное, что обычно не принято делать. За исключением этого, мы – прямая противоположность друг другу. Катрин Милле хочет видеть себя «женщиной-объектом», которую используют без всяких церемоний, без вступлений, сразу же, по прямому назначению, если можно так выразиться. Я же вижу себя «женщиной-субъектом», главным действующим лицом в игре, с ее медленным развертыванием, с преамбулами, с обрамлением желаний, перемещением сексуальности... Грубо говоря, в рассказах Катрин Милле «трахаются», на моих церемониях «не трахаются» или делают это редко – не в этом цель. Мне кажется, все это вытекает из того, о чем я говорила раньше.

– Чтобы обострить желание?

– Да, конечно, но еще и для того, чтобы избежать досадной, на мой взгляд (и не только на мой) банальности. Возьмем, к примеру, язык: он с юмором вводит шаблонные выражения в обиход участников оргий, полагая их, с полным на то основанием, частью общего достояния. Я их не использую. Почему? Чтобы они, внезапно возникнув, сохранили все свое разрушительное могущество и изначальный смысл. Катрин Милле охотно использует слово «жопа», непринужденно и спонтанно (при обозначении органа и действия); я – нет: если вдруг во время моих церемоний оно произносится, что бывает крайне редко, это вызывает шок, так же как и обращение на «ты», тогда как я в основном обращаюсь ко всем на «вы», или употребление непристойных выражений –

тогда как я использую правильный и даже слегка чопорный язык. Одним словом, речь идет о профанации.

– Все, что вы говорите, означает, что сексуальность для вас – это чистая конструкция воображения...

– И да, и нет. Есть не только символ, видимость. Есть еще и реальность, которая возбуждает нас, странных людей: пощечина – это пощечина, удар кнута – это удар кнута, который может причинить сильную боль, каблук, вонзающийся в плоть – это настоящий острый каблук, борьба – это не притворство. Однако все это находится в обрамлении искусственно созданной драматизации.

– Вы часто используете слова, которые относятся к религиозной сфере.

– Да: речь идет о религии без трансцендентальности; я пытаюсь вновь напитать ощущением святости и тайны ту область, которая уже давно его лишилась: мода тут ни при чем...

– Говорили, что книга Катрин Милле пробуждает в памяти минувшую эпоху 70-х. Что вы думаете о ее взгляде на то время?

– Он представляется мне справедливым, насколько я могу об этом судить. Я побывала как минимум однажды во всех тех местах, которые она описывает, открытых для всех или только для избранных. Некоторые уже исчезли. Я больше не слышу о тех великолепных частных вечеринках, где можно было в свое удовольствие предаваться эйфории физического слияния. Или, может быть, я плохо осведомлена.

– Почему так произошло?

– Сложно сказать... Прежнее поколение состарилось, остепенилось. Некоторые выдающиеся фигуры той эпохи уже мертвы, как тот распорядитель парижских оргий, владелец необыкновенной виллы, хорошо известной в

эпоху непрерывных сексуальных развлечений, находящейся в долине Шеврез, окруженной высокими стенами, похожей на пещеру у подножия каменистого откоса горы. Одна из ее стен была стеклянной, и сквозь нее можно было видеть, как резвятся приглашенные в бассейне. Кроме необходимых диванов, там была необычная мебель – кресло из оленьих рогов, предоставленное Кокто, и еще, кажется, гинекологический стол и исповедальня. Другие, кто устраивал подобные вечеринки в просторных апартаментах, пресытились; они переженились, завели детей... Ничего не поделаешь – такова жизнь!

– К тому же появился СПИД...

– Да, конечно, это тоже: групповой секс стал внушать ужас. Использование презерватива быстро остановило эту долгую сексуальную экспансию, грандиозную и буйную.

– Не появятся ли вместо этого менее элитные способы развлечений – товары массового потребления, которые уже существуют в сфере путешествий и моды?

– Думаю, да – такие места, как Агдский мыс, о котором мне рассказывали, свингер-клубы, куда открыт доступ для всех...

– Что вы думаете об этих клубах?

– Как я говорила, в основном я посещаю не свингер-клубы в чистом виде, а те, которые один-два раза в месяц устраивают в Париже «фетишистские», а точнее, садомазохистские вечеринки. Это мир, где постоянно что-то меняется: какие-то сборища проходят постоянно, какие-то нет, одни прекращаются навсегда, другие продолжают где-то в другом месте. Пары становятся все моложе, они одеты по моде, приходят показать себя и потанцевать в искусно подобранных нарядах из тканей, называемых фетишистскими (кожа, латекс и т. д.), созданных с большой

фантазией; другие, гораздо менее многочисленные, действительно предаются садомазохистским действиям в укромных уголках, где их ждут аксессуары, способные их вдохновить. Мне очень нравится от случая к случаю посещать такие вечеринки вместе с моими подругами.

– А почему именно с женщинами?

– Мне нравится взаимопонимание, которое существует между мной и женщинами с похожими вкусами. Все мои подруги – «госпожи». Мы встречаем в клубах, наряду с прочими, одиноких мужчин, которыми занимаемся вдвоем или втроем, которых иногда делим между собой (что они, как правило, очень ценят).

– Такой тип мужчин легко встретить?

– Да, достаточно легко. Это мужчины, которым интересен садомазохизм. А умелые и незанятые «госпожи» не попадают на каждом углу. Сделайте отсюда вывод!

– С ваших слов создается впечатление, что таких мест становится все больше...

– Да, их становится много, даже слишком! «Фетишизм» – привлекательная вывеска, которая собирает на одних и тех же вечеринках адептов садомазохизма и простых любителей «фетишистских» нарядов, среди которых довольно значительную часть составляют юные модники, имеющие довольно слабое отношение к садомазохистской практике. Досадно, что подобные вечеринки становятся все менее примечательными: они растворяются в атмосфере модных клубов, где посетители танцуют под современные шлягеры – разница только в одежде. Кажется, то же самое происходит в Англии, Голландии и других странах. Если что-то и побуждает посещать такие места, то только мысль о том, что может, даже должно произойти что-то необычное, захватывающее; иначе ради чего туда ходить?

– Кажется, вы об этом сожалеете...

– Да, в самом деле.

– Почему?

– Потому что это грозит распространиться, как эпидемия: эта новая публика мало-помалу заражает своим недостатком убежденности и самых ревностных садомазохистов, даже когда они предаются своим занятиям.

– Не заболеет ли наше общество отказом от желания?

– По поводу общества не могу ничего сказать; но в «фетишистской» среде, где я часто бываю, угроза двойная: она исходит, с одной стороны, от новой клиентуры, поскольку та, оказавшись в клубе, пытается во что бы то ни стало практиковать садомазохизм, чтобы «попробовать», по-настоящему не веря в него; с другой – от «истинно верующих», которые превратили его в привычку и тоже перестали в него верить. Изначальное и приобретенное неверие – вот в чем опасность... В связи с подобным оскудением веры я вспоминаю сцену, которая происходила уже давно, возле Вилль-д'Авре, в знаменитом свингер-клубе (почти официальном учреждении!) Обнаженная женщина («Катрин Милле» этого вечера), лежа на бильярдном столе, отдавалась чередой мужчин, одному за другим. Я, в строгом черном платье со стоячим воротником, стояла чуть поодаль вместе со своим другом и молодой женщиной, и тут мне пришла мысль провести с нею сеанс «господства», совершенно здесь неуместный. Но какой-то молодой человек тотчас воскликнул, не обращая ни к кому в отдельности: «Ах, вот сейчас будет что-то интересное!» В самом деле: это на какое-то время отвлекло его от привычного траха.

– Тогда почему бы той горстке адептов, о которой вы говорите, не создать заново такие места, где будут чтить, если можно так выразиться, первозданную чистоту садомазохизма?

– Лично я воссоздаю ее на моих частных вечеринках. На самом деле, ситуация не настолько угнетающая: речь идет всего лишь о тенденции. Я уже давно не хожу в те фетишистские клубы, где не происходит каких-то непредвиденных действий, напряженных моментов, неожиданных встреч. И с точки зрения, которую я могла бы назвать социологической, мне любопытно наблюдать, как эволюционирует эта небольшая замкнутая среда.

– Возможно, вы сожалеете, что такой тип сексуальности тоже стал жертвой демократизации, как отдых и дальние путешествия...

– Эта демократизация, по крайней мере, в Париже, очень относительна: существует финансовая селекция. Так что нельзя сказать, что речь идет о сфере, доступной для всех. Прежде всего потому, что нельзя просто так попасть в те клубы, куда принято приходить в строгих костюмах (из кожи, латекса, винила) или в униформах (медсестры, горничной и т. д.), а также потому, что цены здесь немалые – правда, это не относится к женщинам, которых обычно приглашают. Парам придется выложить, в зависимости от места и от тематики вечеринки, до 45 евро, а одиноким мужчинам – до 90 евро. Кроме того, они должны договориться о своем посещении заранее. Это автоматически исключает некоторые категории – например, молодежь и людей со скромными средствами. В Нью-Йорке дела обстоят иначе: тарифы здесь вполне приемлемые – женщины платят совсем скромную сумму, а мужчины – около 20 долларов, что не слишком дорого. Там нет «дресс-кода»; клиенты в основном мужчины; обстановка не слишком роскошная; и атмосфера, конечно же, с первого раза кажется совершенно другой. Париж более шикарный, Нью-Йорк – более «трешевый».

– И каковы ваши личные впечатления?

– В нью-йоркских заведениях я бываю анонимно, в отличие от парижских. Разумеется, очень приятно быть

узнанной и признанной, но это «признание» порой меня сковывает. В Нью-Йорке я чувствую себя совершенно свободной, и мне нравится, что клиентура там более смешанная и преимущественно мужская. В то же время меня не особенно привлекает захудалая обстановка нью-йоркских клубов, и я предпочитаю парижскую, более изысканную и роскошную. К тому же в парижских клубах меня постоянно кто-то сопровождает, тогда как в нью-йоркские я чаще всего хожу одна. Но в нью-йоркских я испытываю особенное возбуждение от использования языка: поскольку по-английски я говорю плохо и понимаю не лучше, то общение чаще происходит на уровне жестов, чем слов. Но мне случается импровизировать, придумывая небольшие сценки, во время которых я из чистого извращения говорю по-французски с партнерами, судя по всему, ничего не понимающими, и при этом произношу абсолютно непристойные вещи, чего никогда не позволила бы себе с франкоговорящими. Удовольствие заключается и в употреблении слов, и в том, что их не понимают. И в этом непонимании, или даже благодаря ему, и разворачивается действие. Я ловлю на себе чужие взгляды, наполненные ощущением загадки. В этом есть что-то от магнетизма, от магии.

– Но вернемся во Францию. Чем вы объясняете нынешнюю моду на обмен партнерами?

– Ну, об этом нужно спросить социологов. Они обычно знают ответы на все вопросы.

– Отсутствие войн, лихорадочный поиск новых ощущений?

– Не думаю. Групповой секс на «секс-вечеринках», достаточно заурядный, или его более насыщенная, даже чрезмерная разновидность – оргии, – всегда существовали, в большей или меньшей степени скрыто. Скорее, я бы объяснила такое явление освобождением умов, которое

допускает все, за исключением насилия и педофилии, и позволяет рассмотреть это вблизи, не скрываясь.

– Но об этом освобождении особенно много говорили в 70-е годы. Почему теперь о нем снова зашла речь?

– Практика обмена партнерами, возникающая в результате сексуального взрыва 70-х годов, первое время была в ходу лишь в ограниченной среде – очень активной, как и говорит о ней Катрин Милле; но это меньшинство умело заставить говорить о себе, так что данное явление проникло в плоть общества наряду с освобождением умов и нравов. По крайней мере, мне так кажется.

– Наиболее активным распространителем моды на обмен партнерами, как и на другие сексуальные практики, должно быть, стали средства массовой информации?

– Очевидно, что в этой сфере, как и в других, СМИ чувствуют тенденции, следят за ними и направляют их, служа им рупором. Посмотрите на Сен-Тропе: это начиналось с Брижит Бардо и 58 лет спустя продолжается с Лоаной...¹ Это означает, что никогда нельзя предугадать, сколько времени СМИ с их непостоянством могут поддерживать ту или иную моду.

– Эти клубы действительно так популярны, как говорят?

– Знаете, я задаю себе тот же самый вопрос! Что касается свингер-клубов, СМИ привлекают к ним внимание, но я спрашиваю себя, действительно ли там каждый день собираются толпы. Скорее всего, в точности об этом знают только полицейские и агенты налоговых служб! Если судить по садомазохистским клубам, где тематические вечеринки в самом деле многочисленны, – то некоторые из них собирают толпы народа, другие полупусты.

1 Лоана Петруччани (р. 1977) – французская певица и актриса.

– Какие отношения у владельцев этих клубов с полицией?

– Владельцы клубов знакомы с полицейскими, которые периодически появляются в этих клубах, чтобы проверить, что там происходит – ибо существует свод правил, не допускающий, чтобы там происходило все что угодно.

– «Что угодно» – это что?

– Есть запрет, касающийся денег: на «рынках рабов» они используются чисто формально, и распорядитель этой игры дает всем понять, что деньги в данном случае – единственно «ради смеха». Еще один запрет связан с кровопролитием: на любые колющие и режущие предметы (будь то булавки или перочинные ножи) смотрят очень подозрительно. Хотя надо сказать, что это все же происходит – редко и скрытно.

– Полагаю, что такая тайная практика только увеличивает удовольствие...

– Сейчас я так не думаю: скорее, возникает импульс, желание, которое я передаю и которое мой партнер принимает и возвращает еще более неистовым, отчего мое изначальное желание еще усиливается. Это побуждает меня пойти еще дальше, причем я всецело сохраняю, не смотря ни на что, свою роль «госпожи».

– Расскажите об этом подробнее.

– Я помню, как однажды на такой вечеринке воспользовалась ножом, более острым, чем простой перочинный ножик, нанеся рану одной женщине, которая весь вечер от меня не отходила. Нас было четверо, укрывшихся в сводчатой нише, напоминающей альков и забранной решеткой. Кровь заструилась из тонких порезов на груди, и тогда между нею и мной вспыхнуло наслаждение, не чувственное, но в то же время невероятно сильное, из тех, что заставляют сердца биться сильнее,

передавшемуся мужчине и женщине, которые наблюдали за этой сценой, моим близким друзьям. Ослепительная, неожиданная вспышка...

– Но эти встречи мимолетны; после того, как удовольствие прошло, что вы испытываете? Хотите ли вы снова встретить ваших партнеров, или полностью о них забываете?

– В данном случае было (и остается) «чувство» между той женщиной и мной: хотя наша встреча и была короткой, то прекрасное ощущение, которое я получила от нее, не исчезло. Что до остальных, нельзя ничего предсказать заранее, все решается внезапно. Часто многое зависит от внешности: если у меня создается впечатление, что все между нами уже сказано, то мы больше не видимся или видимся редко, когда мне кажется, что тот или иной из партнеров может принять участие в одной из моих церемоний; но если они мне нравятся, это может быть началом сильной, прочной связи, или же не такой интенсивной, как бы пунктирной, колеблемой превратностями жизни с ее нарастающим темпом и попусту растраченным временем.

– Если вы хотите увидеть того или иного из партнеров, что вы делаете? Вы, как обычно принято, обмениваетесь номерами телефонов?

– Я никогда не даю свой номер телефона с первого раза, лишь в некоторых случаях – женщинам, которые никогда не будут вас преследовать; зато я всегда спрашиваю его у тех, кто представляет какой-то интерес. Любое колебание свидетельствует о том, что человек не слишком расположен продолжать знакомство, что в один прекрасный день может стать источником ненужных проблем. Это способ сделать правильный выбор.

– Если говорить о нынешней ситуации, теперь есть мобильники.

– Да, это облегчает дело, но с теми, кто не слишком расположен к встречам, я расстаюсь, есть у них мобильники или нет. Я никогда не настаиваю, и мы мило и любезно прощаемся. Кстати на эту же тему: Рено Камю¹ постоянно жаловался в своих дневниках, что анонимные встречи гомосексуалистов – где, по его выражению «есть трах», – которые к обоюдному удовольствию проходят в парке, в сауне или в любом другом уединенном месте, часто заканчиваются без единой улыбки, дружеского жеста, благодарности, даже без единого взгляда, словно партнеры умышленно дают понять друг другу: «Все, я тебя больше не знаю!» С таким поведением я никогда не сталкивалась и не наблюдала его со стороны в гетеросексуальных садомазохистских клубах. Почему? Может быть, потому, что там почти нет «траха» и наступающего вслед за ним резкого угасания желания?

– Но в этих клубах вы вначале не знаете о сексуальных пристрастиях ваших партнеров...

– Вначале – нет. Тем не менее, можно предположить, что раз уж они оказались здесь, это не случайно! Некоторые недвусмысленно демонстрируют свои пристрастия с помощью аксессуаров: обнаженный мужчина, носящий на шее собачий ошейник с поводком, ясно дает понять, зачем он сюда пришел. Других, более сдержанных, разгадать немного сложнее, но все равно это можно сделать после нескольких уточняющих вопросов. Есть среди посетителей и совсем нерешительные, неуверенные в себе, толком не знающие, чего они хотят. Таких лучше избегать. В повседневной жизни, за исключением тех случаев, когда имеешь дело с сексуальными пристрастиями, выставленными напоказ (что мне не очень нравится), мне кажется, сложно догадаться о тех эротических фантазиях, что приходят людям в голову: часто они непредсказуемы.

1 Рено Камю (р.1946) – французский писатель, философ, публицист, основатель «Партии Невинности».

На этот счет, в самом деле, можно что-то узнать лишь из беглых ненавязчивых опросов, проводящихся для того, чтобы добавить журналам острых тем. Лишь немногие журналы проводят серьезные исследования сексуальных практик, но ничего не говорят об их истории, о сценариях, о смене образов, которые разворачиваются в сознании во время них (ни даже о том, существуют ли эти образы). Такое глубокое, захватывающее погружение, «высшая фантазматика», является предметом долгого серьезного исследования, практически невозможного. Я лелеяла мысль о том, чтобы этим заняться, но это воистину титанический труд, и, по зрелому размышлению – кому еще это интересно, кроме меня?

– Какова была самая удивительная ситуация в вашей жизни?

– В первый раз это было давно; я тогда только начинала осваиваться в нью-йоркских специализированных клубах, тем более привлекательных для меня, что в Париже точно таких не было. На небольшой сцене, расположенной в едва освещенном углу зала, достаточно красивая женщина проводила сеанс «господства» над мужчиной, стоявшим перед ней на коленях. Когда она заговорила с ним, я поняла, что ее голос, вне всякого сомнения, мужской. Я на какое-то время застыла с открытым ртом от удивления: я никак не могла себе представить, чтобы трансвестит мог быть «госпожой»! (Тогда я была еще наивна и делала свои первые открытия.) Гораздо позже, уже после выхода «Женских церемоний», я получила множество писем – почти исключительно от мужчин. Я решила встретиться с некоторыми из моих корреспондентов – просто для того, чтобы поговорить с ними. Особенно меня тронуло одно письмо, к которому было приложено очаровательное стихотворение, полное буколических цветистых метафор. Встреча состоялась в одном международном отеле, расположенном под аркадами на улице Риволи. И вот в гостиную входит

старый господин, опирающийся на трость, потом мы довольно долгое время с ним беседуем, как вдруг он говорит: «Вы не заметили?» – «Не заметила чего?» – «Я священник». Это действительно был священник из религиозного учебного заведения для девочек, из Бельгии. Он регулярно приезжал в Париж, чтобы его мучили профессиональные «госпожи», – вы знаете этих профессионалок, настоящих экспертов, у которых есть так называемый «донжон» – специально оборудованное помещение с набором традиционных инструментов: колец, крестов Святого Андрея, столов для экзекуций, розог, костюмов для переодеваний и т. д.

– *Что за костюмы?*

– Женская верхняя одежда, белье, туфли на шпильках, форменная одежда горничных и т. д. – во все это они одевали своих клиентов, перед этим накрашив их (или нет). Некоторые клиенты сами приносили с собой фетишистские наряды и переодевались в них. В Германии, где подобное практикуется более открыто, чем у нас, Томи Унгерер¹ прожил полгода рядом с профессиональными «госпожами», на одной из улиц Гамбурга, где расположены специализированные заведения; он с ними подружился и создал галерею рисунков, посвященных их аксессуарам и нарядам. Не так давно эти рисунки и прилегающие к ним интервью с «госпожами» были опубликованы в красиво изданной книге, о которой очень много говорили с момента ее выхода в продажу. Вскоре после этого я увидела на стене в приемной одной «госпожи» великолепный рисунок, где она была изображена во весь рост, в горделивой позе. Надо полагать, это был его подарок. Там же, в Гамбурге, я посетила расположенное возле вокзала, в небольшом трехэтажном доме, укромное садомазохистское заведение, которое называлось «Мадам ...» – имя

1 Томи Унгерер (р.1931) – французский писатель и иллюстратор.

я забыла. У иностранцев, в частности, у немцев и американцев, эротизм часто ассоциируется с французским языком, где слово «мадам» – одно из самых употребительных. Какой-то состоятельный человек вложил в это заведение порядочно денег ради юной и хорошенькой профессиональной «госпожи», приобретающей известность. На втором этаже был впечатляющий гардероб всевозможной одежды и обуви, на первом – небольшой амфитеатр, где устраивались тематические вечеринки, с демонстративными и поощрительными скетчами; также в центре этой уменьшенной модели амфитеатра находилась небольшая лодочная карусель. Я никогда не видела в подобных заведениях такой неожиданной вещи. Каково было ее точное назначение? Я встретила там здорового негра, с которым познакомилась в Нью-Йорке в одном из клубов, где он наблюдал за порядком и при этом сохранял манеры воспитанного ребенка. Он был всецело предан мадам – в ее заведении он стал портье, вышибалой, доверенным лицом...

– Подобные вещи все чаще можно увидеть в кино и в театре...

– Это не ново, но бесспорно, что откровенные сексуальные сцены (любых видов) приносят большой доход. С некоторых пор я заметила нечто, чего, кажется, раньше не было – перенесение садомазохистских действий в сферу искусства: выйдя за рамки клубов и «донжонов», они демонстрируются под видом «перформансов» или спектаклей в галереях, музеях, театрах, причем совершенно официально. Однако они никогда не демонстрируются в чистом виде, в своей изначальной сути. Они позиционируются как явления сферы искусства, в которую погружены: да, обнаженная женщина стоит на четвереньках, на шее у нее поводок – но это происходит в галерее, в центре художественной выставки!.. Другая, в шерстяной шапочке, натянутой на глаза, позволяет целовать

себя множеству чужих губ – да, но ведь это происходит на вернисаже, она – актриса... Ян Фабр, чья постановка «Я – кровь» заставила пролиться немало чернил этим летом в Авиньоне, какое-то время назад поставил достаточно необычный спектакль, где он сам находился на сцене в течение нескольких часов, облаченный в кожаные «доспехи», а какая-то женщина периодически хлестала его, так, чтобы кровь не останавливалась. Профессионалка за подобную услугу потребовала бы с него кругленькую сумму; здесь, напротив, он сам получил и деньги, и признание публики, поскольку все это происходило «во имя искусства»! Хорош, нечего сказать! По-моему, это уж слишком – продавать таким образом свое мазохистское удовольствие! То же самое было и с одним из моих «приверженцев» – он в достаточной мере эксгибиционист и в то же время – танцор-чечеточник. В одном из своих клубных номеров он заставляет хлестать себя, а потом получает за этот «ущерб» солидное вознаграждение. Есть еще тот американец, исключительный мазохист, который заставляет подвешивать себя на стальной цепи за ноги к потолку, но не ко всякому – а к потолку музейного зала, придавая таким образом этому садомазохистскому действию статус произведения искусства. And so on...

– Вас это возмущает?

– Ну, поскольку это пользуется спросом и приносит доход, зачем делать кислую мину? Впрочем, во все времена секс был – более или менее очевидно, более или менее осознаваемо, – ферментом для искусства; вспомните знаменитую статую Святой Терезы работы Ле Бенена: за выражением мистического экстаза на ее лице видится наслаждение женщины, испытавшей оргазм. Все это хорошо известно. Нет, то, что меня слегка раздражает – смещение понятий, когда все без разбору ставится под почетное знамя искусства, когда сам «жест» становится

«творением», что и происходит в современной секс-индустрии. Поместите какой-то предмет из секс-шопа в художественную галерею – и это уже будет «жест»! В секс-шопе этот предмет ничем не выделяется, но в галерее он сразу же возводится в ранг произведения искусства: теперь он «признан», и его продажная цена немедленно возрастает. «Дюшан» постоянно подвергается опустошению! Но, повторяю еще раз – если находятся любители подобного искусства, то почему бы нет?.. Это развивает торговлю... Возвращаясь к садомазохистской практике: провозглашать себя искусством – значит обезопасить себя от вероятного порицания и, кроме того – получить общественное признание. Ну что ж, почему бы и нет?

– Но что касается ваших церемоний, в которых, как вы говорили, присутствует элемент театральности, – вам никогда не хотелось сделать из них платное зрелище?

– Нет. Однажды мне предлагали устроить подобную церемонию в зале Центра Помпиду. Поскольку я отказалась – я все же не хотела, чтобы церемония превратилась в обычный спектакль, – я никогда не узнаю, полагалось ли за это вознаграждение. Нет, определенно мне этого не хотелось. Я всегда отказывалась устроить церемонию ради газетного репортажа или телепередачи. Это сделало бы их неестественными и, в конечном счете, смешными. Возможно, я могла бы продемонстрировать одну из них в каком-то месте, где происходят «перформансы» – с входом по приглашениям и прочем в том же роде – и может быть, кто знает, это вызвало бы критические статьи и различные комментарии... Но в данный момент меня это не интересует.

– Что в конечном итоге представляет для вас особый интерес? Женский мазохизм?

– По этому поводу можно сказать, что «История О», так же как и «Сексуальная жизнь Катрин Милле» – две книги,

которые обозначили новую веху в истории женского желания, выявив мазохистскую природу этого желания; в двух произведениях разных жанров (первый – художественный вымысел, второй – сексуальная биография) представлены два различных аспекта одного и того же явления – мазохизма. Я вижу, как у женщин понемногу нарастает стремление, преодолевающее застенчивость, которая долгое время сковывала их, – сказать и написать открыто, свободно и спокойно о своих сексуальных желаниях, о том, что они чувствуют, что им нравится, а что – нет; например, сказать, что они – мазохистки, что им нравится грубый секс, или, еще хуже, – что они попали к нему в зависимость, сродни наркотической.

– Но вы, кто так хорошо обо всем этом рассказывает, – вы ведь не афишируете себя; во всяком случае, вы отказываетесь, в отличие от других женщин-писательниц, в частности, Катрин Милле, открыть свое лицо средствам массовой информации. Это оттого, что вы жена Алена Роб-Грийе?

– Во все нет! Катрин Милле выбрала открытую игру, я – игру под маской; я действительно строго слеую правилу – не открывать лица перед СМИ. Кое-кто думает, что я хочу скрыть свое настоящее имя; но все уже давно знают, что Жанна де Берг – это Катрин Роб-Грийе. Об этом говорится даже здесь, в нашем интервью! Итак, речь идет не о том, чтобы сохранить какое-то гипотетическое «общественное положение», но просто об анонимности, о замаскированности, позволяющей мне некоторые игры, которых в противном случае я была бы лишена. Это и есть объяснение «маски» и «вуали». Что до псевдонима, он более точно соотносится с ощущением двойничества. Женщина, которая устраивает церемонии и описывает их – это не Катрин Роб-Грийе, это Жанна де Берг.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Жан де Берг. ОБРАЗ</i>	5
<i>Полин Реаж. Предисловие к роману «Образ»</i>	7
Вечер у N	9
Розы в Багатель	17
Чаепитие и то, что последовало за ним	29
Неверный шаг	33
Фотографии	37
Примерка	47
Искупительная жертва	56
В ванной комнате	65
Готическая зала	70
Все разъясняется	79
<i>Жанна де Берг. ЖЕНСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ</i>	83
Открытие	85
Каблук-шпилька	89
Размышления-1	102
Мученичество святого Себастьяна	104
Размышления-2	127
Сена	130
Клеймо	137
Жертвоприношение	163
<i>Катрин Роб-Грийе. Интервью с Жанной де Берг</i>	189

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Алехандро Ходоровский
ПЛОТЯДНОЕ ТОМЛЕНИЕ ПУСТОТЫ

Кто они – три тени, путь которых кажется бесконечным, ибо они не ведают цели? Их принимают то за студентов, то за ангелов, даже за наемных убийц. Их притягивает голос Генерала. «С одной стороны – шепот из глубины нашего нутра, с другой – плотоядное томление пустоты». Знаменитый чилийский кинорежиссер, исследователь языка Таро и психошаманизма Алехандро Ходоровский открывает тайну трех теней.

Ходоровский насилует этот мир, признается ему в любви и снова насилует.

HF-Exlibris

Любое описание того, что делает Ходоровский, неизбежно будет походить на рассказ вурдалака об автокатастрофе.

New Statesman

Кэти Акер
БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

Самый выдающийся и революционный роман Акер.

Steve Эббот

По своему неистовству и ощущению несправедливости современного мира «Большие надежды» сродни романам Генри Миллера.

Los Angeles Times

Кэти Акер не боится рисковать. Язык ее книг – безжалостный острый скальпель.

Иэн Синклер

Кэти Акер
КИСКА – КОРОЛЬ ПИРАТОВ

Гений Кэти Акер обитает в мире полузабытых снов: Эти сны нелегко понять, но вы надеетесь увидеть их снова.

Hotwired

Лучшая из писателей-панков, уникальный голос, – дерзкий, отважный, эротичный и умный.

Esquire

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Пьер Гийота
ЭДЕМ. ЭДЕМ. ЭДЕМ.

Впервые на русском языке один из самых скандальных романов XX века. «Эдем, Эдем, Эдем» – невероятная, сводящая с ума книга, была запрещена французской цензурой и одиннадцать лет оставалась под запретом.

Эта книга пахнет спермой и убийством. Эта книга – кошмарный оргазм. Это идеальная книга для современной Европы.

Стивен Барбер

Гийота написал книгу на ошеломляюще новом языке. Я никогда не читал ничего подобного. Никто еще не говорил так, как он говорит в этом романе.

Мишель Фуко

Вообразите, как воеет раненый волк, а потом представьте, что звук этого воя прodelьывает жуткие раны в теле человека, который его слышит. Таков опыт чтения романа «Эдем, Эдем, Эдем».

Bookmunch

Филип Ридли
СТРАХ ГИАЦИНТОВ

Филип Ридли (р. 1964) – один из самых ярких писателей британской новой волны, драматург, художник и кинорежиссер. В своих романах, рассказах, пьесах и фильмах (культовые ленты «Зеркальная кожа» и «Темный полдень») он создает мир, пронизанный черным юмором и эротическим символизмом, где нежность переплетается с жестокостью, а страсть с апатией.

В кино, театре, прозе и акварелях Ридли обнажает темную сторону человеческой природы, исследуя двусмысленность чудовищного и прекрасного.

Observer

Филип Ридли – писатель, которого можно назвать гением – создатель самых любопытных, гротескных и заворачивающих британских пьес и фильмов последних лет.

Time Out

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Гай Давенпорт
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПОЕЗД ХАЙЛЕ СЕЛАССИЕ

В литературной культуре, недостаточно знающей собственное прошлое, переполненной банальными и затертыми представлениями, чрезмерно увлеченной неосмысленным настоящим, отважная оригинальность Давенпорта, его эрудиция и историческое воображение неизменно поражают и вдохновляют.

Washington Post

Рассказы Давенпорта, полные интеллектуальных и эротичных, скрытых и явных поворотов, блистают, точно солнце в ветреный безоблачный день.

New York Times

Он прокликает прогресс и защищает пользу вечного возвращения со страстью, напоминающей Борхеса... Экзотично, эротично, потрясающе!

Los Angeles Times

Деликатесы Давенпорта – изысканные, элегантные, нежные – редчайшего типа: это произведения, не имеющие никаких аналогов.

Village Voice

Моник Виттиг
ЛЕСБИЙСКОЕ ТЕЛО

«Лесбийское тело» – самый радикальный феминистский роман XX века. В лесбийской «Песни песней» Моник Виттиг предлагает «пересказывать собственное тело», деконструируя патриархальный мужской язык ради создания нового языка лесбийского бунта против гетеросексуального общества.

Книга высочайшего класса, ни с чем не сравнимая по своей смелости.

The Boston Globe

ИЗДАТЕЛЬСТВА KOLONNA PUBLICATIONS И
МИТИН ЖУРНАЛ ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Моник Виттиг
ВЕРГИЛИЙ, НЕТ!

«Вергилий, нет!» – последний роман радикальной феминистки Моник Виттиг (1935-2003). Сцены из «Божественной комедии» разыгрываются в Сан-Франциско конца XX века, где соседствуют Ад, Чистилище и Рай. Женщины, закабаленные мужчинами, терпят невыносимые муки в Аду, и только свободная лесбийская любовь дарует им надежду на избавление от страданий. В своих романах и философских эссе Виттиг призывала к восстанию против мужчин, которых она считала садистами-оккупантами. Писательница утверждала, что бунт увенчается успехом, если удастся уничтожить главное оружие мужчин – язык гетеросексуального общества.

Главное в романах Виттиг – воображение. Воображение, бросающее вызов всему в нашем мире, что кажется незыблемым и неизбежным.

*Л. Тиммель-
Дюшан*

Пол Боулз
НЕЖНАЯ ДОБЫЧА

Слишком много внимания уделяется писателю, и слишком мало – его труду. Какая разница, кто он и что чувствует, если он всего лишь машина для распространения идей? В реальности его нет, он – ноль, пустое место. Лазутчик, посланный в жизнь силами смерти. Его основная задача – передавать информацию сквозь границу жизни, обратно в смерть.

Пол Боулз (1910-1999)

Книги издательства «МИТИН ЖУРНАЛ»

можно купить:

в московских магазинах:

«Проект ОГИ», Потаповский пер., дом 8/12, стр. 2
«Пироги на Дмитровке» ул. Б.Дмитровка, дом 12, стр.1
«Ад Маргинем», 1-й Новокузнецкий пер., 5/7
«Фаланстер» Б.Козихинский пер., д.10
«Книжная лавка при Литинституте им. А.М.Горького»,
Тверской бульвар, дом 25
«У Кентавра», ул. Чайнова, дом 15
«Молодая гвардия», Москва, ул. Б.Полянка, дом 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, дом 8
«БУКБЕРИ» Сеть книжных супермаркетов

в Санкт-Петербурге, в магазинах торговой сети «БУКВОЕД» по адресу:

Улица Пестеля, 23
Невский проспект, 13
Кирочная улица, 23
Московский проспект, 172
Лесной проспект, 61, корп. 1
Лиговский проспект, 4
Загородный проспект, 35

в Интернет:

«Ozon» – www.ozon.ru
«Межкнига» – www.mkniga.ru
«Лавка Я+Я» – www.shop.gay.ru/books/

По вопросу оптовых продаж книг издательств
«МИТИН ЖУРНАЛ», «KOLONNA publications»
обращаться в ООО «БЕРРОУНЗ», телефон 095-104-68-36

Для заказа книг по почте наложенным платежом
редакция просит обращаться по адресу:
170024, г.Тверь, а/я 2448
в интернет: www.mitin.com/request.shtml

Жан(на) де Берг ЖЕНСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ

МИТИН ЖУРНАЛ: Россия, 170024 Тверь, а/я 24048
Формат 60 X 90/16, объем 13 п.л.,
подписано в печать 20.04.2005 г.
Гарнитура NewBaskerville, TiemsseC.
Тираж 1000 экз. Заказ № 0000
Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
«Тверская фабрика печати», 170021, г.Тверь, Беляковский пер., 46.
Электронная почта (E-mail) – tfk@tvcom.ru